

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
Самарский филиал

КИТАЙ

В ЭПОХУ ДИНАСТИИ ЦИН
(1644–1912)

Учебно-методическое пособие

Составитель
Ю. Н. ГУСЕВА

Самара
2015

УДК 94(510)
ББК 63.3(5)
К45

Печатается по решению Ученого совета
Самарского филиала ГБОУ ВПО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

Составитель –
Ю. Н. Гусева, доктор исторических наук

К45   **Китай** в эпоху династии Цин (1644–1912): учебно-методическое пособие / сост. Ю. Н. Гусева. – Самара: СФ ГБОУ ВПО МГПУ, 2015. – 200 с.

Пособие содержит тексты малодоступных источников и фрагменты научных исследований, позволяющих сформировать представление о наиболее важных событиях китайской истории в период правления манчжурской династии Цин (середина XVII – начало XX в.).

Предназначено для бакалавров, специалистов-историков и регионоведов. Издание будет полезно всем студентам, изучающим историю Китая и Востока в Новое время.

УДК 94(510)
ББК 63.3(5)

© СФ ГБОУ ВПО МГПУ, 2015
© Ю. Н. Гусева, составитель, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ ИСТОРИИ СТРАН ВОСТОКА	4
ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ ДО НАЧАЛА XIX в.	18
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.	63
ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ТАЙПИН-ТЯНГО	105
ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ (1899–1901)	151
СИНЬХАЙСКИЕ СОБЫТИЯ И НИЗЛОЖЕНИЕ ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ (1911–1912)	158
ПРИЛОЖЕНИЕ	189
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-КОММЕНТАРИЙ	195

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ ИСТОРИИ ВОСТОКА

1. Проблема периодизации истории стран Азии и Африки.
2. Цивилизационный и формационный подходы в изучении истории стран Азии и Африки: «Маркс или Вебер?» – расхождение в понимании роли материальных и духовных факторов исторического развития (на основе анализа концепций А. Тойнби, М. Вебера, К. Маркса и др.).
3. Проблема взаимодействия и «отставания» Востока от Запада в зарубежной и отечественной историографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М., 1986.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1–3. – М., 1986, 1988, 1992.
3. Васильев Л. С. Марксизм и отечественная историография о Востоке // История Востока. Т. 1 / Л. С. Васильев. – 5-е изд.; стер. – М.: Высш. шк., 2008.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранное / М. Вебер. – М., 1990.
5. Новая история стран Азии и Африки XVI–XIX вв. В 3 ч. Ч. 1 / под ред. А. М. Родригеса. – М.: Владос, 2004.
6. Родригес А. М. История XX века: Россия – Запад – Восток: пособие для вузов / А. М. Родригес, С. В. Леонов, М. В. Пономарев. – М.: Дрофа, 2008. – 559 с.

Задачей, которая ставится перед обучаемыми при рассмотрении данных вопросов, является выяснение того, какой методологический инструментарий является наиболее работоспособным для изучения истории восточных обществ в Новое время. Для этого необходимо проанализировать литературу, содержащую изложение формационного и цивилизационного видения исторического процесса (документ № 1). Следует обратиться к сочинениям М. Вебера, А. Дж. Тойнби, К. Маркса и иных представителей цивилизационной и формационной школ. Предлагается уделить особое внимание трудам теоретика социоестественной истории Э. С. Кульпина, который пытается рассмотреть и сравнить ценностные установки Востока и Запада, а также выявить связь между «Чело-

веком», «Природой» и «Обществом» в Китае. В итоге: следует сформулировать основные принципы, ценностные ориентации, составляющие ядро китайской (дальневосточной) цивилизации (документ № 2).

ДОКУМЕНТ № 1

Ерасов Б. С. Общие критерии дихотомного сопоставления социокультурных оснований Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 246–250.

На протяжении всего XIX и XX вв. как в идеологической, так и в собственной научной литературе в изобилии проявлялись и соперничали описательный и дихотомный подходы в сопоставлении культурных явлений, относящихся как к малым культурам, так и к цивилизационным общностям. Несомненно, что именно в рамках описательного подхода на протяжении веков накапливались знания о культурах различных «других» народов. Огромные достижения культурной антропологии дополнялись исследованиями в русле конкретных дисциплин, изучающих «незападные» общества, культуры и религии: востоковедение, африканистика, латиноамериканистика, исламоведение, индуистика, буддология, китаеведение и т. д.

К концу XIX в. объем накопленных знаний потребовал упорядочивания, что происходило во многом в рамках дихотомных сопоставлений. В соответствии с этим подходом Запад и Восток выделялись как два в общем плане принципиально различных типа общественного устройства – и это различие прослеживалось именно на общетипологическом уровне, на котором уравнивались различия конкретных обществ этнического или национального уровня.

Сводя воедино те характеристики Запада и Востока, которые выделялись в разные периоды и разными авторами, можно вывести следующую схему.

Запад – Восток

Социально-экономические характеристики

Запад – развитый, урбанизированный, индустриальный; **Восток** – отсталый, сельский, аграрный.

На Западе – производство как базис (капитал); **на Востоке** – распределение как базис («реципрокное» общество).

Тип и структура социальности

В работах как «классиков»-основоположников социологии, так и современных ученых часто используются базовые дихотомные критерии в рассмотрении социокультурных типов, большей частью совпадающих и с дихотомным делением на Запад и Восток как общецивилизационных типов.

Запад – рыночные и правовые отношения, выделение личности, пользующейся правами и свободами.

Восток – межличностные (коммунальные, коммунитарные, общинные, аскриптивные) отношения, нормативный контроль через религиозные принципы и государство.

Для классического Запада характерна классовая дифференциация.

Для Востока – родоплеменные, сословные, клановые, этнические отношения.

Политические характеристики

Запад – гражданский, демократический.

Восток – патриархальный, авторитарный, деспотический.

Культурные характеристики

Запад	Восток
Материализм	Духовность
Секуляризованный реализм / прагматизм	Религиозный идеализм
Объективизм	Субъективизм
Плюрализм	Монизм
Разум (Логос)	Путь (Дао)
Динамизм / развитие / движение	Инертность / стабильность
Прогресс	Застой / косность
Искусственность	Естественность
Покорение природы	Адаптация к природе
Право	Мораль
Научность	Сакральное знание
Свобода	Порядок
Равенство	Подчинение
Воля	Фатализм
Индивидуализм	Подавление личности
Антропоцентризм	Теоцентризм

Исторические характеристики

Запад
Историзм
Линейное время

Восток
Застойность / неисторизм
Циклическое время

...Эта универсалистская схематика была впоследствии перенесена в классический марксизм, хотя при этом переосмыслена материалистически и «поставлена с головы на ноги».

Такому универсалистскому подходу постоянно противостоял романтический, а позднее революционный подход, для которого Восток предстал либо как отрядное высвобождение от оков европейского рационализма и техницизма, либо как пробуждающийся «очаг революционного преобразования мира». Сильный удар как по концепциям дуалистического противопоставления, так и по эволюционно-универсалистской схеме нанес выход книги О. Шпенглера «Закат Европы» (1918), в которой полностью отвергалась устоявшаяся схема истории и типологии культуры и сами понятия «Запад» и «Восток» становились бесосновательными.

В 1920–1940-х гг. появляются работы А. Тойнби, П. Сорокина, в которых снимается и подвергается критике проблематика дуализма и получает полноценную разработку многомерное сопоставление высоких культур. С конца XIX и большую часть XX в. интенсивно развивается культурная антропология, дающая изобильный материал для понимания поликультурности мира, хотя и на локально-этническом или структурно-социальном уровне.

Существенным достижением компаративистики стало преодоление однозначно линейной концепции истории культуры, что неизменно приводило к западоцентризму, в котором незападным культурам отводилось место «пройденных», «отставших», «архаичных» и «традиционных» стадий. И все же такое непосредственное, гуманитарное (или инструментальное) знакомство с культурами других народов на основе сопоставления со «своей собственной» имеет свои ограничения. И это выяснится, если мы не ограничимся сравнением разных культур по тем или иным отдельным характеристикам или же по их сумме, а сопоставим эти культуры как целостные и динамичные цивилизационные системы.
<...>

Динамика Запада и Востока

Навязчивая формула, нередко встречающаяся даже в наше время в научных текстах, что «идея прогресса отвергалась восточным обществом», повторяется вновь и вновь, невзирая на широко известные сравнительные описания Запада и Востока, показывающие, что вплоть до XVI в., а в ряде отношений и XVII в., восточные цивилизации явно находились на более высоком уровне развития по многим критериям в технологии, административных системах, художественной культуре, философии и науке и т. д. Лишь в XVI в. или позднее Западная Европа начинает обгонять Восток как по уровню производства, так и по достижениям в научной сфере.

Высокая степень свободомыслия в различных восточных обществах в период творческого расцвета способствовала расцвету философии и специальных наук (медицины, астрономии, математики, географии, оптики и т. д.), который вполне можно сопоставить с европейской ученостью вплоть до Нового времени. Расцвет художественной культуры, искусств, ремесел – все это создавало в ряде восточных обществ социальную и культурную среду, отличающуюся широким разнообразием, толерантностью и развитым пониманием человеческого достоинства. Это не устраняло ни проявлений деспотизма, ни подавления личности, но вряд ли западное общество сильно отличалось от азиатского вплоть до формирования зрелого индустриального общества.

Тема принципиального и неизменного различия Запада и Востока по типу духовности постоянно присутствует в философских и общих культурологических сопоставлениях. Несомненно, что такое сопоставление многое раскроет в характере классических систем философии и культуры, сложившихся в прошлом, или их роли в современной духовности.

Однако специфическая рациональность Запада, выражаемая в его философии и культурных ориентациях, давшая основу современной науке и хозяйственной деятельности, сложилась в период Просвещения и формирования индустриального общества. Использование веберовского понимания рациональности дает основание выявить ее специфику в каждой развитой системе духовности. К тому же в рамках самой западной духовности рациональное начало постоянно дополнялось иррациональным и чувственным, и ресурсы таких начал в значительной степени черпались в собст-

венном достоянии, хотя изощренная чувственная и духовная экзотика Востока превратилась в предмет интенсивных заимствований.

Как мы увидим, между Западом и различными восточными цивилизациями, действительно, имеются существенные различия, которые в полной мере проявили себя в ходе их взаимодействия на протяжении Нового времени. Однако эти различия можно объяснить, лишь обращая внимание на расхождение путей цивилизационной динамики Запада и Востока.

Можно констатировать, что подход к миру культуры как плюралистическому многообразию не устранил ни универсализма, ни эволюционизма, ни дихотомного подхода. Однако существенным принципом упорядочивания самого поликультурного подхода стало выделение цивилизаций как наиболее крупных социокультурных систем, проявивших себя в истории мировой культуры и сохраняющих свое значение и в современном мире.

ДОКУМЕНТ № 2

Кульпин Э. С. Бифуркация Запад – Восток. – М., 1996. – С. 129–155.

Система ценностей, сформировавшаяся на основе конфуцианской идеологии, имеет, согласно исследованиям по методологии СЕИ, нижеследующий вид:

ГОСУДАРСТВО

МИР, ПОРЯДОК, ТРАДИЦИИ

ИЕРАРХИЯ, РИТУАЛ, ПРОШЛОЕ (КОНФУЦИАНСКОЕ) ЗНАНИЕ

СТАБИЛЬНОСТЬ

Главные ценности: «ценность-объект» – Государство – и «ценность-вектор» – Стабильность, определились в Китае исторически. В условиях жесточайшего социально-экологического кризиса в Китае первого тысячелетия до н. э. только единое государство могло стать условием выживания древнекитайского общества, только оно могло гарантировать стабильность существования людей. Остальные ценности должны были поддерживать названные две главные.

Для традиционного Дальнего Востока мы имеем устойчивое равновесие между элементами системы ценностей, не меняющееся со временем. Здесь нет внутренней напряженности, обусловленной трудной совместимостью элементов системы. Здесь все сбаланси-

ровано, «пригнано», сцементировано как бы безоговорочной поддержкой элементов друг друга.

Первая ценность (идеал) второго яруса: опора Государства – Мир – понимается здесь в трех ипостасях: мир внутри человека – душевно-психологическая ненапряженность, мир между людьми – социальная стабильность, мир между государством и его окружением – внешнеполитическая стабильность. Мир опирается на Порядок – регламентируемую устойчивость отношений в обществе и между обществом и природой. Порядок опирается на Традиции – рецепты взаимоотношений, выработанные прошлыми поколениями. Между Миром, Порядком, Традициями нет внутреннего противоречия.

Триада ценностей второго яруса опирается на столь же устойчивую, непротиворечивую триаду третьего: Иерархию – Ритуал – Прошлое конфуцианское знание. Чтобы господствовал Мир во всех своих трех ипостасях, необходимо четкое незыблемое распределение всех вещей и явлений жизни людей по их значимости – господство Иерархии. Чтобы идеалы Мир – Порядок – Традиции действовали в обществе как непререкаемые императивы, недостаточно одной Иерархии, желателен автоматизм во всех поступках людей, который достигается неукоснительным выполнением Ритуала. Не случайно традиционное дальневосточное общество – это общество, где ритуал пронизывает все действия людей, вплоть до мельчайших и интимнейших взаимоотношений.

Все названные ценности должны иметь единое идеологическое обоснование, и оно есть – это Конфуцианское знание: мудрецы прошлого оставили письменные произведения, в которых содержатся рецепты на все случаи жизни. Если говорить о человеческих взаимоотношениях, то для «совершенномудрого» нет непредвиденных ситуаций, он твердо знает, что ответы на все вопросы можно найти в трудах древних, и находит.

Взаимосвязь между технологией и мировоззрением. Казалось бы, расхожим является мнение о том, что техника и технология вне политики, что воздействие политики и идеологии могут технику и технологию лишь «испортить», что мы и наблюдали в тех случаях, когда техника и технология создавались по приказу. Однако выяснилось, что когда идет естественный процесс формирования техники и технологии, то они соответствуют определенной системе

ценностей, т. е. в конечном счете, идеологии. Более того, многие технологии могут быть созданы только в определенной цивилизации, характеризующейся своей, отличной от других системой ценностей. Для СЕИ аксиомой является взаимосвязь между технологией – правилами игры, по которым происходит хозяйственное взаимодействие Человека и Природы, и представлениями людей о мире и о себе, центром которых является система ценностей. Соотнесение основной хозяйственной технологии с системой ценностей в социоестественном исследовании является одним из главных методов проверки правильности выведенной системы ценностей.

Начиная с ханьской эпохи, когда в Китае окончательно сформировалась конфуцианская система ценностей, в течение почти первого тысячелетия нашей эры складывалась новая технология сельского хозяйства – заливного рисоводства, по природно-климатическим условиям получившая распространение лишь в южной части Китая, Японии, Корее и Юго-Восточной Азии. Эта технология имеет ряд преимуществ перед суходольным земледелием.

Страшный бич последней – водная и ветровая эрозия – ей не страшны, так как большую часть времени года рисовое поле находится под слоем слабопроточной воды. Не нужны ей и удобрения: самая плодородная часть почвы – мелкозем, который суходольное поле теряет при эрозии, здесь, напротив, не уносится, но приносится на поле с водой. В сложном, гористом рельефе исторически поля создавались за счет освоения новых участков, поднимающихся вверх по течению рек. Для полива самотеком на поля строились все новые и новые малые плотины. При этом каждая вышерасположенная плотина уменьшала разрушительную и увеличивала созидательную силу воды.

Плодородный слой ила на рисовом поле возникает не сразу, но создается в течение 60–100 лет, т. е. смены 3–5 демографических поколений людей, и только после этого дает отдачу в виде гарантированной урожайности, превышающей таковую на суходольных полях в Средневековье в несколько раз и немногим отличающейся от современной в развитых странах.

Большое число мелких террасированных полей, связанных в единое целое ирригационной системой и начинающих давать отдачу на затраты труда не сразу, но способных затем давать отдачу столетия – единая хозяйственная система, требующая неукоснительного и четкого соблюдения технологической дисциплины, тре-

бующая внешней защиты, поскольку разрушение на одном участке грозит гибелью всей системы, наиболее оптимально может существовать не в европейской, но конфуцианской системе ценностей. Ей нужен длительный мир: в душе человека (его труд создает основу жизни не только его самого, но и ряда поколений потомков), в семьях, между семьями, между социальными слоями (поля представителей всех социальных слоев расположены вместе, исторически перемешаны между собой), между Средним государством и его соседями (иначе враги могут прийти и разрушить благополучие, созданное трудом нескольких поколений).

Как сохранить этот Мир? Легче всего при действии всей системы основных ценностей дальневосточной цивилизации с ценностью-объектом – Государством и вектором – Стабильностью, с триадами Мир – Порядок – Традиции и Иерархия – Ритуал – Прошлое конфуцианское знание. *Таким образом, любой элемент дальневосточной (конфуцианской) системы ценностей не противостоит, но создает условия для функционирования технологии заливного рисоводства.* Последняя не случайно стала господствующей при окончательном утверждении конфуцианской системы ценностей.

Как идея и эксперимент данная технология возникнуть могла и в другом месте, и в иное время, но утвердиться только на Дальнем Востоке в условиях господства конфуцианских представлений людей о мире и о себе. Именно такая система ценностей создавала оптимальные условия для заливного рисоводства, и, в свою очередь, именно эта высокопроизводительная технология традиционного Дальнего Востока стала мощной опорой конфуцианской системы ценностей.

Система ценностей европейской цивилизации. Европейская система ценностей складывалась два тысячелетия. Постепенно ценности соединялись в систему за счет компромисса, некоего взаимного ограничения. Свобода в своем пределе несовместима с равенством и братством. Понятие границ свободы – человек свободен в своих действиях до тех пор, пока его действия не ограничивают свободы других людей – стало общим местом не сразу. Гимн сильного человека, его вседозволенности находил в истории Европы разнообразное выражение, в том числе и в областях политики и идеологии, например в XX в. в идеологии фашизма.

Равенство в своем пределе не оставляет места свободе, в частности такому важному ее аспекту, как свобода предпринимательства. Как известно, ныне западноевропейская цивилизация «остановилась» на «равенстве возможностей», а не равенстве вообще. Братство также понималось по-разному.

Макс Вебер полагал, что неколебимая уверенность протестанта в честности своего брата по вере служила основой кредитных операций и развития капитализма в целом. Ныне «братство» находит свое выражение в уверенности в разделении в целом европейской системы ценностей представителями этой цивилизации, в единстве основных представлений любого человека о мире и о себе. Ценности более низкого порядка (Труд, Эквивалент, Частная собственность, Закон) также не оставались постоянными, а каждый раз имели иную форму выражения, соответствующую тому или иному компромиссу, который устанавливался между свободой, равенством и братством. В первой главе настоящей работы речь шла о становлении одной из ценностей – Труда, однако эволюцию претерпевали все.

Труд – центральная сущность для понимания процессов эволюции биосферы, как было показано, вошел в систему основных ценностей в истории европейской цивилизации отнюдь не сразу, но и не с развитием промышленного капитализма, как принято думать, а в XI–XIII вв., во время процесса, названного Марком Блоком Великой распашкой.

Значимость Частной собственности, Эквивалента (эквивалентного обмена) и Закона (права) достигли той весомости, которую они имеют сейчас, лишь с вхождением в систему основных ценностей Труда. Труд же, в принципе, не может быть самоценностью без Частной собственности, без возможности оценки его результатов путем Эквивалентного обмена, защищаемого Законом (развитой юридической системой). В противном случае, как на Востоке, мы будем иметь не Труд, а Служение, когда значимость любой деятельности определяется не сама по себе, а значимостью другой сущности, того, для кого или для чего работает человек.

В целом европейская система ценностей – динамична, она как бы открыта изменениям. И основные технологии, созданные ею, как промышленные, так и земледелие (как экстенсивное, так и интенсивное) – в своем исходе несовершенны и по принципу дополнительности техники и технологии совершенствуются длительное

время за счет техники. Техника – это прямое продолжение тела человека, и это продолжение требует Свободы распоряжения ею, права Собственности на нее, охраны этой собственности в лице Закона (Права). В итоге более чем двухтысячелетнего развития уже в Новом времени сложилась нижеследующая система ценностей западноевропейской цивилизации.

Западноевропейская система ценностей

ЛИЧНОСТЬ

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО

ТРУД, ЭКВИВАЛЕНТ (ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ ОБМЕН)

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ЗАКОН, ПРАВО

РАЗВИТИЕ

Сравнение и противостояние двух систем ценностей. Основные ценности, разумеется, не исчерпывают весь ценностный компендиум, который довольно велик, не случайно психологи, например, относят к ценностям порядка пятисот понятий, и в целом един для всех: все мы люди и ничто человеческое нам не чуждо. (К примеру, разве Государство не является весомой ценностью для европейской цивилизации?) Хотя компендиум систем ценностей разных цивилизаций по большому счету един, значимость каждой отдельно взятой ценности и их отдельных наиболее тесно взаимосвязанных совокупностей в разных цивилизациях различны. Расположение их, порядок, определенный значимостью в каждой конкретной цивилизации, дает разную их иерархию. В итоге на одном уровне значимости в системах ценностей разных цивилизаций могут находиться не только разные, но и прямо противоположные по смыслу ценности – оппоненты. Достаточно поставить рядом западноевропейскую и дальневосточную системы ценностей.

Если исходить из основных ценностей, то необходимо сделать вывод: представления о мире и о себе людей в Европе и на Дальнем Востоке в известном смысле зазеркалены. Однако делать далеко идущие выводы, исходя только из основных ценностей, было бы некорректным. Каждая ценность взаимосвязана со всеми другими во всем компендиуме и проявляет себя в совокупности взаимосвязей. Каждая система сбалансирована, равновесна, отвечает существенным потребностям жизни человека в обществе, имеет свою логику, свой рационализм.

Анализ показывает, что безоговорочное осуждение Востока в Европе как общества рабов, идущее еще от древних греков, является одним из предрассудков европейской цивилизации, разделяемых даже лучшими ее представителями. Например, анализ трудов Макса Вебера выявил глубокое психологическое противоречие внутри одного человека, противостояние ученого, обязанного быть выше предрассудков, и просто человека, которому последние органически присущи. Вебер-ученый вынужден вести речь о двух рационализмах, т. е. разнопорядковых, равнозначных и равноуважаемых явлениях, но для Вебера – не просто человека Европы, но и первооткрывателя протестантской этики – о подобном равенстве не могло быть и речи: европеец у него по всем параметрам выше китаец.

Вебер – великий ученый Европы – вплотную подошел к пониманию того, что к Востоку нельзя применять европейские понятия добра и зла: Восток не по ту сторону добра, а по ту сторону европейского добра и зла одновременно. Однако Вебер-обыватель (сочетание ученой-обыватель, казалось бы, невозможное, когда речь идет о великом социологе, но, как оказалось, реальное) внутренне, психологически не мог принять подобную точку зрения и в конечном счете в напряженной и так и не осознанной самим великим мыслителем внутренней борьбе оказался сильнее Вебера-ученого.

Мне кажется, что этот прецедент должен стать неустанным напоминанием любому ученому о необходимости видеть и преодолевать в себе «просто человека», которому свойственны все предрассудки своего времени и своей цивилизации.

СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ЕВРОПЕЙСКОЙ	ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ
Личность	Государство
Свобода, равенство, братство	Мир, порядок, традиции
Труд, эквивалент, частная собственность, закон (право)	Иерархия, ритуал, прошлое (конфуцианское) знание
Развитие	Стабильность

Хотя каждая система равновесна и рациональна, характер и тип равновесия в случае систем ценностей Запада и Востока различаются весьма существенно. В европейской цивилизации мы видим

напряженное, неустойчивое, непрерывно меняющееся равновесие между элементами внутри системы. Так, давно замечено и зафиксировано внутреннее противоречие между Свободой и Равенством, обусловленное Развитием, непрерывное изменение характера компромисса между ними. Здесь достаточно обратиться к трудам исследователя прошлого века Алексиса де Токвиля, посвященным, в частности, истории развития американской демократии, и современным исследованиям тех же противоречий, осуществленным Робертом Далем.

Две целостные системы ценностей автохтонных цивилизаций относятся к обществам разного физического и формационного времени. Дальневосточная конфуцианская система ценностей возникла в процессе преодоления социально-экологического кризиса середины первого тысячелетия до н. э., завершила процесс своего формирования в эпоху поздней Хань (I–III вв. н. э.) и оказывала свое конституирующее влияние на общество на протяжении почти двух тысячелетий, пока в XVIII в. китайское общество не вступило в новый, второй по счету, не менее жестокий социально-экологический кризис, оказавшийся также кризисом и системы ценностей, в котором пребывает до сих пор. Западноевропейская имеет свой исход также в античности, прежде всего – в Элладе эпохи похолодания железного века или перехода от архаики к полюсной системе. Далее она медленно развивалась в течение почти двух с половиной тысячелетий, пока не приняла современные формы уже в Новое время.

Можно ли сравнивать системы ценностей, которые окончательно сложились: одна на пороге нашей эры и сегодня находится в состоянии кризиса, а вторая – практически в наши дни? Если подходить с позиций формационного развития общества – невозможно. Но разве развитие любого организма можно рассматривать только с точки зрения физического времени, т. е. времени, протекающего вне этого организма, вне этой системы? Если мы подойдем к человеку как биологическому организму, то сразу выясним, что один и тот же возраст у разных людей не означает, что их потенции к дальнейшей жизни одинаковы. Внутреннее время старения, к примеру, двух живых организмов одного и того же вида, родившихся в одно и то же время, различно. Также различно и время формирования личности. Один становится взрослым, скажем, в 15 лет, другой – остается инфантильным до самой смерти. С точки

зрения СЕИ суперэтнос – это живой организм, а цивилизация – это жизненный путь суперэтноса. Этот путь сложен, и движение на нем подчиняется законам, которые еще не раскрыты, и не исключено, что они совсем иные, чем те, с помощью которых мы привыкли судить об эволюции общества.

ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ ДО НАЧАЛА XIX в.

1. Основы хозяйственно-экономической и политической жизни Китая.
2. Конфуцианство как господствующая идеология китайского общества. Ее влияние на социально-экономическую жизнь китайцев.
3. Включение Китая в международные отношения.

Материалы, представленные в данном разделе, связаны с формированием у обучаемых представления о традиционном Китае, о хозяйственных, экономических, культурных, политических нормах жизни китайцев в эпоху династии Цин (документы № 1, 3, 4). Именно с этой целью в раздел включены фрагменты «Истории Китая с древнейших времен до наших дней», в которой содержится богатый фактологический материал по данным проблемам, а также приведены официальные оценки советской синологической школы; критика и сравнение их с мнениями других авторов (документ № 2) представляют научный интерес.

ДОКУМЕНТ № 1

История Китая с древнейших времен до наших дней. – М., 1974. – С. 166–186.

Глава 13. Китай под властью маньчжурских феодалов. Аграрная политика Цинов и положение в деревне

...В разгар войн земледельцы жестоко страдали от конфискации продуктов, от обязанности перевозить провиант для армии и других повинностей. Широкие масштабы приняло порабощение китайцев. Маньчжурские феодалы, чиновники и даже солдаты обзаводились рабами. Китайские военачальники-изменники тоже не отставали. У одного из них насчитывалось более 24 тыс. рабов мужчин и женщин. Рабы использовались в качестве военной охраны, слуг и земледельцев на полях своих господ. Обращение с рабами было самым жестоким. Чтобы ограничить истребление крестьян, потребовались специальные императорские указы, грозившие наказанием за убийство рабов-слуг. Бегство рабов приняло массовые масштабы, поэтому власти прибегали к суровым мерам против беглых, а также против чиновников, упустивших беглецов. Было

создано специальное учреждение, занимавшееся делами, связанными с ловлей беглых рабов...

...Большие пространства захваченных полей были превращены в императорские поместья. Число таких личных владений богдыхана*¹ быстро возрастало и к середине XVIII в. достигло 700. Большинство этих владений находилось на севере Китая и в Маньчжурии. В каждом поместье занимались разведением определенного продукта, доставляемого ко двору.

Крупными наследственными владениями были земли маньчжурской знати, т. е. князей, родственников царского дома и высших военачальников. Во время войны за покорение Китая Цины отдали маньчжурской знати довольно много земли. Но, укрепив свою власть, они воздерживались от новых пожалований. Значительная часть этих владений сложилась за счет передачи земли китайцами маньчжурской знати с переходом под ее покровительство. В жестких условиях чужеземного ига не только мелкие земледельцы прибегали к этому выходу, но и довольно богатые помещики отдавали себя под «покровительство».

Все восьмизнаменное маньчжурское войско от командиров до рядовых воинов наделялось землей в разных размерах. Наделы, выделяемые солдатам, достигали 36 му*, командирам – 300 му. Земли эти, хотя и находились в наследственном владении, считались собственностью знамени и отчуждению не подлежали. Правительство ревностно охраняло интересы маньчжуров. Если восьмизнаменные солдаты закладывали и перезаклаживали свои земли так, что их наделы в конце концов переходили к китайским ростовщикам и помещикам, правительство конфисковало или выкупило эти земли. Несмотря на столь решительные меры, в XIX в. маньчжурские солдаты почти лишились своей земли, перешедшей к казне, и стали получать оплату продуктами и деньгами. Часть земель находилась во владении буддийских и даосских монастырей и храмов, а также конфуцианских храмов и школ. Маньчжуры, добиваясь поддержки духовенства, передали им земли, доход с которых целиком шел служителям культа.

Все виды так называемых казенных земель не облагались государственными налогами. В некотором роде исключением служили

---

¹ Слова, помеченные звездочкой, см. в терминологическом словаре-комментарии.

военные поселения, расположенные преимущественно в окраинных районах, разделенные на мелкие участки поля находились в держании солдат-крестьян, которые обрабатывали их, а всю продукцию сдавали военным властям. Сами землепашцы получали продовольственный паек, наибольшее распространение военные поселения получили в Синьцзяне и особенно в Джунгарии. Китайские крестьяне, которых туда переселили, подчинились военным командирам из маньчжуров.

Маньчжурия (современные северо-восточные провинции Китая) считалась вотчиной цинского дома, и китайцам запрещалось переселяться туда. Поэтому в течение более двух столетий плодородные маньчжурские земли пустовали; заселены были лишь южные районы и некоторые города. Обширные пространства Центральной и Северной Маньчжурии сделались для китайцев запретной территорией. Цины резервировали ее для себя на случай бегства из Китая. В Маньчжурии находились императорские поместья, владения знати и восьми знамен, но подавляющая часть земель не обрабатывалась.

Большинство земель во внутренних провинциях Китая считалось частной собственностью китайцев. Их владельцами были помещики – чаще средние и мелкие, чиновники, купцы, духовные лица, изредка крестьяне. После разгрома феодалов во время крестьянской войны и антиманьчжурской борьбы крупные землевладения распались, и китайские помещики, как правило, стали владеть незначительными участками. Таким образом, в стране господствовало мелкое землевладение. Но зажиточные верхи деревни и города, а также чиновники занимались ростовщичеством и, пользуясь связями с органами власти, разоряли мелких собственников и крестьян, а сами богатели.

В течение XVIII в. росло крупное землевладение за счет разорения земледельцев. К началу XIX столетия богатым семьям уже принадлежали обширные поместья. Так, крупный чиновник в Цзянси в конце XVII в. владел 1 млн му земли. Столетьем позже некоторым сановникам удалось захватить по 2–2,5 млн му. Однако такие крупные землевладения были довольно редким явлением. Чаще всего богатые люди имели несколько сотен или 1 тыс. му земли. В середине XVIII в. в одном из докладов сообщалось: «Ныне богатым дворам принадлежит 50–60 % всех земель, а те, которые раньше владели землей, стали теперь арендаторами».

Маньчжурские власти не вмешивались в процесс перераспределения земельной собственности. В отличие от минской династии Цины признали права частной феодальной собственности. Концентрация или дробление землевладений их не касались. Однако Цины обложили землевладельцев податью независимо от того, были они помещиками или крестьянами. Маньчжуры отменили пожалования и дарения крупных массивов земли, имевшие место при Минах. Процесс «поглощения» шел как бы снизу и не принимал таких грандиозных размеров, как в XV–XVII вв. Куплю-продажу полей цинские власти облагали соответствующими податями. И в этом важном вопросе Цины заняли иные, чем Мины, позиции. В Цинской империи существовали различные виды условной купли-продажи; любые поля, если не номинально, то фактически, могли быть куплены, проданы или заложены.

В течение многих лет велась напряженная борьба за восстановление прежней системы учета и налогообложения. Императорские указы повелевали местной администрации приписывать крестьян к земле повсюду, где бы они ни находились. Только уроженцев Сычуани, которая обезлюдела и была разорена больше, чем другие провинции, велено было возвращать на родину. В феодальном Китае не все трудовое население числилось податным, поэтому всеобщий учет вызывал большие затруднения. Император Канси (1662–1722) в специальном указе объявил об установлении определенного количества налогоплательщиков в стране в соответствии с переписью 1711 г. Однако, несмотря на этот указ, общее количество людей, подлежащих налогообложению, продолжало возрастать и в начале XIX в. достигло почти 300 млн. Крестьянин, члены его семьи, дом, имущество, поле подлежали учету. Все это вносили в особые списки, записывали на специальных табличках, прикрепленных к воротам. Проверка всех списков проводилась регулярно.

Казна взимала налоги с населения в возрасте от 16 до 60 лет. Помещики, если они не причислялись к привилегированным, также подлежали обложению. Налог взимался натурой и деньгами. Уплата налога тканями вызывала необходимость заниматься домашней промышленностью. Официальный перечень продуктов, материалов, предметов, взимаемых казной, был огромным. Налоги чаще всего исчислялись в серебре, а взимались натурой или медной монетой, что открывало сборщикам большой простор для злоупотреблений. Иногда чиновники ухитрялись внести в списки непри-

годные для обработки земли или сделать неправильные подсчеты. Податные обязывались выполнять трудовые повинности и дополнить военные поставки. Тяжелым бременем, как и раньше, ложились косвенные налоги – на чай, вино, имущественные сделки, на получение наследства, соляная монополия.

Земледельцы-податные составляли незначительную часть класса китайских крестьян. Большинство их составляли издольщики-арендаторы, навечно прикрепленные к земле или находящиеся в личной зависимости от господина.

На землях императорских поместий и маньчжурской знати вначале трудились военнопленные китайцы-рабы. Постепенно они превратились в крепостных держателей земли (чжуандин). Обрабатывая небольшой участок, эти землепашцы обязаны были отдавать значительную часть урожая в положенные сроки и в определенном количестве. Но чаще всего правила нарушались, и с земледельца взымали гораздо большую часть урожая или требовали уплату намного ранее установленных сроков, что тяжело отражалось на скудном крестьянском хозяйстве. Любая неустойка влекла к жестоким наказаниям, из которых самыми распространенными были тяжелые колодки (канга) на шею и руках или батоги. Держатели, работавшие на землях знати, должны были отбывать за них военную повинность. Во владениях маньчжурских феодалов находились китайские крестьяне, отдавшие себя с землей или без земли под их покровительство. Они были почти так же бесправны, как и рабы. На землях казны и монастырей частично оставались крестьяне – государственные податные, которые платили налоги.

Поля частных собственников обрабатывали наследственные или временные держатели (арендаторы феодального типа). Им приходилось отдавать землевладельцу часть урожая, достигавшую 50–70 % жатвы, работать в хозяйстве помещика, подносить ему подарки, отдавать в услужение членов семьи или дочерей в гарем. Чтобы удержать свой крохотный клочок земли, следовало внести хозяину залог, который в случае неустойки мог пропасть. Если принять, что 80 % земли в Цинской империи принадлежало частным лицам, то зависимые держатели мелких полосок полей составляли подавляющую часть класса крестьян. Чаще всего их хозяйственный бюджет был очень напряженным, и свести концы с концами оказывалось невозможным. Крестьянину приходилось обращаться к ростовщику, которым мог быть помещик, староста, сельский лавоч-

ник. Ростовщические проценты на ссуды исчислялись ежемесячно и были высокими. Сколько бы крестьянин ни выплачивал, он почти никогда не мог освободиться от долгов. В трудное время в заклад отдавали одежду, утварь и даже сельскохозяйственные орудия. «Сельские жители после окончания страдной поры закладывали свои сохи и мотыги в ломбард за полцены. Можно представить, как они бедны, если закладывают даже сохи и мотыги», – писал в своем докладе начальник области в середине XVIII в. ...

...Процесс дифференциации в деревне происходил очень медленно. Вся система аграрных отношений в Цинской империи, обеспечивавшая отчуждение не только прибавочного, но зачастую и некоторой доли необходимого продукта, держала деревенское хозяйство в состоянии крайней нужды. Земледельцы чрезвычайно скудно питались, десятками лет носили одну и ту же одежду, ютились в тесноте, а условия их жизни были до предела примитивны. Их хозяйство было не в силах бороться с неожиданными затруднениями. Во второй половине XVIII в. разорение земледельцев приняло широкие масштабы. Некоторые оставались батраками в деревне или уходили искать работы в ремесленные центры, районы горнодобычи и шелководства. Другим ничего не оставалось, как стать бродягами или разбойниками. Сотни тысяч людей постоянно жили в лодках на воде, не смея ступить на берег, и поэтому едва умели ходить. Города были переполнены нищими, которые организовывали свои общества.

Политика династии Цин в городах

В годы антиманьчжурской борьбы упорное сопротивление завоевателям оказывали горожане. Победители безжалостно истребляли жителей, а города превращали в руины. Жители уцелевших городов разбрелись по деревням или оказались поработанными. Китайский ученый и патриот Тан Чжэнь (1630–1704) писал в конце XVII в.: «После установления цинской власти прошло свыше 50 лет. С каждым днем Китай становится все беднее и беднее. Разорились и крестьяне, и ремесленники, и чиновники. Рынки опустели... Войдешь в дом, а труба не дымит». Однако маньчжурскому двору не в меньшей степени, чем свергнутой династии, требовались оружие, ткани, фарфор, всевозможные предметы быта. Восстановление городов, ремесла и торговли происходили чрезвычайно мед-

ленно и в формах значительно более консервативных, чем в предшествующие столетия.

Большинство китайских городов по-прежнему имело средневековый облик: сохранились городская стена, ворота, запирающиеся на ночь, планировка улиц, ориентированных с севера на юг и с запада на восток, кварталы одноэтажных домов с внутренними дворами и глинобитными стенами, ряды лавок и лавчонок. Улицы заполняли бродячие торговцы и мастера, уличные парикмахеры, писцы и сказатели, нищие. При династии Цин продолжалось строительство императорских дворцов, загородных парков, храмов...

В годы правления маньчжурской династии система надзора и контроля за городским населением была более строгой и тщательно разработанной, чем в любой период Средневековья. В период правления Канси маньчжуры предприняли попытки ликвидации цеховой системы и замены ее общекитайской системой круговой поруки (баоцзя*). Ликвидировать цехи не удалось – сила сопротивления была велика – и маньчжуры ввели баоцзя наряду с цеховой системой.

Указом 1708 г. об укреплении и расширении круговой поруки в городах, как и в деревне, во главе десятидворок власти ставили старшин (баотоу, чэньтоу) из зажиточных ремесленников и торговцев. С их помощью осуществлялся сбор налогов и контроль за городским населением. «Если одна семья совершит проступок, девять других семей привлекаются за соучастие» – такая надпись была выбита на одной из сучжоуских каменных стелл XVIII в. Каждый горожанин был занесен в специальные книги, приписан к своей улице и кварталу, обязан был дважды в месяц ходить на специальные проверки в управу. Все прибывавшие в города или уезжавшие оттуда проходили регистрацию. Какие изощренные полицейские функции выполняла эта система, видно из указа за 1708 г.:

«Каждое домовладение получает табличку, заверенную официальной печатью. На ней написаны номера и количество взрослых мужчин. В случае отъезда кого-либо из них записывается их место назначения; в случае чьего-либо приезда в домовладение указывается, откуда они прибыли; запрещается принимать незнакомцев и подозрительных лиц до тех пор, пока не будет произведен их подробный опрос. Каждые десять домовладений имеют старшину, каждые десять «пай» – старосту «цзя», а каждые десять «цзя» – на-

чальника «бао»... В конце каждого месяца начальник бао представляет письменную гарантию того, что все обстояло благополучно в его округе, и этот документ пересылается соответствующим чиновникам для проверки. Виновные в невыполнении данного порядка будут наказаны». Членам бао запрещалось передвигаться по улицам ночью, ночевать в храмах, устраивать многолюдные сборища. Даосским и буддийским монахам вменялось в обязанность представлять доклады и доносы на ремесленников...

Для идеологической обработки населения, почти поголовно неграмотного, цинское правительство использовало систему сяньюэ – беседчиков, назначаемых властями из лояльных лиц почтенного возраста (указ 1659 г.). 1-го и 15-го числа каждого месяца эти беседчики обязаны были на своей территории разъяснять правительственные указы, правила морального поведения (шесть правил – люлюй, принятых в 1652 г.), вели записки добрых и дурных деяний жителей данной местности. Эта система официальных доносчиков настолько вошла в сознание простых китайцев, что даже тайпины по доброй воле внесли ее в свою аграрную программу, вменяя в обязанность старшинам запись поведения членов тайпинских общин.

Маньчжурские императоры Канси и Цяньлун упражнялись в сочинении ханжеских правил морального поведения, выдавали себя за классиков китайской литературы; их стихи и изречения украшали стены дворцов, парков и городских построек, внедрялся обычай подражания образцам их каллиграфии, заучивания их изречений. В политике подавления городов маньчжуры постоянно пользовались традиционной доктриной: «Земледелие – ствол, торговля, ремесло – ветки». По выражению венгерского синоведа Э. Балаша, существовала «постоянно бдительная демагогия, проводившаяся с большим искусством... Делался вид, что крестьянин – венец творения, что все в стране озабочено его благополучием, и уж во всяком случае, нет никакого сравнения между благородством земледелия – «основного занятия», и любой другой профессией, в особенности торговлей, о ничтожестве которой неустанно твердил Конфуций».

Даже состоятельные слои торгово-ремесленного населения не обладали никакими политическими правами и привилегиями. Их влияние не выходило за пределы цеховых и гильдийских организаций. В глазах русских кяхтинских купцов богатые дельцы Май-

мачэна выглядели как бесправные люди, которые стыдились порядков в своей стране, скрывали от кяхтинских жителей существование унижительных телесных наказаний. По свидетельству тех же кяхтинских торговцев, китайцы, жившие в Маймачэне, не верили официальным сообщениям и пользовались информацией о Китае, полученной от русского населения.

Внешняя торговля

Во второй половине XVII в. маньчжурское правительство не разрешало китайцам торговать с иностранцами. В порты Гуанчжоу, Аомынь, Цюаньчжоу, Нинбо разрешалось заходить иностранным кораблям. Первое место среди предметов вывоза за границу занимали шелк, фарфор, чай. До середины XVII в. торговая монополия в Китае принадлежала португальцам. В конце того же века на первый план выдвинулась английская Ост-Индская компания, и в 1715 г. англичане учредили в Гуанчжоу первую постоянную факторию, ставшую оплотом ее колониалистской политики в Китае.

В 1757 г. указом цинского императора все порты, кроме Гуанчжоу, были объявлены закрытыми для внешней торговли. Но даже и в этом «открытом» городе иностранцам не позволяли селиться в пределах городской черты и учиться китайскому языку. Известен случай, когда в 1760 г. некий Лю Я-бань был обезглавлен за то, что обучал иностранцев китайскому языку.

Неэквивалентность торговли европейских стран с Китаем достигла огромных размеров. Фарфоровый предмет, купленный в Китае за 1 пенни, продавался в Лондоне за 1 шиллинг. За шкурку, стоившую на западно-американском побережье 6 пенсов, торговцы из США получали в Гуанчжоу 6 долл.

С 40-х годов XVIII в. Гуанчжоу начали посещать французские, датские, шведские, голландские корабли; большое развитие получила частная, личная торговля капитанов иностранных кораблей и суперкарго, которые скупали огромные партии шелка и фарфора. Только в 1753 г. пять кораблей вывезли 1 млн фарфоровых предметов.

Однако европейские страны вынуждены были расплачиваться за китайские товары серебром. В первой половине XVIII в., по данным Морзе, соотношение между грузом товаров и грузом серебра на британских судах составляло 90 к 10 %, а в лучшем случае

75 к 25 %, и Великобритания лихорадочно искала универсальный товар для ввоза в Китай. Таким товаром оказался опиум.

Политика внешнеторговой монополии, проводившаяся в Средние века в Китае, стала еще более суровой при маньчжурах. Много указов, изданных в XVIII в., были направлены на ограничение частной инициативы и сокращение доходов частных торговых домов. Так, в 1716 г. была запрещена торговля медью и цинком, в 1732 г. – железными котлами и металлом, в 1733 г. – порохом, железом и железными изделиями. В 1755 г. цинские власти наложили вето на свободную торговлю фарфором, а в 1760 г. – на экспорт шелковых тканей. Вся внешняя морская торговля сосредоточилась в руках купцов-откупщиков, объединенных в 1721 г. в казенную купеческую гильдию «Гунхан»* («Кохонг»). Вступительный взнос в нее составлял 2 тыс. слитков серебра. Торговцы, не входившие в «Гунхан», лишались права непосредственных сношений с иностранцами.

Сухопутной торговлей с Россией ведала компания шэньсийских купцов, члены ее (без семей) уезжали на три года в расположенный близ Кяхты Маймачэн, где совершали крупные торговые сделки. Императорский двор получал огромные барыши из казны шэньсийской компании. Несмотря на обилие запретов, продолжала развиваться контрабандная торговля частных купеческих компаний.

Внешняя торговля оказывала стимулирующее воздействие на развитие ремесленного производства в стране. Спрос на изделия китайского ремесла в странах Востока и Европе диктовал китайским частным предпринимателям необходимость расширения производства и создания мануфактур. Непосредственно под влиянием спроса на внешних рынках возникли мастерские по росписи фарфора в Гуанчжоу, гуандунский косторезный промысел, расширилось производство шиваньской керамики. Активизация торговли сахаром потребовала создания больших сахароварен в Гуандуне, Гуанси, на Тайване. Вывоз металлических изделий в страны Юго-Восточной Азии способствовал расширению их производства в провинциях Хубэй, Шэньси, Гуандун.

Мода на изделия китайского ремесла вызвала в свою очередь развитие подражательного искусства в Европе. Дельфские керамические мастерские создавали подделки под китайский кобальтовый фарфор; фабрика братьев Веджвуд (Англия) и моравские гончарные заводы – под исинскую «каменную» керамику. Во дворце Екатери-

ны II в Ораниенбауме русские крепостные живописцы соорудили лаковую «китайскую камору», долгое время считавшуюся производением китайских ремесленников; на кузнецовских заводах чайную посуду расписывали китайскими сюжетами.

Социальный строй и государственная организация Цинской империи

Маньчжурские феодалы полностью переняли китайский опыт социального и государственного устройства. При новом правлении система гнета и бесправия была дополнена режимом национально-го угнетения, произошло еще большее дробление классов на мелкие социальные группы. Вся страна была разделена на обособленные территории. Эти мероприятия имели цель упрочить и сохранить власть группы иноземцев в огромной империи.

В отличие от прежних завоевателей Китая маньчжуры не ассимилировались среди местного населения, а обеспечили себе обособленное и привилегированное положение. Смешанные браки были запрещены, никто из маньчжуров не мог взять в жены или в гарем китайку. Одежда маньчжуров несколько отличалась от китайской. Маньчжурский язык и письменность стали государственными наравне с китайскими; все документы писались двуязычной письменностью. Чтобы закрепить приниженное положение подлинных хозяев страны, Цины по-прежнему заставляли всех мужчин (кроме монахов, которые целиком брили голову) брить полголовы со лба и заплетать оставшиеся волосы в длинную косу, как издавна было принято у маньчжурских племен. За срезанную косу полагалась смертная казнь. Женщины-маньчжурки не бинтовали ступни ног, как это было принято в Китае.

На вершине социальной лестницы в империи находились маньчжуры: феодалы, чиновники, военачальники, солдаты с их семьями. Некоторыми привилегиями в империи пользовались монгольские феодалы, остальное население страны в разной мере испытывало национальное угнетение. Китайские феодалы не допускались к верховной власти. Китайцам-мусульманам запрещалось занимать гражданские должности, они могли служить только в войске. Что касается представителей малых народностей, их вообще не принимали на службу.

Маньчжуры составляли высшее сословие – потомственную аристократию и военное дворянство. Занятие ремеслом и торговлей им

запрещалось как позорное дело. Они были неподсудны общим судам; без специальной санкции власти не могли арестовывать маньчжура. В стране существовали особые законы, правила и особые тюрьмы для маньчжуров...

Горожане в целом по-прежнему оставались бесправными, несмотря на резкую имущественную дифференциацию. На одном полюсе сосредоточились богатые купцы, предприниматели, мастера, зачастую тесно связанные с господствующим классом, а на другом – подмастерья, ученики, слуги и нищие.

Вся огромная крестьянская масса находилась в угнетенном состоянии. Земледелец не мог распоряжаться ни собой, ни семьей, ни имуществом. Крестьяне были лишены права свободного передвижения. В семье и в общине над ними тяготел гнет традиций, религии, конфуцианской морали. Они обязаны были подчиняться старшему в роде, старосте, помещику, управляющему, служителям культа, даже ростовщику. За любой проступок им угрожали кары: телесные наказания, конфискация имущества, ссылка, а то и смертная казнь...

Маньчжуры позаботились о том, чтобы усилить разграничение между различными слоями в обществе, и особенно внутри господствующего класса. Принадлежность к определенному рангу подчеркивалась обычаями, жизненными условиями, качеством и формой одежды, шариками на шапках, высотой и убранством жилищ, цветом черепицы на крышах, пышностью выездов. Простолюдины не имели права носить шелковую одежду и какие-либо украшения...

Низшими общинно-административными единицами в деревне считались стодворки и десятидворки. Эти мельчайшие организации основывались на территориальном принципе, но имели соседские или кровнородственные связи. Круговая порука и общая ответственность перед начальством опутывали десятидворки. Во главе низовых деревенских организаций стояли старосты, которые следили за своевременной уплатой налогов и ренты, выполнением повинностей, занимались надзором за крестьянами, поимкой беглых, доносами начальству. Завоеватели, воссоздавая государственный аппарат, обещали назначать на высшие должности и маньчжуров, и китайцев, но порядок этот не соблюдался. Вакансии, выделенные для китайцев, преднамеренно оставляли незанятыми, а если и назначали китайцев, то они должны были подчиняться маньчжурам.

Кандидаты на чиновничьи должности, как и прежде, должны были сдавать экзамены на так называемые ученые степени. Очень часто правительство продавало должности или они доставались чиновникам, покровительствуемым влиятельным лицам. Лихоимство и взяточничество процветали...

В Цинской империи существовала сложная и очень действенная система слежки в учреждениях, в городе и деревне. Старосты десятн дворков были наделены полицейскими функциями. Старикам поручались надзор и особая опека над молодежью. Строжайший учет и круговая порука позволяли вмешиваться в дела семьи, строго следить за настроениями, поведением и передвижением жителей. За каждое нарушение правил жителей жестоко наказывали. Цинскими властями был издан свод законов в виде подробного перечня преступлений и наказаний.

Маньчжурские князья, которые были в прошлом шаманистами, став властителями Китая, признали китайские религии и использовали их в своих интересах. Наиболее распространенной религией оставался буддизм, сосуществовавший с даосской религией, мусульманством и христианством. Но главной господствующей идеологией было конфуцианство в его средневековой реформированной в XII в. философии Чжу Си форме. Конфуцианские принципы, требовавшие беспрекословного подчинения младших старшим и начальникам, полная покорность освященным древностью традициям, возвеличивание власти императора, сына Неба, – все это служило интересам новых хозяев страны. Каноны конфуцианцев считались основой всякого образования, их взгляды определяли правовые нормы, а обряды были для всех обязательными. Маньчжурские императоры, особенно Канси (1662–1722) и Цяньлун (1736–1796), широко использовали конфуцианское учение для укрепления своей власти. На основании конфуцианской морали Цины проводили борьбу и жесточайшие репрессии против патриотов, вольнодумцев, передовых ученых и писателей. Многие десятилетия XVII–XVIII вв. не прекращались меры, направленные на подавление всего прогрессивного и упрочение маньчжурской власти в Китае.

Тайные общества

Крестьянские движения в XVI–XVII вв. были лишены религиозных покровов, но после маньчжурского завоевания в них все ча-

ще активно участвовали различные секты. Феодалная реакция, возобладавшая в Китае, вызвала к жизни сугубо средневековые формы и методы борьбы народа, изнывавшего под двойным гнетом. По всей стране раскинули свою сеть тайные мистические общества. Помимо религиозных задач они ставили прямую цель свержения маньчжурского ига. Вся деятельность их была глубоко законспирированной.

Одно из крупнейших тайных обществ, «Саньхэхуй» («Общество Триады»), возникло в Фуцзяни около 1674 г. и было основано воинами, не пожелавшими сдаться маньчжурам и выполнить требование о бритье головы. Горный монастырь Шаолинсы стал главной базой их деятельности. В 1684 г. по приказу богдыхана войска осадили монастырь и сожгли его. Согласно преданию, пятеро спасшихся монахов отправились в странствия и начали вербовать сторонников. Призывы их нашли широкий отклик. Несмотря на то, что вступление в общество было сопряжено со всякими трудностями, число его членов постепенно увеличивалось, массы людей с побережья вступили в его ряды. В провинции Цзянси большинство населения участвовало в тайных обществах.

Вторая крупная религиозная организация «Гэлаохуй» («Общество Старших братьев») возникла в конце XVIII в. В общество вступали крестьяне, городские ремесленники, мелкие торговцы, но люди низших профессий (уборщиков учреждений, цирюльников, актеров) в него не принимали. Наибольшей популярностью это общество пользовалось среди населения долины Янцзы, оно выдвигало требование не покоряться маньчжурам.

Старейшее религиозное «Общество Белого лотоса» к тому времени насчитывало огромное количество членов и в течение минувших веков создало свои основные организации в провинции Шаньдун и других районах севера. Оно неоднократно подготавливало крупные народные восстания и уходило в глубокое подполье. В XVIII в. его деятельность приобрела антиманьчжурскую направленность.

Для вступления в тайное общество нужно было пройти различные испытания, принести клятву, связывавшую человека на всю жизнь. Члены общества обязаны были превыше всего сохранять тайну и подчиняться дисциплине, а также соблюдать многочисленные уставы, запреты и мистические обряды. Организации пристально следили за жизнью своих членов.

Главным лозунгом тайных обществ стало требование свержения власти маньчжуров и восстановления китайской династии Мин, т. е. восстановления национального государства и уничтожения власти иноземцев. Принося клятву, вступающие в общество объявляли о своей смертельной вражде к завоевателям и обещали бороться против них, не щадя жизни.

Члены тайных обществ считали взаимную помощь одной из главных своих заповедей. Для крестьян дружеская выручка в трудных условиях жизни имела большое значение, что и способствовало их массовому вступлению в эти организации. Члены тайных обществ имели и чисто религиозные обязанности: исполняли буддийские или даосские обряды, подчинялись духовным покровителям. Общее идейное содержание их религиозной проповеди заключало в себе идею равенства и справедливости.

Классовый состав тайных обществ был неоднородным: большинство их составляли крестьяне, за ними следовали городские низы. Некоторые организации принимали всех прошедших искусы, в том числе нищих и бездомных бродяг. В тайные общества входили большинство средних и мелких торговцев, а также помещики, чиновники или богатые купцы, если они считали себя непримиримыми врагами маньчжуров.

Принцип суровой конспирации строго соблюдался всеми. Нарушение тайны и измену общество карало смертью. Рядовые члены знали обычно лишь четырех товарищей из пятерки, к которой сами принадлежали. Такая организация предотвращала провал. Члены обществ узнавали друг друга по особой манере держать палочки во время еды, по порядку расставленной посуды, по многим тайным паролям и знакам. Маньчжурские феодалы уже в первые годы после вторжения в Китай осознали опасность тайных обществ, и императоры издавали приказы казнить на месте без суда и следствия их членов. Несмотря на репрессии, число антиманьчжурских обществ неуклонно возрастало, и они становились хотя и тайной, но массовой силой. Их деятельность иногда проявлялась во внезапных убийствах маньчжуров или местных представителей господствующего класса. Но главное направление их деятельности заключалось в подготовке и организации народных восстаний.

Народные восстания в XVIII в. и начале XIX в.

В период маньчжурского ига в Китае крестьянскими выступлениями руководили тайные общества. Исключение составляли восстания коренных жителей юго-западных окраин. Согласно приказу Канси 1704 г. в Хунани, Гуйчжоу, Юньнани и Гуанси вместо прежнего родоплеменного управления во главе с местными старейшинами (тусы) создавались те же органы административной власти, что и во всей империи. Следом за появлением маньчжурской администрации начались захваты земель и имущества местных жителей. Новые власти облагали население непомерными налогами и жестоко обращались с ним. Чиновники, помещики, ростовщики создавали вооруженные отряды и притесняли туземцев.

В 1735 г. в Гуйчжоу началось восстание народности мяо, которое охватило несколько провинций. Повстанцы упорно защищали свою землю. Маньчжурские войска несли огромные потери, но все же овладели значительной территорией. Однако племена не складывали оружия. В 1772 г. восстали цзиньгуаньские племена в Сычуани. Цины стянули на юго-запад много войск и расправлялись с повстанцами с крайней жестокостью. Но едва им удавалось подавить движение в одном районе, оно возникало в другом. Даже в начале XIX в. эта внутренняя война не закончилась. На северо-западе также происходили волнения. В 1783 г. восстало мусульманское население провинции Ганьсу.

Но наиболее опасными для цинского режима были восстания, подготовленные тайными обществами. Они вспыхивали внезапно и принимали характер массовых антиманьчжурских движений. Одним из районов упорной борьбы стал о-в Тайвань, где богдыханы установили жесткий режим. Новые властители захватывали земли, взымали налоги выше, чем на материке. Переселение и торговые связи с побережьем строго ограничивались. Самовольство цинских чиновников не имело предела. В 1721 г. тайваньцы подняли восстание, и их 30-тысячное войско овладело большим числом населенных пунктов, в которых реставрировало порядки прежнего китайского государства. Маньчжуры переправили крупное войско на Тайвань и после кровопролитных сражений подавили движение. Но в 1787–1788 гг. тайваньская организация тайного «Общества Триады» подготовила новое выступление. Отряды, руководимые этим обществом, заняли города на севере и на юге острова и удерживали их в течение двух лет. Затратив много сил и средств, Цины

подавили восстание, но общество продолжало свою тайную деятельность.

В 70-х и 80-х годах XVIII в. активизировалось и «Общество Белого лотоса», оно подготовило крупное восстание в провинциях Шаньдун и Хэнань. Повстанцам удалось овладеть несколькими районами. Правительственные власти жестко расправились с народом и их вождями, но уничтожить тайное общество не смогли.

Проповедники «Общества Белого лотоса» отправились в Северный Китай вербовать сторонников и призывать народ к борьбе. Когда в 1793 г. их тайный заговор был раскрыт, власти прибегли к жестоким репрессиям. Жители провинции Шаньдун были терроризированы, а организация в этой провинции парализована. Но тайная антиманьчжурская деятельность не прекращалась...

Несмотря на неудачи, тайные общества не прекратили подготовку к новым восстаниям и вели свою невидимую подрывную работу против цинского режима, выступая вместе с тем рассадниками патриотических и освободительных идей.

Во внешних сношениях Цины придерживались традиционного китайского учения об избранном положении Поднебесной. Это помогло им отгородить Китай от внешних влияний и сохранить незабываемыми старые устои власти и их собственное привилегированное положение.

Во время жестоких войн за покорение китайского народа они использовали помощь иностранцев, за которую предоставили им различные льготы. Цины разрешили католическим миссионерам приезжать и жить в Китае. Миссионеры были советниками и учителями богдыханов, особенно Канси. Иностранцам было позволено основывать на побережье свои фактории. Их торговля не регламентировалась, тем более что Цины были заинтересованы в возможно большем ввозе огнестрельного оружия. Португальцы, голландцы, англичане, французы конкурировали между собой. Они захватывали или покупали по низким ценам для экспорта шелка, вышивки, фарфор, золотые, серебряные и другие изделия художественного ремесла, ртуть, сахар, лечебные травы. Особенно активно действовали английская и голландская Ост-Индские компании.

В 1715 г. в Гуанчжоу была создана первая английская фактория; в Нинбо – французская, португальцы закрепились на Макао (Аомынь). В Пекине и других городах Китая появились миссионеры, чаще всего иезуиты и францисканцы, которые добивались распро-

странения западноевропейского влияния в Китае. Для установления более регулярных отношений и получения сведений о стране Ост-Индские компании направляли в Пекин свои миссии. Так, в 1755–1756 гг. миссия голландской Ост-Индской компании посетила южную и северную столицы. Ее секретарь оставил ценные записки о Китае. В 1667-м, а затем и в 1727 г. приезжали португальские посольства. Специальный представитель Франции пытался проникнуть в Китай и вручить богдыхану личное послание короля Людовика XIV. Англичане также предпринимали неоднократные попытки завязать отношения с Цинами. Однако все посольства из Западной Европы, все попытки заокеанских стран установить дипломатические и регулярные торговые сношения с Китаем кончались неудачей. Характерно, что в тот период открытого вторжения в Китай, как это было в других странах, колонизаторы не смогли осуществить.

Как только Цины укрепили свою власть в стране, они ограничили деятельность иностранцев. При третьем маньчжурском императоре Юнчжэне (1723–1735) были закрыты иностранные фактории и более 300 христианских церквей. Многие миссионеры подверглись изгнанию. Преемник Юнчжэна император Цяньлун в 1756 г. запретил иностранную торговлю в портах Китая. Гавани, куда могли прибывать корабли из Европы, находились на Макао и двух мелких островах, превратившихся в португальскую колонию. Лишь оттуда иностранные товары могли перевозиться в Китай. Цины запретили китайским купцам дальние плавания и тем самым нанесли непоправимый вред китайской торговле. За участие частных лиц в морской торговле полагались суровые кары, вплоть до смертной казни. Количество судов, которым разрешалось заходить в порт Макао, было весьма ограниченным. Торговля с Японией бала монополизирована государством и строго регламентирована самими японцами.

Все эти ограничения не могли полностью прервать торговые связи Китая с другими странами, но сводили их до минимума. Кроме того, подобные мероприятия правительства способствовали потере Китаем торговой активности. Китайские купцы становились лишь посредниками в торговле, которая обогащала Ост-Индские компании и служила интересам первоначального накопления капитала в Европе. Китай же превратился в объект этого накопления. Иностранцы, вывозившие из Китая ценнейшие товары, не могли предложить китайскому рынку ничего, кроме огнестрельного ору-

жия, табака, а позднее опиума. Для знати и двора они привозили очки, которые в Китае не знали, часы с автоматическим механизмом и граненые драгоценные камни, поскольку в Китае их не умели гранить. Вслед за Ост-Индскими компаниями и Северная Америка начала ввозить свои товары. В 1784 г. через Тихий океан прибыли первые корабли, а вскоре американцам удалось значительно расширить свою торговлю. Во второй половине XVIII в. англичане пытались проникнуть в Тибет, используя для этого вражду местного населения к маньчжурским правителям.

В то время как наступила эпоха Нового времени и в Европе развивались и зрели капиталистические отношения, в Китае господствовал феодальный строй в его наиболее отсталой, реакционной форме. Искусственно законсервированные порядки глубокого Средневековья были подкреплены национальным гнетом и унижением. Развитие производительных сил, культуры, научных знаний оставалось почти на прежнем уровне. Цины, «закрыв» Китай, временно предохранили страну от открытого ограбления. Но, задержав его развитие на длительный срок, они превратили слабую и отсталую Среднюю империю в легкую добычу тех же колонизаторов.

Маньчжурское иго и китайская культура

Маньчжурские правители не могли считать свою власть в безопасности без установления сурового контроля в области идеологии. Китайские патриоты, потерпев поражение в вооруженной борьбе, продолжали сражаться против маньчжуров иными средствами. Ученые, писатели, просто образованные люди создавали произведения, которые содержали антиманьчжурские призывы, осуждение чужеземного владычества и вольнодумные мысли. Маньчжурские императоры карали смертью поборников свободомыслия, ссылали их родню, конфисковали имущество. Репрессии в первую очередь обрушились на историков, поскольку именно они пытались описать бурные события недавнего времени. Составители минской истории и все, кто был причастен к этому труду, были объявлены крамольниками. Даже трупы ранее умерших выкапывали из могил и рубили им головы. Множество людей подвергли пыткам, казням и ссылкам. Некоторым пришлось всю жизнь проводить в скитаниях, спасаясь от преследователей. Все это не остановило потока ан-

тиманьчжурских сочинений, хотя и сделало авторов более осторожными, а язык их сочинений иносказательным.

В XVIII в. при Цяньлуэне преследования китайских авторов достигли особой изощренности. Этот император считал себя поэтом и меценатом, что не мешало ему жестоко расправляться с памятниками китайской культуры. По его приказу были составлены специальные комиссии, в обязанность которых входил пересмотр всех книг. Из текстов старинных и новых работ повелевалось изъять все, что могло показаться оскорбительным маньчжурам или завоевателям Китая предшествующих эпох. Вычеркивали и то, что казалось выражением вольнодумных мыслей, реформаторских требований или не соответствовало конфуцианской морали. Произведения, признанные крамольными, подлежали сожжению. Живые авторы подвергались жестокому карам, так же, как и те, кто хранил запрещенные книги.

«Литературная инквизиция» и террор продолжались около 20 лет. По меткому выражению писателя-демократа Лу Синя, китайская письменность была посажена за решетку. Китайским ученым и писателям предназначалось заниматься компиляцией, переписыванием и перетолковыванием старых сочинений, составлением сборников и словарей. В результате китайская письменность, наука, любая область знаний оставались все на том же средневековом уровне...

ДОКУМЕНТ № 2

Васильев Л. С. История Востока. – Т. 1. – М., 1994. – С. 388–392.

...Как и их многочисленные иноземные предшественники на императорском китайском троне, маньчжуры, несмотря на сохраненные для восьмизнаменных войск и всей маньчжурской аристократии привилегии и на официальное запрещение смешанных браков (запрет действовал не слишком строго), быстро китаизировались. Причем они сознательно не препятствовали этому. Конечно, они стремились сохранить от растворения в гигантской массе китайцев свой немногочисленный этнос, и благодаря запретам и изоляции им это в определенной мере удалось. Но они никогда, подобно монголам, не противопоставляли себе китайцам в плане культурном, напротив, охотно впитывали китайскую культуру, становились конфуцианцами.

Начиная с Канси (годы правления: 1662–1723) маньчжурские императоры были конфуцианцами, причем ревностными. Они управляли страной, следуя древним заветам и внимая советам конфуцианских ученых-чиновников. Были сохранены традиционная китайская административная система, как и механизм воспроизводства бюрократии, т. е. система экзаменов. Были проведены аграрные мероприятия, направленные на упорядочение землепользования и налогообложения. Казенные земли гуань-тянь щедро раздавались маньчжурам, и правительство строго следило за тем, чтобы не слишком привязанные к земле вчерашние воины-кочевники не продавали своих наделов. А если такое все же случилось, правительство время от времени выкупало проданные земли и возвращало их маньчжурам. Императоры строго следили также и за порядком в крестьянской общинной деревне, за эффективностью отвечавших за налоги и связанных круговой порукой низовых ячеек – пятидворок, десятидворок. Все эти меры в общем давали свои результаты.

Китай под властью династии Цин на протяжении первых двух веков развивался достаточно интенсивно. Невероятно быстрый рост народонаселения (на рубеже XVIII–XIX вв. в Китае насчитывалось около 300 млн человек, тогда как на протяжении предшествующих двух тысячелетий средняя численность населения страны колебалась на уровне 60 млн) внес свои коррективы в привычную динамику династийного цикла. Дело в том, что бурно возраставшее демографическое давление имело и плюсы, и минусы. Минусом была явная нехватка земли, аграрное перенаселение. Давно ушли в прошлое те времена, когда крестьянский надел измерялся сотней му. Теперь он стал почти на порядок меньше, равнялся немногим десяткам му, если даже не измерялся единицами тех же му. Но зато во многом изменилось отношение к земле. Демографическое давление вызвало к жизни феномен все возраставшей интенсификации и увеличения производительности труда. Улучшались агротехнические приемы, использовались севообороты, принимались во внимание местные условия для выращивания наиболее выгодных культур и реализации их на рынке. И во всем этом активное участие принимало государство – ведь оно было в конечном счете ответственным за все, включая хозяйство страны. Положение в земледелии для него не могло не иметь значения.

В соответствии с классическим тезисом китайской древности: «земледелие – ствол, основа; торговля, ремесло и иные занятия – ветви, второстепенное» – маньчжурское правительство и весь аппарат его администрации обращали внимание именно на состояние землепользования, так как положение в этой сфере экономики не только гарантировало основную часть доходов казны, но и обеспечивало внутреннюю стабильность империи. Маньчжуры обеспечили покорность китайского населения (символом его была коса, которую под страхом смерти обязаны были носить китайцы мужского пола), но, добившись этого, весьма активно заботились о процветании экономики страны и благосостояния ее населения, вполне всерьез воспринимая при этом классический конфуцианский тезис о том, что высшая цель верхов – благо народа, на котором зиждется благополучие государства.

Если не считать земель категории гуань-тянь, которые раздавались маньчжурской знати и солдатам, за счет которых существовали императорский двор и храмы, а также выделялись служебные наделы чиновникам, то все основные земли страны были, как и обычно, землями минь-тянь. Было бы неточным считать эти земли частными, даже если они почти свободно переходили из рук в руки. Ведь перемещение земельных участков из одних рук в другие – феномен, с которым Китай был знаком всегда, по меньшей мере с Чжоу. И для китайского государства, которое, впрочем, было озабочено тем, чтобы каждый пахарь имел свое поле, в принципе было не так уж важно, у кого земля; важно только, чтобы за ее использование аккуратно выплачивалась рента – налог. Едва ли не наиболее очевидно это из того, что все земледельцы-налогоплательщики для китайского государства всегда были единым недифференцированным сословием, вне зависимости от их имущественного состояния или имущественных и иных социальных различий. Другое дело, что существенное перемещение земель во владение богатых всегда так или иначе ударяло по казне, и именно поэтому государство то и дело предусматривало в своих реформах препятствия для такого перемещения или заново предоставляло земли всем нуждающимся в них. Но можно ли было обойтись без этого и, точнее, как с этим обстоит дело в цинском Китае?

Из источников явствует, что основным контингентом богатых землевладельцев были шэньши* и разбогатевший городской люд, ремесленники и торговцы. Связи между этими категориями вла-

дельцев как и между ними, с одной стороны, и разбогатевшими деревенскими землевладельцами – с другой, издавна были самыми тесными. В богатых деревенских кланах всегда были свои шэньши, а богатые горожане не упускали случая породниться с обедневшими шэньши и тем повысить свой статус. Все это в конечном счете влекло за собой, как и обычно, перекачивание всей тяжести налогов на средних и мелких землевладельцев. Ведь с шэньши, которые помогали чиновникам управлять страной и принимали активное участие во всех общественных делах на местах – в строительстве дорог, храмов, плотин, каналов, сборе налогов, организации тех или иных массовых движений и начинаний т. п. – много не возьмешь. Напротив, к ним еще и прилипало немало из того, что бралось в форме налогов и повинностей в данном уезде. Так что же было делать с интересами казны?

Уже говорилось о том, что в цинском Китае обычный династийный цикл несколько деформировался за счет прежде всего гигантского демографического взрыва. В земельных отношениях, бывших всегда фундаментом каждого цикла, эти изменения нашли свое отражение в том, что увеличившееся население и резкая интенсификация земледельческого труда с соответствующим ростом производства (другой вопрос, всегда ли компенсировал этот рост увеличившееся количество голодных ртов) заметно ослабили заботы государства о регулярном поступлении налогов в казну. Вместе с увеличением производства объективно возникала возможность и роста налогов. Хотя значительная часть земель оказывалась в руках богатых и они не очень-то торопились платить в казну налоги, на общей массе налогов с данного уезда это не сказывалось слишком заметно, ибо возросшее количество дворов возмещало потери. Дело в том, что с 1713 г. налоговая квота с каждого уезда надолго была жестко фиксированной. Практически это значило, что казна довольствовалась сбором точно означенной суммы, тогда как все остальное могло едва ли не беспрепятственно оказываться в распоряжении местной власти, т. е. уездного чиновника и окружавших его богатых землевладельцев и шэньши, на которых этот чиновник, а вместе с ним и вся власть, надежно опирались. Мало того, их этих собранных сверх квоты налоговых сумм свою долю получали и чиновники более высоких рангов, вплоть до столичных. Государство знало об этом и, видимо, даже не всегда считало это коррупцией. Просто это была форма дополнительной оплаты власть иму-

щих, форма подкормки шэньши, число которых в XVIII–XIX вв. в цинском Китае исчислялось, с семьями, в несколько миллионов человек.

Цинский Китай и внешний мир

Маньчжурская династия в некотором смысле оказалась уникальной для Китая. Ни одному из завоевавших Китай народов не удавалось так удачно вписаться в классическую структуру империи. И не просто вписаться, но найти свое место в этой структуре, не раствориться целиком в ней, а сохранить формальный этнополитический приоритет, династию на протяжении немногим менее трех столетий. Это был своего рода рекорд. Чем же можно объяснить его?

Прежде всего тем, что маньчжуры весьма активно усваивали конфуцианскую культурную традицию. Стоит напомнить в этой связи о 16 заповедях Канси – катехизисе для простого народа, вошедшем в себя в сжатом и понятном виде всю суть великого древнего учения, квинтэссенцию его, весь его нравственный потенциал. Уже одно то, что этого не делал никто до Канси и что это было сделано именно маньчжурским императором на китайском троне, говорит о многом. Далее, маньчжуры не только приняли конфуцианство, что называется, всем сердцем, но и весьма удачно реализовывали его на практике, прежде всего в сфере администрации. Выгодные для них демографическо-экономические процессы они сумели использовать таким образом, чтобы, не обременяя чересчур налогами землевладельцев, которые едва ли не с каждым поколением вынуждены были довольствоваться все уменьшавшимися наделами земли, сохранить минимум доходов и распределить все остальное так, чтобы, как говорится, и овцы были целы, и волки сыты.

Разумеется, нет нужды идеализировать маньчжурское правление Китаем. Но памятуя, сколь много гневных стрел было направлено исследователями в адрес цинского Китая и его политики, стоит все-таки восстановить историческую справедливость. А она в том, что по меньшей мере на первых порах, в XVII–XVIII вв., маньжурское правление в Китае было не слишком уж ощутимо скверным для китайцев. Пожалуй, даже – если не иметь в виду чувство поправленного национального достоинства в первые десятилетия правления цинской династии – маньжурское правление, начиная

с Канси, было временем сравнительно благополучного существования для страны. И это время продолжалось достаточно долго. В частности, оно охватило и долгие годы правления Цяньлуна (1736–1796), когда в империи достаточно быстрыми темпами развивались города, ремесло и торговля, а внутренняя стабилизация была настолько очевидной, что создавала весьма благоприятные условия для активной завоевательной внешней политики.

Вообще отношения цинского Китая с внешним миром складывались в XVII–XVIII вв. с явным преимуществом в пользу Китая. Колонизация Китая почти не затронула. Первое поколение миссионеров, энергично начавшее осваивать Китай в конце правления династии Мин, продолжило занимать заметные позиции и при цинском дворе вплоть до конца XVII в. Однако уже в начале XVIII в. от услуг миссионеров Китай стал отказываться, а затем и вовсе закрыл христианские церкви и выслал из страны миссионеров. Соответственно цинское правительство поступило и с иностранными торговцами. Если в XVII в. португальские, голландские, а затем также английские и французские купцы пытались наладить с Китаем торговые связи и добились некоторых успехов, то в середине XVIII в. торговля с европейцами была ликвидирована, за исключением одного порта в Кантоне (Гуанчжоу), да и там торговля должна была вестись через посредство утвержденной правительством компрадорской компании китайских купцов, строго контролируемой чиновниками. При этом в распоряжении португальцев остался прибрежный остров Макао, который был своего рода опорным пунктом иностранной торговли.

Правда, в конце XVIII в. узкий ручеек транзитной торговли с Китаем вновь понемногу стал расширяться. Китайский шелк, чай, фарфор и иные товары, пользовавшиеся в Европе исключительным спросом, стали продаваться иностранными купцами в большем количестве. Но и здесь не все было гладко. Дело в том, что европейцы мало что могли предложить взамен. Показателен в этом смысле эпизод с английской миссией Макартнея. Когда в 1793 г. в Китай прибыла первая европейская официальная миссия (к слову, на кораблях, везших миссию по рекам и каналам Китая, была начертана весьма характерная надпись: «Носитель дани из английской страны»), Макартнею был вручен императорский эдикт для передачи королю Георгу III. В эдикте 39 между прочим было сказано: «Как ваш посол мог сам убедиться, у нас есть абсолютно все. Мы не

придаем значения изысканно сделанным предметам и не нуждаемся в изделиях вашей страны». И это, в общем, было именно так. Потребности китайцев вполне удовлетворялись китайскими изделиями, а расширять эти потребности цинское правительство резонно не желало, не говоря уже об ограничительной силе самой китайской традиции. Так что иностранные колонизаторы практически мало что могли извлечь из торговых связей с цинским Китаем. Даже наоборот, они вынуждены были платить, скажем, серебром за изысканные китайские товары. Во всяком случае до тех пор, пока англичане не сумели найти выход. Да еще какой!

В обмен на китайские изделия они стали ввозить выращивавшийся в других странах, в основном в Индии, опиум, к курению которого китайцы, особенно жившие в приморских районах, стали быстро привыкать. Ввоз опиума в конце XVIII и особенно в XIX в. все возрастал, пока объем ввозимой отравы не превратился в подлинное бедствие для страны, что и привело к серии «опиумных» войн в середине XIX в. Собственно, только после этих войн и поражения в них Китая Цинская империя начала превращаться в полуколонию. До того ситуация была совершенно иной. Цинское правительство, закрыв свою страну для повседневных контактов с внешним миром и ограничив эти контакты минимумом регулярных связей, немало способствовало тому, что Китай в XVII–XVIII вв., да и в начале XIX в. был не просто независимой державой, но и демонстрировал свои немалые потенции.

Усилиями цинских властей в начале XVII в. была завоевана Внутренняя Монголия, которая после превращения Китая в империю Цин стала ее частью. Вассалом цинского Китая была Корея, к Китаю был присоединен Тибет. В середине XVIII в. экспедиция Цяньлуна привели к включению в империю Внешней Монголии и Восточного Туркестана (Синьцзян), а в конце того же века цинские войска совершили ряд успешных походов на Непал, Бирму, Вьетнам, а также несколько потеснили русских в районе Амура. Уже один этот краткий перечень свидетельствует о том, что в течение XVII–XVIII вв. цинский Китай территориально вырос едва ли не вдвое, далеко выйдя за пределы Великой стены (Маньчжурия, Монголия, Синьцзян и Тибет стали как бы буферными землями, надежно охранявшими собственно Китай), да к тому же еще и оброс вассально зависимыми от него государствами на востоке и юго-западе империи.

...Из сказанного вполне очевидно, что вплоть до XIX в. цинский Китай уверенно и даже не без оттенка высокомерия сохранял свои традиционные позиции в сношениях с внешним миром. Кое в чем он время от времени поступался, разрешая, в частности, вести торговлю с европейскими и русскими купцами без обычного прикрытия этих связей камуфляжем даннических отношений. Хотя, как это хорошо видно из материалов о посольстве Макартнея или из описей русских миссий, во взаимоотношениях с официальными представителями держав маньчжуры твердо стояли на почве традиции, едва ли не искренне считая послов представителями от государств-вассалов, если не реальных, то потенциальных.

Словом, цинский Китай, особенно после его немалых территориальных приобретений XVII–XVIII вв., был одной из крупнейших стран мира с достаточно еще стабильной и жизнеспособной внутренней структурой, с хорошо налаженной экономикой, сильной армией. Но слабость его была именно в том, что в другие времена всегда составляло его силу, – в мощи китайского традиционного государства, в отсутствии развитой по европейским меркам и принципам частной собственности. Это стало отчетливо сказываться с начала XIX в., когда англичане начали быстрыми темпами наращивать ввоз опиума в Южный Китай.

Движимые жадной наживой, английские купцы поставили дело на широкую ногу, так что то самое серебро, которое до того шло в Китай, теперь стало щедрым потоком идти в обратном направлении – в качестве платы за опиум, торговля которым шла в основном контрабандным путем. Несмотря на официальные запреты и даже эдикты императора, торговля не прекращалась, причем нет сомнений в том, что на этом грели руки и наживались многие чиновники цинской администрации. Только в 1839 г., когда наместником двух южных провинций стал Линь Цзэ-сюй, началась энергичная борьба против опиумной контрабанды, в ходе которой конфискации подверглись запасы опиума в английских торговых факториях. Эти события были использованы Англией в качестве *casus belli**. В конце 1839 г. были спровоцированы первые столкновения китайцев с англичанами, а летом 1840 г. британская военная эскадра высадила десант. Отставка Линь Цзэ-сюй не смягчила остроту конфликта, с обеих сторон начались открытые военные действия, которые завершились успешным продвижением англичан и капитуляцией цинского Китая летом 1842 г.

Неповоротливость традиционного государственного механизма, неумение вести бои против хорошо вооруженных современным оружием английских войск – все это, равно как и экономическая не заинтересованность Китая в активных связях с внешним миром, поставило страну в крайне невыгодное положение перед лицом активного, энергичного, напористого врага, движимого чувством наживы и стремлением найти емкий рынок для своей нуждающейся в новых рынках капиталистической промышленности. Нанкинский договор 1842 г. практически поставил Китай на колени: империя должна была выплатить огромную контрибуцию и предоставить Англии множество льгот, начиная с открытия для торговли теперь уже пяти портов и кончая льготными условиями для британских торговцев, вплоть до низких 5 % таможенных тарифов. Вскоре аналогичные льготы получили торговцы других капиталистических стран, а все иностранцы приобрели право экстерриториальности, т. е. неподсудности китайским властям. Именно эта серия неравноправных договоров и открытие Китая для иностранной торговли на очень льготных основах, с откровенными привилегиями для иностранцев, и положили начало не столько превращению Китая в полуколонию (преувеличивать этот момент едва ли стоит – Китай оставался вплоть до XX в. политически независимым государством, хотя, конечно, он в международных делах все же зависел от баланса политических сил капиталистических держав), сколько упадку империи, концу цинской династии...

ДОКУМЕНТ № 3

Сладковский М. И. Китай и Англия. – М., 1980. – С. 20–32.

Англо-китайские отношения во второй половине XVIII в. (до прибытия в Китай миссии Макартнея)

...В рассматриваемый период Цинская империя достигла вершины своего внешнеполитического могущества. Заключение с Россией Нерчинского (1689 г.) и Кяхтинского (1728 г.) договоров заложило прочные основы для взаимовыгодной равноправной торговли и для поддержания официальных посольских связей. Во второй половине 50-х годов XVIII в. цинскими войсками после напряженной, кровопролитной войны были захвачены Джунгария и Восточный Туркестан. Затем наступила очередь южных и юго-западных соседей Китая. В 1769 г. вассальную зависимость от Цинов вынуж-

дена была признать Бирма, в 1790 г. – Аннам, в 1792 г. – Непал (Корея и Монголия в аналогичное положение были поставлены еще в XVII в.).

Цинские императоры последовательно придерживались традиционной внешнеполитической китаецентристской доктрины, обуславливающей высокомерно-пренебрежительное отношение ко всем иностранцам, включая и европейцев.

Ко второй половине XVIII в. могущество Англии, добившейся решающих успехов в борьбе со своими соперниками за колониальное господство, значительно выросло. Особое значение в указанном плане имела решительная победа англичан над французами (в ходе Семилетней войны (1756–1763)) в их споре за Индию, что предопределило установление в ней господства Англии.

В 1757 г. Ост-Индской компании, превратившейся в результате, по словам К. Маркса, «из торговой державы в державу военную и территориальную», удалось захватить богатейший район Индии – Бенгалию, ставшую ее торгово-экономической и стратегической базой. Овладев ресурсами Бенгалии (а затем и рядом других индийских княжеств) и введя на завоеванных территориях монополию внешней торговли, Ост-Индская компания получила возможность устранить одно из препятствий, тормозивших развитие англо-китайской торговли, – нехватку товаров для сбалансирования товарооборота.

Ужесточение контроля над западноевропейской торговлей в Китае и ее территориальное ограничение

Настойчивые попытки европейцев добиться права свободной торговли вызвали опасения у цинских правителей. В 1757 г. императором Цяньлуном был издан указ, согласно которому европейцам разрешалось заниматься торговлей только в Гуанчжоу (на территории порта). В случае захода европейского судна в Нинбо или Чжоушань предписывалось конфисковать находившиеся на нем «оружие, пушки, амуницию и паруса», а за привезенные товары «взыскивать двойную пошлину». В развитие этого указа (хотя в нем в принципе не исключалась возможность завоза европейских товаров в Нинбо и Чжоушань) администрация Фуцзяни, Чжэцзяна и Гуандуна специальными распоряжениями безоговорочно запретила заход европейских судов во все китайские порты, кроме Гуанчжоу.

Строгое территориальное ограничение европейской торговли, монополизация ее с китайской стороны системой «Гунхан», жесткий контроль цинской администрации – все это вызывало решительные протесты иностранных торговцев, в первую очередь английских. В противовес системе «Гунхан» они в 1758 г. создали в Гуанчжоу свою объединенную торговую организацию – Совет английских суперкарго, состоявший из четырех человек во главе с президентом. На Совет была возложена задача согласовывать действия английских фирм и представлять английскую сторону в переговорах с «Гунхан» и китайской администрацией.

Одновременно англичане попытались явочным порядком начать торговлю в других китайских портах и таким образом заставить китайские власти отказаться от введенных ими территориальных ограничений. 13 июня 1758 г. правление Ост-Индской компании приказало суперкарго Флинту на судне «Саксесс» направиться в Нинбо, и если китайские власти не разрешат зайти в него, то проследовать не в Гуанчжоу, а в Тяньцзинь (куда английские суда еще не заходили) и требовать аудиенции у императора. Попытки Флинта по прибытии в Тяньцзинь (21 июля) добиться приема у императора не имели успеха. Тем не менее Цяньлун дал указание гуанчжоуским властям рассмотреть английские жалобы.

На переговорах в Гуанчжоу китайская сторона пошла на некоторое смягчение системы «Гунхан», однако в принципе установленный режим был сохранен. За отказ исполнить унижительную церемонию коутоу* (многочисленные поклоны) на приеме у генерал-губернатора после окончания переговоров Флинт был арестован (по обвинению в самовольном заходе его судна в Нинбо). После трех лет заключения он был выслан из Китая. Таким образом, попытка англичан явочным порядком разрушить систему территориального ограничения европейской торговли потерпела неудачу.

Нарушение англичанами китайского запрета на ввоз опиума

Конфликтная ситуация в китайско-английских отношениях с 60-х годов XVIII в. обострилась в связи с увеличением ввоза в Китай опиума, преимущественно из Бенгалии, хотя иностранцам был известен изданный в 1729 г. императором Юнчжэнем закон, строго запрещающий продажу и курение опиума. С середины 60-х годов экспорт опиума в Китай (до этого не превышавший разре-

шенной законом – для использования в медицинских целях – нормы в 200 ящиков) начал стремительно возрастать (см. таблицу).

Год	Минимальная оценка объема ввоза (кол-во ящиков)	Максимальная оценка объема ввоза (кол-во ящиков)
До 1767 (в среднем в год)	100	200
1767	200	1000
1781–1782 (в среднем в год)	1400	1600
1790	4054	5054

Экспорт опиума в Китай осуществлялся нелегально – при посредничестве португальцев через Макао, откуда он на джонках доставлялся в Вашну – предместье Гуанчжоу. Этим и объясняется оценочный характер приведенных выше сведений, дающих наглядное представление о размерах материального и морального ущерба, наносимого западноевропейскими, преимущественно английскими, торговцами китайскому народу. Выручка за ввезенные в Гуанчжоу в 1790 г. 200–250 т опиума составила 1400–1900 тыс. ф. ст. Для уяснения важности этой новой статьи экспорта в Китай для англичан следует напомнить, что вся стоимость легального ввоза Ост-Индской компанией, включая индийские товары, составляла в указанном году 1970 тыс. ф. ст.

Столь значительная контрабанда опиума, имевшая следствием распространение его курения и открытие многочисленных и весьма доходных опикурилен, не осталась, естественно, незамеченной китайской администрацией. Легально существовавший порядок торговли, предусматривавший многочисленные налоги и сборы с европейских торговцев, включая полуофициальные «подарки», «дополнился» благодаря опиеторговле всепроникающей системой безудержного взяточничества в самых различных формах, ставшего источником внушительных доходов местных властей и чиновников.

Вначале ввоз бенгальского опиума в Китай осуществлялся индийскими частными компаниями, среди которых было «много английских, занимавшихся торговыми делами в Индии». В 1773 г., соблазненные высокой прибыльностью опиеторговли и учитывая,

что она, несмотря на официальный запрет, протекает без каких-либо осложнений и даже при активном содействии китайских чиновников, Ост-Индская компания взяла экспорт опиума целиком в свои руки. С этого времени запрещение на ввоз опиума нарушалось уже не частными фирмами, а фактически английским правительством в лице Ост-Индской компании. Опиум стал одним из главных объектов споров и конфликтов, переросших из области частноправовых в межгосударственные китайско-английские отношения.

Англо-китайская торговля во второй половине XVIII в.

Несмотря на отсутствие договоренности об условиях проведения торговли на территории Китая, что приводило к конфликтам, а порою к перерыву операций, объем англо-китайской торговли к концу XVIII в. возрос более чем в 8 раз.

Данные таблицы свидетельствуют, что в рассматриваемый период по стоимости товарный экспорт Англии продолжал серьезно уступать импорту. В то же время ввоз англичанами в Китай серебра, игравший огромную роль в прошлом, практически сошел на нет. Подобное радикальное изменение объяснялось неуклонным возрастанием контрабандного завоза в Китай бенгальского опиума, превратившегося в важнейший фактор сбалансирования англо-китайской торговли. Выручка от сбыта этого наркотика покрывала все расходы, связанные с быстро увеличивавшимся импортом Англии китайских товаров.

Торговля Ост-Индской компании в Гуанчжоу во второй половине XVIII в., тыс. таэлей*

Год	Ввоз (серебро, товары из Англии и Индии)	Вывоз
1751	483,3	–
1762	364,3	729,3
1770	1018,9	1343,3
1785	687,3	2965,0
1789	2617,7	4433,4
1796	2221,5	6248,9

Следует отметить также значительное увеличение легального экспорта в Китай английских шерстяных тканей, свинца, индийского хлопка и некоторых других товаров.

За 20 лет (1776–1795) ввоз английских шерстяных тканей в Гуанчжоу вырос более чем в 6 раз (в тыс. таэлей). Почти в 2 раза увеличился за 10 лет (1786–1795) экспорт в Китай индийского хлопка.

Высокий уровень производства шерстяных тканей в Англии позволял, как свидетельствуют английские источники, экспортировать данные изделия в Китай в еще больших количествах, если бы этому не мешала опиеторговля, дававшая более высокую прибыль. По указанной причине для английских экспортеров было выгоднее продавать шерстяные ткани на европейском рынке, где цены на них были значительно выше. Однако после 1784 г., когда Ост-Индской компании была предоставлена монополия на импорт в Англию китайских товаров, вывоз шерстяных тканей стал быстро расти, и с начала 90-х годов они абсолютно преобладали в легальном английском экспорте в Китай.

Ведущее место среди индийских товаров (не считая опиума) принадлежало хлопку. В Гуанчжоу он пользовался повышенным спросом, поскольку без него местные кустики могли покрывать потребности производства только за счет сырья, завозимого из отдельных провинций страны. В последней четверти XVIII в. ввоз его компанией быстро увеличивался – с 65 тыс. пикулей* в 1786 г. до 118 тыс. пикулей в 1796 г. Основными статьями импорта Англии из Китая в рассматриваемый период были чай и шелк-сырец.

До середины 80-х годов быстро возраставшие потребности Англии в китайском чае удовлетворялись в значительной степени за счет его привоза торговцами других европейских стран. Однако после получения Ост-Индской компанией в 1784 г. монопольного права на импорт из Китая она резко увеличила закупку чая, намного опередив в данной сфере своих зарубежных конкурентов. При этом, правда, существенно снизились прямые доходы английского правительства (при баснословном увеличении прибылей Ост-Индской компании), поскольку почти прекратился ввоз чая в Англию зарубежными фирмами, облагавшийся высокими пошлинами. Рост завоза китайского шелка-сырца был прямо связан с бурным развитием английской прядильной и ткацкой промышленности, для которой он служил важным сырьем.

Согласно официальным отчетам Ост-Индской компании, ее легальный экспорт в Китай приносил незначительные доходы, а в отдельные годы был даже убыточным. Но все это перекрывалось прибылями, получаемыми ею от продажи китайских товаров в Англии (в 1793–1794 гг. – 529,8 тыс. ф. ст., в 1794–1795 гг. – 723,2 тыс. ф. ст., в 1795–1796 гг. – 917,7 тыс. ф. ст.).

Высокоприбыльные коммерческие операции Ост-Индской компании сдерживались, а в отдельные годы прерывались из-за неурегулированности главного вопроса – условий торговли англичан в Китае. Стремление английских колонизаторов запугиванием и подкупом китайских властей добиться привилегированного положения (в первую очередь – экстерриториальности) лишь усиливало конфликтность и неопределенность ситуации, готовой в любой момент вылиться в открытое столкновение.

Первые дипломатические контакты Англии с Китаем (посольство лорда Макартнея в Китае)

К концу XVIII в. активность Англии на Востоке во многом стимулировалась экономическим развитием страны. В свою очередь, возрастала и зависимость английской промышленности от ввоза сырья. Зарождение в 1785 г. в Англии фабричного производства, открывшее новую страницу в мировой истории, в то же время ставило самую передовую по тому времени отрасль промышленности в полную зависимость от поставок хлопка извне.

В Индии англичане в 1792 г. успешно завершили войну с могущественным государством маратхов. Последовательное завоевание Англией Индийского субконтинента близилось к завершению. И в Китае, где англичане еще не имели военных преимуществ, Ост-Индская компания пыталась вести дела с администрацией с позиций силы, демонстрируя недоброжелательность и неуважение к китайским законам.

Многочисленные инциденты, возникавшие в ходе взаимоотношений англичан с местными властями (в связи как с торговыми делами, так и разгульным поведением моряков), в Англии истолковывались как результат произвола китайцев. Все настойчивее звучали требования вступить в непосредственный контакт с императорским двором и добиться свободы торговли.

Овладевшая большим опытом в отношениях с Востоком (что учитывалось английским правительством) и не желавшая выпус-

катель из своих рук китайские дела, Ост-Индская компания приняла деятельное участие в подготовке первой правительственной миссии, направляемой в Пекин. Она была сформирована в тесном контакте с компанией и за ее счет.

В декабре 1787 года миссия, возглавляемая лейтенант-полковником Ч. Каскардом, отплыла из Англии на фрегате «Вестал». Однако в связи со скоропостижной кончиной главы миссии у берегов Суматры корабль, не дойдя до Китая, вернулся в Англию.

В ходе последующих обсуждений было решено направить в Китай посла более высокого ранга с широкими полномочиями. Выбор пал на лорда Дж. Макартнея известного колониального администратора, дипломата, бывшего генерал-губернатора Мадраса, занимавшего в то время пост генерал-губернатора Бенгалии. В дипломатическом активе Дж. Макартнея имелись: успешное пребывание в качестве посла при дворе Екатерины II в Петербурге в 1764–1767 гг. и заключение торгового договора с Россией.

Формальным поводом для отправки посольства Макартнея была передача послания – приветствия короля Георга III императору Цяньлуну в связи с 83-летием со дня его рождения. Состав посольства, насчитывавший 95 человек, был весьма представительным. Наряду с дипломатическим персоналом – особоуполномоченным министром Г. Дж. Стаунтоном (секретарь посольства), который мог замещать Макартнея, двумя помощниками секретаря (А. Максвелл и Э. Виндер), двумя переводчиками (китайцами, обучавшимися в колледже в Неаполе, – в него входили также специалисты по различным видам производства (часовщик, металлург, печатник механик и др.), ученые (математик, физик, хирург) и музыканты. Посольство размещалось на двух кораблях – военном эскорте «Леон», вооруженном 64 пушками (капитан Э. Гауэр), и торговом судне компании «Хиндостан», грузоподъемностью 1248 т (капитан В. Макинтош). В состав экспедиции было включено и небольшое грузовое судно «Шакал», на борту которого находились разнообразные богатые подарки Цяньлуну, а также многочисленные образцы английских изделий, с которыми посольские специалисты должны были ознакомить китайцев.

Перед Макартнеем ставились большие и всесторонние задачи. Однако, как отмечал американский историк Е. Г. Причард, «главная цель была одна – торговая экспансия». Посол должен был убедить императора, что развитие торговли выгодно обеим сторонам

и, подчеркнув ведущее место англичан в торговле европейцев в Гуанчжоу, добиваться для них «покровительства». В конкретном плане Макартнею поручалось добиться: 1) разрешения на торговлю английских купцов в Нинбо, на о-вах Чжоушань и в Тяньцзине; 2) разрешения иметь товарные склады в Пекине; 3) предоставления небольшой территории на Чжоушаньских островах и незначительного острова южнее Гуанчжоу или Макао для постоянного пребывания англичан и устройства товарных складов; 4) отмены транзитных пошлин между Гуанчжоу и Макао или их сокращения; 5) отмены всех местных пошлин в Гуанчжоу, предоставления англичанам копий всех указаний Пекина по вопросу о таможенных сборах, о размерах императорских пошлин. Выдвигая эти требования, Макартней должен был заверить императора в глубоком уважении Англии к Китаю и обещать ему, что его стане и китайцам будут предоставлены аналогичные льготы. Посольству поручалось также собрать данные об экономическом, культурном, социальном и военном состоянии Цинской империи, о ее внешней торговле, в первую очередь с Россией, в плане налаживания межгосударственных и упорядоченных взаимовыгодных торговых отношений с Китаем, намного опередивших к рассматриваемому времени все европейские страны.

Посольство Макартнея отплыло из Портсмута 28 сентября 1792 г., в марте следующего года оно прибыло в Батавию, где задержалось на некоторое время в ожидании уведомления из Гуанчжоу о согласии Цяньлуна принять его. По получении такого сообщения экспедиция, не заходя в Гуанчжоу, где местные власти и купечество ревниво и недоброжелательно следили за попытками англичан установить прямые связи с императорским двором, проследовала на Тяньцзинь, а оттуда по р. Байхэ – в Пекин.

Между тем обстановка в Пекине отнюдь не благоприятствовала успеху миссии Макартнея. Цяньлун и его окружение, упоенные легкими победами над слабыми соседними государствами, не замечавшие происшедших в мире перемен, оказались неспособными оценить достижения мировой цивилизации и не собирались отказываться от политики изоляции своей страны. Правители Китая не допускали даже мысли о каких-либо отступлениях от великодержавных представлений о других народах и государствах, от утвердившейся унижительной для иностранцев имперской ритуальности.

Кроме того, установление Цинской империей в 1792 г. контроля над Непалом привело ее в непосредственное соприкосновение с превращаемой Англией в свою колонию Индией. Пекин не без основания беспокоила поддержка англичанами воинственных гуркхов, составлявших часть непальских войск и совершавших набеги на Тибет. В этих условиях, понятно, не могло быть и речи о каких бы то ни было уступках домогательствам Англии.

Во взаимоотношениях с посольством Макартнея сказались и такие черты цинской дипломатии, как чванливость, высокомерие, пренебрежительное отношение к другим странам и народам, проявляющиеся при сношениях с представителями любых государств. На джонке, предоставленной посольству для проезда по р. Байхэ, цинские чиновники вывесили надпись: «Посольство с данью английского короля». Подобный оскорбительный жест был обусловлен полученными из Пекина инструкциями, предписывавшими сразу же поставить посольство в положение представителя вассального государства. В частности, глава Дворцового управления (Нэйфу) Хэ Шэнь в письме от 14 августа 1793 г., направленном в Тяньцзинь, давал следующие указания: «При случае, во время переговоров тактично информировать его (Макартнея), что когда представители различных государств прибывают в Поднебесную преподнести дань и получают аудиенцию, то не только послы, но и принцы должны исполнять все церемонии, трижды вставать на колени и девять раз бить челом».

По прибытии в Пекин Макартнею пришлось, оставив там свою свиту, направиться в летнюю резиденцию императора в провинции Жэхэ, где Цяньлун отмечал свой день рождения. Почти все время пребывания Макартнея в Жэхэ ушло на обсуждение церемонии, связанной с аудиенцией у императора. После длительных споров Макартней согласился, как это было принято в Англии на приеме у короля, преклонить перед китайским монархом одно колено, отвергнув требования китайских чиновников, настаивавших, чтобы он встал на оба колена (т. е. выполнить обряд коу-тоу в полном объеме).

Последовавшие затем две встречи с Цяньлуном свелись лишь к исполнению протокольных церемоний, и Макартнею не удалось перейти к обсуждению деловых вопросов. Вернувшись 3 октября в Пекин, он письменно изложил императорскому двору требования, содержащиеся в наказе английского короля.

7 октября Макартнею был вручен ответ Цяньлуна, изложенный в форме императорского эдикта и выдержанный в стиле обращения к вассалу: «Мы, Император благосклонностью Неба, даем наказ Королю Англии отметить наши заботы. Хотя Ваша страна, о Король, находится за далекими океанами, тем не менее Вы склонили Ваше сердце в сторону цивилизации и специально направили посла почтительно преподнести государственное послание. Переплыв моря, он прибыл к нашему Двору, преклонил колени и преподнес поздравления по случаю дня рождения Императора и также передал изделия Вашей страны. Тем самым была показана Ваша искренность. Мы внимательно рассмотрели текст Вашего государственного послания, выражающее наше усердие... На главу посольства и его заместителя, доставивших государственное послание и преподнесших предметы дани... мы распространили нашу благосклонность и учтивость и приказали нашим министрам предоставить им императорскую аудиенцию... Что касается Ваших просьб, содержащихся в послании, о Король, в частности, чтобы было разрешено одному из Ваших подданных проживать в Поднебесной империи для наблюдения за торговлей Вашей страны, то это не согласуется с церемониальной системой Небесной империи и определенно не может быть дозволено. Действительно, добродетель и власть нашей династии проникают далеко, во множестве королевств, представители которых приходят [к нам], чтобы выразить почтение и передать самые различные изделия «из-за гор и морей». Они собраны у нас, и Ваш посол вместе с сопровождающими его видели их сами. Тем не менее мы никогда не ценили искусные хитроумные изделия, и у нас нет ни малейшей необходимости в том, что производится в Вашей стране».

Ответ Цяньлуна не оставлял надежд на благоприятный исход переговоров, и посольство Макартнея в тот же день в сопровождении вновь назначенного генерал-губернатора Гуандуна Чан Линя направилось по Великому каналу в Гуанчжоу. Данные Чан Лином Макартнею в пути обещания несколько смягчить торговые ограничения не были выполнены. После трехмесячного пребывания в Макао посольство Макартнея возвратилось в Англию (10 июня 1794 г.), не добившись поставленных перед ним целей.

В английской исторической литературе его неудачу объясняют различными причинами, в том числе и взаимной неосведомленностью англичан и китайцев о национальных обычаях, традициях,

отсутствием необходимых предварительных переговоров, а также кознями миссионеров-иезуитов, возбуждавших неприязнь к англичанам, и т. д. Многие авторы большое значение придают субъективным качествам Макартнея – его негибкости, непониманию специфического характера китайцев, в том числе отказу выполнять церемонию коу-тоу.

Несомненно, что неподготовленность сторон для переговоров имела определенное отрицательное значение, но, однако, неудача миссии Макартнея было обусловлена фактором иного рода – отсутствием объективных условий для достижения взаимоприемлемого китайско-английского соглашения. Китай в этот период был не настолько слаб, чтобы пойти на уступки Англии по принципиальным для него вопросам; Англия же не была достаточно сильной, чтобы навязать свои требования Китаю силой оружия. Сам Макартней вынужден был признать неудачу своей миссии. «Тем не менее, – писал он, – я не считаю, что мы ничего не сделали, так как мы сейчас стали знатоками географии северо-восточных берегов Китая и получили сведения о Желтом море, по которому никогда ранее не плавали европейские суда».

Следовательно, определенное значение посольство Макартнея имело лишь с точки зрения познания европейцами далекого и загадочного для них Китая. В плане же решения конкретных вопросов англо-китайских отношений оно оказалось безрезультатным и в некоторой степени даже осложнило эти отношения. <...>

Установление первых контактов между Англией и Китаем и последующее их расширение не регламентировалось какими-либо межгосударственными договорами и соглашениями между правительствами обеих стран и протекали в условиях обостряющейся напряженности. Цинские правители Китая в течение XVII и XVIII вв., проводили в отношении соседних народов агрессивную политику и в то же время стремились изолировать китайский народ от внешнего мира, не допустить воздействия на Китай мировой цивилизации.

Политика изоляционизма сопровождалась строгим запрещением выезда китайских купцов за границу, ограничением китайского морского судоходства; Пекин не проявлял инициативы в установлении торгово-экономических связей с передовыми странами мира, тем самым объективно стимулируя перенесение внешней торговли на территорию Китая. В таких условиях любая льгота, которой до-

бывались иностранные торговцы в Китае, оказывалась односторонней, поскольку китайцы (из-за запрета выезда) аналогичными льготами на правах взаимности воспользоваться не могли.

Принятый цинским режимом курс на изоляцию страны от передовых государств мира, во многом обусловленный китаецентристской доктриной, проповедовавшей абсолютное превосходство китайской цивилизации и невозможность поэтому равных отношений Поднебесной с другими странами, немало способствовал тому, что во взаимоотношениях с экономически передовым Западом Китай с самого начала был поставлен, по существу, в положение обороняющегося.

Экспансионистский характер политики Англии в отношении Китая достаточно определенно выявился уже с первых шагов ее представителей по китайской земле. Однако ни в XVII, ни в XVIII в. Англия еще не обладала достаточно прочными позициями в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. В Азии она в указанный период сконцентрировала свои усилия на завоевании Индии. По указанным причинам Англия тогда не могла рассчитывать на военный успех при столкновении с Китаем.

В XVIII в. после введения Цинами монопольной системы «Гунхан» на торговлю с европейцами начинается длительный период мирного торгового наступления англичан под флагом Ост-Индской компании, т. е. без формального участия правительства. Несмотря на многократные ужесточения Пекином торгового режима, англо-китайский товарооборот возрастал, увеличивалось число прибывавших в Гуанчжоу британских судов (с 3 в 1716 г. до 46 в 1799 г.); количество подданных Англии, оседавших в китайских портах, возросло с 700 человек в 1750 г. (всех иностранцев – 1900 человек) до 4600 в 1790 г. (всех иностранцев – 5900 человек). Все это породило целый ряд как чисто торговых, так и касавшихся правового статуса британских подданных условий приобретения недвижимости и т. п. В этих условиях правительство Великобритании в середине 90-х годов XVIII в. предприняло попытку обеспечить интересы английского торгового капитала в Китае путем достижения межгосударственной договоренности (посольство Дж. Макартнея). Ост-Индская компания оказалась не в состоянии обеспечить интересы Англии.

Однако домогательства Англии были отвергнуты Цинской империей, находившейся тогда в зените своего могущества. Кате-

горический отказ Пекина был обусловлен китаецентристской внешнеполитической доктриной, не допускавшей какого-либо формального равенства во взаимоотношениях Китая с другими государствами. Высокомерие цинских правителей, не осознавших происшедших в мире перемен, на этот раз сыграло в определенной мере положительную роль в плане охраны государственного суверенитета. Однако неуклонно проводимый ими в жизнь курс на изоляцию страны от всех веяний мировой цивилизации, реакционная внутренняя политика, бессмысленная растрата сил и средств государства на завоевательные походы – все это предопределило отсталость Китая, неподготовленность его к отражению наступления капиталистических государств.

Неудачи дипломатической миссии Макартнея не изменили общего экспансионистского курса Англии. Завоевание Индии и укрепление позиций в Юго-Восточной Азии давали возможность английским колонизаторам подкрепить свой нажим на Китай военной силой...

ДОКУМЕНТ № 4

Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. – М., 1970. – С. 212–217, 360–379.

Место основных религий в китайской цивилизации.

Культ Конфуция и конфуцианства

Конфуций сыграл в истории Китая роль, которой трудно подобрать аналогию. Рассматривая его как философа, как основателя определенного учения, различные авторы сравнивают его с Сократом, Платоном, Аристотелем, иногда даже называют стоиком и эпикурейцем. Однако философия Конфуция, оценка которой вызывает споры специалистов, – отнюдь не самое основное в его наследии. Не случайно некоторые авторы пишут, что Конфуций вообще не был философом в европейском понимании, что это – практико-творческая натура, целью которой было научить человека стать добродетельным и привести в порядок общество. В этом плане Конфуций в известной мере может быть сопоставлен с великими пророками древности, в частности древнееврейскими. Но, как бы то ни было, формально он так никогда и не стал богом – этим он отличался от Будды или Христа. Однако влияние его имени или учения среди соотечественников и поклонников за пределами Ки-

тая было не меньшим. Видимо, разница между ним и его «коллегами» из основателей мировых религий заключалась прежде всего в том, что рационалистическая конфуцианская идеология относилась к своему патриарху как к человеку, что она видела в нем блестящее подтверждение величия человеческого духа, тогда как другие религии с их откровенным принижением разума и возвеличением веры могли высоко почитать своих основателей только тогда, когда превращали их в богов, ставили по ту сторону реальной жизни людей. Конечно, это не значит, что в поклонении Конфуцию разум всегда довлел над верой. Напротив, для подавляющего большинства народа Конфуций, как обожествленный пророк, практически ничем не отличался от Будды и других почитаемых божеств. Однако для основной части апологетов конфуцианства, для образованных конфуцианцев, для ученых-чиновников и учащихся Конфуций был все-таки великим человеком, чьей необъятной и недостижимой мудрости они поклонялись не в силу слепой веры, а вследствие воспитанной веками искренней убежденности в непревзойденном совершенстве его идей и идеалов.

Роль и воздействие этих идей и идеалов Конфуция на его соотечественников беспрецедентны. Иногда полагают, что влияние Конфуция не может быть объяснено только тем, что дошло до нас из его учения, – в усилении этого влияния должны были сыграть роль обаяние его личности, его искреннее стремление стать чем-то вроде мессии, спасти людей и т. п. Подчеркивая величие Конфуция, считая его первым великим мыслителем и просветителем, «китайцем из китайцев», величайшим законодателем Китая, без которого вся история этой страны пошла бы по иному пути, специалисты единодушно сходятся на том, что величие Конфуция измеряется широтой и интенсивностью влияния его идей.

Пытаясь уяснить причины этого, некоторые авторы утверждают, что немалую роль здесь сыграло удачное соответствие идей Конфуция характерным чертам и особенностям исторических судеб китайского народа и его национального характера. Неясно лишь, то ли основой всему консервативная натура китайского народа, гениально угаданная и отраженная в учении Конфуция, то ли влияние этого учения породило и укрепило традиционный консерватизм китайцев.

При всем том, однако, Конфуций был живым человеком и таким остался в памяти его народа, хотя и вознесся много выше бесчис-

ленного количества богов, святых и героев, почитавшихся в Китае. Этот парадокс – один из многих в истории китайского народа. Однако глубина этого парадокса окажется еще больше, если обратить внимание на трагический разрыв между тем, чему учил Конфуций, и тем, что стало главным в учении, носившем его имя на протяжении тысячелетий.

При всей неизбежной ограниченности его взглядов Конфуций стоял выше своей эпохи. Опираясь на традиции старины, отталкиваясь от древних заветов, он сумел в период войн, насилия и несправедливости громко провозгласить высокие идеалы гуманности, любви к людям, веры в ум, талант, знания и добрые намерения человека. Однако трагедия Конфуция как идеолога, как патриарха учения, получившего затем его имя и превратившегося в конечном счете в официальную доктрину, заключалась в том, что все его высокие идеалы и добрые намерения попросту потонули, бесследно растворились в массе тех утилитарных выводов, практических рекомендаций и методов управления, которые, казалось бы, вытекали из его учения и которые заняли столь важное место в жизни китайского народа на протяжении тысячелетий. Каждое слово мудреца превратилось в непререкаемое изречение, призванное, как это следовало из приложенных к нему многочисленных официозных комментариев, подкрепить и осветить сложившуюся в Хань социальную структуру и авторитарный государственный строй.

Именем Конфуция была в конечном счете превращена в жесткую консервативную догму почти вся духовная культура страны. Для развития ума, таланта, знаний, которые так высоко почитал философ, было предоставлено лишь жесткое прокрустово ложе официально признанной конфуцианской идеологии. Все то, что шло вне этого русла, оказывалось как бы вне закона, терпело всяческие притеснения и неудобства и, как правило, не имело благоприятных перспектив для своего развития.

В Китае возник и сознательно поддерживался подлинный культ официального конфуцианства – и в этом смысле мы вправе сказать, что культ Конфуция как великого мудреца, основателя, патриарха и пророка общепризнанного учения практически всегда теснейшим образом переплетался с культом конфуцианства. <...> Главным регулятором всех жизненных связей и отношений в стране всегда выступало именно конфуцианство. Культ конфуцианства диктовал жесточайшие наказания и мучительную смерть для преступников,

особенно для отцеубийц – и это находило отражение в официальном законодательстве. Этот же культ предусматривал жесткую критику современников и суровое осуждение потомков по адресу недобродетельных правителей, императоров-отступников. Культ конфуцианства заставлял замалчивать все замечательные идеи неконфуцианского толка мыслителей. Этот культ требовал презирать как писание «низкого жанра» все те литературные сочинения, которые не соответствовали или не полностью соответствовали требуемым конфуцианским стандартам. И эффективность конфуцианских запретов и рекомендаций была вне сомнения.

Пусть с точки зрения философа конфуцианство было просто «смесью» глубоких и ценных идей с пустыми и бесполезными «спекуляциями». Но ведь сила конфуцианства измерялась вовсе не глубиной его философии. В конкретных условиях средневекового Китая конфуцианство фактически заменило собой государственную религию, бывшую официальной идеологией большинства аналогичных обществ. Однако в Китае, в отличие от других обществ, конфуцианство было большим, чем просто религия. Религия обычно контролирует духовную жизнь людей, регулирует их нравы, обычаи, принципы поведения. Но даже в странах с самым неистовым засильем клерикалов и с безусловной обязательностью религиозных норм (католичество в ряде государств Европы, ислам) все-таки всегда существовала светская власть, не только отделявшая себя от духовной, но и, как правило, противостоявшая ей.

Иначе обстояло дело с конфуцианством. Как официальная идеология с ее культами божественной власти «сына Неба», авторитета старших, с ее приверженностью традициям и консерватизму, оно контролировало духовную жизнь общества в целом. Культ предков, примат этического и торжественная пышность обрядов привлекли к конфуцианству сердца и чувства многих простых людей, сделали его популярным и признанным среди населения. Но это было еще не все. В истории есть примеры того, как религия или идеология, владевшая умами и имевшая влияние в стране и в народе, в дни резких катаклизмов легко гибла, уступая место другой, принесенной завоевателями. Китай подвергался завоеваниям столь же часто, как и другие страны древности и Средневековья. Однако в результате этих завоеваний гибла не китайская конфуцианская цивилизация, а культура завоевателей, которая легко растворялась в безбрежном море конфуцианства, успешно ассимилировавшего

завоевателей. Одна из главных причин этого в том, что конфуцианство в Китае было не просто идеологией, выдержавшей напор там, где другие пасовали, а в том, что оно было не только идеологией.

Получив полное влияние в системе просвещения и воспитания, сумев организовать систему государственных экзаменов с практикой замещения должностей наиболее способными конфуцианцами, оказавшись фактически основой административно-политической структуры страны, конфуцианство стало неуязвимым и незаменимым. Оно стало выше любой религии и любой идеологии – оно стало образом жизни, принципом организации стабильного и достаточно жизнеспособного организма. И это соответствовало соотношению сил в обществе, реальной действительности. Конфуцианство в средневековом Китае было силой, которую невозможно было ликвидировать, не ликвидировав вообще все то, на чем держалось общество. И наоборот, именно конфуцианство придавало китайской общественной и государственной структуре такую живучесть, которая не идет ни в какое сравнение со стабильностью власти в любой другой стране. Консерватизм конфуцианства в сочетании с достигнутым им сравнительно высоким уровнем культуры и удачным для своего времени и конкретных условий Китайской империи решением проблемы бюрократического аппарата с конкурсом чиновников оказались залогом прочности Китая.

Конфуцианство в Китае было, таким образом, основой основ государства и общества. И государство, и общество в лице своих лидеров (т. е. правителей и идеологов) вполне сознавали это и всеми силами поддерживали культ конфуцианства в стране. Эта взаимная связь и зависимость еще более усиливали могущество конфуцианства в Китае, превращая его в учение незаменимое, с которым никакое другое учение не могло сравниться. Это обстоятельство до известной степени может объяснить, почему конфуцианцы, отлично сознававшие свою силу и значение, почти всегда терпимо относились к другим религиям, считая их иногда даже полезными для удовлетворения религиозных потребностей простого народа, которому были недоступны высшие идеалы и глубокая мудрость конфуцианства. И хотя некоторые из этих религий, по крайней мере вначале, решительно противостояли конфуцианству и пытались соперничать с ним, ни одна из них так и не сумела добиться ничего большего, кроме как занять свое скромное место в системе религиозных верований Китая. Одной из этих религий был даосизм.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

1. Социально-демографические и экологические проблемы.
2. Обострение продовольственного вопроса.
3. Нарушение торгово-дипломатической изоляции Цинской империи и его последствия.
4. Кризис традиционной системы ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Л. С. История Востока. – Т. 2. – 5-е изд.; стер. – М.: Высш. шк., 2008.
2. Делюсин Л. П. Земельная программа Небесной династии и ее оценки // Китайские социальные утопии: сб. ст. – М., 1987.
3. Илюшечкин В. П. Крестьянская война тайпинов. – М., 1967.
4. История Востока. Т. IV. Кн. 1 (гл. 16). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005.
5. Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин. XVIII – начало XX века. – М., 2005.

Приступая к изучению тайпинского восстания, необходимо принять во внимание, что формирование его причин связано с процессами, хронологически отстоящими довольно далеко от событий 1850–1864 гг. В этом разделе пособия предлагается ознакомиться как с источниковыми, так и с историографическими материалами, позволяющими составить представление о причинах и предпосылках тайпинского движения. При подготовке к первому, второму и четвертому вопросам семинара следует изучить фрагменты из работы Э. С. Кульпина «Человек и природа в Китае» (№ 1), в которой освещаются вопросы социального, демографического развития Китая, взаимосвязь природно-географических факторов и их воздействие на социально-экономическое развитие общества.

Подготовить второй и третий вопросы помогут материалы, содержащие факты о социально-экономическом и международном положении цинского Китая накануне восстания (документы № 2, 3, 6). В книге М. И. Сладковского «Китай и Англия» подробно рассмотрена история китайско-английский торговых и дипломатических отношений, освещена первая «опиумная» война и ее послед-

ствия. Особое внимание следует уделить анализу важного источника – Нанкинского договора (документ № 4), который ознаменовал собой начало превращения Китая в полуколонию.

Особое место в историографии тайпинского движения занимает труд В. П. Илюшечкина «Крестьянская война тайпинов» (№ 5), которое является самым фундаментальным сочинением по истории восстания. Изданная в 1967 году, работа написана с применением формационного подхода, что отнюдь не умаляет ее научных достоинств. Данные этого издания следует учитывать при подготовке к четвертому вопросу, а также при освещении всего восстания.

ДОКУМЕНТ № 1

Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. – М., 1990. – С. 157–165.

Демографический рост в эпоху Цин. Второй социально-экологический кризис

...Конец правления династии Мин (начало XVII в.) ознаменовался массовым обезземеливанием крестьян в результате концентрации земельной собственности в руках относительно немногочисленных землевладельцев и увеличения налогового бремени в связи с военными расходами. Сложившаяся ситуация стала причиной крестьянской войны 1628–1646 гг. Ослабление государства привело к захвату страны маньчжурами, которые начали военные действия против Китая еще в 1618 г.

Завоеватели поголовно истребляли население ряда городов и превращали многие сельские районы в совершенно бесплодные пустыни. Однако после установления мира и наведения «порядка» население стало быстро расти. Согласно данным исторических хроник, его численность за 1661–1711 гг. увеличилось с 21,1 млн до 100 млн. С демографической точки зрения такой рост населения является уникальным, если не сверхъестественным. Б. Ц. Урланис пишет: «В ряде случаев обнаруживается дефективность материала, если проверка его показывает несуразным большие темпы». Именно такая проверка необходима в данном случае. Увеличение населения в 5 раз за 50 лет означает ежегодный прирост около 5 %, или, как обычно считают демографы, 50 [рождений] на 1000.

Но, как свидетельствует французский демограф Р. Пресса, «наиболее высокий уровень рождаемости, какой может наблюдать-

ся, в действительности – порядка 50 на 1000». Правда, в истории зафиксированы и более высокие показатели. Например, уровень рождаемости 50–60 % имел место в начале 60-х гг. XX в. в Гвинее, Гватемале, Мали и некоторых других странах. Сообщая о данных фактах, А. Я. Боярский подчеркивает, что это «предельно высокий уровень рождаемости, близкий к физиологическому максимуму». Таким образом, если данные хроник верны, т. е. прирост населения действительно был 50 на 1000, то в 1661–1711 гг. в Китае имел место уровень рождаемости на грани возможного.

Тем не менее очевидны два момента, весьма важные в плане рассмотрения нашей темы. Первый: численность населения перевалила рубеж гомеостаза. Второй: перекрыв этот рубеж, население не стабилизировалось, а продолжало неуклонно расти. *В результате один из трех факторов, обеспечивающих относительную социально-экологическую стабильность китайского общества, перестал действовать. <...>*

При правлении императора Цяньлуна произошел новый скачок – численность населения с 1741 по 1796 гг. возросла со 143 млн до 313 млн. За 20 лет до начала правления Цяньлуна ежегодный прирост составлял 1,36 %, самый высокий при Цяньлуне – 1,78, в конце периода – 0,85, в среднем за 60 лет – 1,45 %. «В сравнении с другими эпохами феодального периода прирост велик, но в сравнении с КНР – мал», – пишет Чжоу Юань-хэ.

Прежде всего необходимо отметить, что для средневековых условий средний рост численности населения при Цяньлуне был не просто велик, а на порядок (в 10 раз) выше обычного. Иными словами, это был подлинный демографический взрыв. <...>

Китайский исследователь Ли связывает демографический рост при Цинах с отменой подушного налога в стране и в подтверждение своей точки зрения приводит законы начала XVIII в., в частности декрет 1712 г. императора Канси, гласящий: «Империя в течение долгого времени была умиротворена, так что численность населения возрастает в огромных размерах. Если я увеличу сумму налогов в соответствии с теперешним числом жителей страны, это будет не правильно, так как хотя население становится многочисленным, но площадь земли не расширяется... Сегодня общественная казна очень богата. Хотя я часто даровал освобождение от налогов... государственные расходы никогда не приходилось ограничивать из-за отсутствия денег. Поэтому я утверждаю объем на-

логообложения, соответствующий численности населения по нынешним налоговым реестрам, как постоянный, не подлежащий увеличению при последующем росте населения. Единственно чего я хочу, чтобы мне доносили о его действительной численности».

Иными словами, был отменен принцип подушного налогообложения, использовавшийся всеми предыдущими династиями. На первый взгляд все логично: величина прибавочного продукта зависит прямо не от численности облагаемых налогом, а от масштабов и эффективности производства. Поэтому гораздо проще обложить налогом недвижимость, дающую средство существования населению. При прежнем подходе все равно больше не получишь, а хлопот много: потребуются грандиозный штат мытарей, чтобы они могли успешно выколачивать налоги у множества полунищих производителей. Однако именно подушное обложение способствовало стабилизации численности населения страны. Цинское правительство осознало это не сразу. Прошло сто лет, и второй после Канси император Цяньлун подвел итог трехкратного увеличения населения за столетие: в стране «производителей все меньше, а пожирателей все больше». Чжоу Юань-хэ приводит несколько причин демографического взрыва в XVIII в., но подчеркивает, что решающим фактором стало изменение системы налогообложения. В результате реформы Канси за 1714–1735 гг. ежегодный прирост населения увеличился в 16 раз. <...>

Перенос налогового акцента с личности на землю, пишет Чжоу Юань-хэ, вел к «появлению тенденции саморазвития населения, неконтролируемого государством», вызвал миграцию крестьян в города, способствуя их росту и развитию зачатков капитализма. В начале правления Цяньлуна китайское общество расценивало свое состояние как процветающее. В этом был убежден император и его приближенные. Однако уже в 1793 г. в Китае стали открыто говорить о перенаселенности как о национальном бедствии: «Не хватает места на полях для домов, а между теми, кто тянет двор, и едоками образуется диспропорция не в пользу кормильцев». Стала ощущаться нехватка продовольствия. Уже при Канси в ряде провинций возникала нехватка продуктов и их стали завозить из других провинций. При Цяньлуне данная тенденция усиливалась. В бедствующих провинциях Аньхоя, Хубэе, Шаньдуне, Цзянси, Юньнани, Гуйчжоу переход от благополучия к упадку был наиболее резким. Высокопоставленные чиновники «в один голос» ут-

верждали: «Население растёт и сто бед происходят прежде всего от того, что население слишком велико». Отражая настроение того времени, раздел, посвященный концу правления Цяньлуня, Чжоу Юань-хэ назвал «население переполнило страну. Опасность! Это грозит будущим обвалом большого здания». <...>

Урожайность зерновых в цинском Китае выросла вдвое по сравнению с тем, что имело место в ханьскую эпоху. Посевные же площади и в том, и в другом случае были примерно равными: во 2 г. н. э. посевной клин, облагаемый налогом составлял 827,5 млн му (при размере му 660,5 кв. м), а в цинское время в 1711 г. – 607,8 млн му, в 1790 – 876 млн му (при размере му 614,4 кв. м). В результате получаем следующую картину: производство зерновых возросло в 2 раза, а население – в 8 раз, следовательно, по сравнению с ханьским Китаем в цинскую эпоху производство зерновых на душу населения упало в 4 раза.

Таким образом, при Цинах рухнули три столпа, обеспечивающие неустойчивое социально-экологическое равновесие в Китае:

– *неизменность государственного регулирования социально-экономических процессов;*

– *[неизменность] верхнего предела численности населения;*

– *[неизменность] территории расселения.*

Причины катастрофы нуждаются в дальнейшем глубоком изучении. Результаты же достаточно хорошо известны. Демографический взрыв вызвал серьезные социально-экологические последствия. Возросло демографическое давление на землю, превысив допустимый при данном уровне производительности труда минимум. Продовольственная проблема стала острейшей, цены на зерновые в стране росли почти пропорционально росту населения. Начался процесс обнищания широких народных масс. Интенсификация ручного труда возросла, а производительность его упала.

Попытки государства решить проблемы за счет расширения вмещающего ландшафта не увенчались успехом: новые земли не могли прокормить и малую часть возросшего населения. Государство не могло остановить процесс обнищания масс и поддерживать равновесие между обществом и природной базой. Как и во время первого социально-экологического кризиса, природа приняла регулирование естественных процессов на себя и в ущерб человеку. Число засушливых лет за столетие при Цинах по сравнению с предыдущей эпохой возросло в 1,5 раза, наводнений – более чем

в 8 раз. Вновь изменила свое русло Хуанхэ. Страна вступила во второй экологический кризис...

ДОКУМЕНТ № 2

История Китая с древнейших времен до наших дней. – М., 1974. – С. 188–194.

Глава 14. Колониальное проникновение в Китай. Тайпинское восстание и освободительные движения народов Китая (конец XVIII в. – 1870 г.). Попытки Англии «открыть» Китай

...Внутренний социальный кризис Цинской империи усугублялся начавшимся на стыке XVIII и XIX вв. наступлением капиталистической Англии на Китай. Английская торговля на юге страны была монополизирована Ост-Индской компанией, которая добивалась отмены ограничений, разрешавших иностранцам вести торговлю только в Гуанчжоу с членами монопольной купеческой корпорации «Гунхан». В 1793 г. в Китай прибыл английский представитель Макартней с целью установления дипломатических отношений между Китаем и Англией и получения права свободного поселения и передвижения англичан в Китае. Члены миссии Макартнея были приняты минскими властями как представители васалов. На кораблях, которые везли англичан по китайским водам, были подняты флаги с надписью: «Носитель дани из английской страны».

Макартнею был вручен эдикт императора Цяньлуна, адресованный английскому королю Георгу III, в котором говорилось: «Вы, о государь, живете далеко за пределами многих морей и тем не менее, движимый смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, послали миссию, почтительно доставившую нам Ваше послание. Серьезные выражения, в которых оно составлено, обнаруживают почтительное смирение с вашей стороны, что весьма похвально. Что касается Вашего ходатайства об аккредитовании одного из Ваших подданных при моем небесном дворе для наблюдения за торговлей Вашей страны с Китаем, то такая просьба противоречит всем обычаям моей династии и никоим образом не может быть принята. Если я распорядился, чтобы дары дани, присланные Вами, о государь, были приняты, то это было сделано, исключительно принимая во внимание чувства, побудившие Вас прислать их издалека. Великие подвиги нашей династии проникли во

все страны Поднебесной, и государи всех наций суши и морей посылают свои ценные дары. Как Ваш посол может сам убедиться, мы имеем абсолютно все. Я не придаю цены странным или хитро сделанным предметам и не нуждаюсь в изделиях Вашей страны. Трепеща, повинуйтесь и не выказывайте небрежности».

Этот документ не нуждается в подробных комментариях. Гупость и высокомерие феодальных правителей Китая, их великодержавные устремления и поразительное невежество относительно реального положения, занимаемого в мире Срединной империей, представлены в нем чрезвычайно ярко. В то же время нежелание цинского правительства допустить в Китай иностранцев может быть объяснено боязнью нарушения изоляции Китая, которая, как писал Маркс, была «первым условием сохранения старого Китая».

Но и после неудачи миссии Макартнея английские капиталисты – Ост-Индская компания и молодые фирмы, стремившиеся приобщиться к эксплуатации китайского рынка, – продолжали добиваться открытия Китая для торговой экспансии. В 1818 г. английское правительство направило в Китай нового представителя – Амхерста. Он также не имел успеха. После того как промышленная буржуазия Англии добилась ликвидации монополии Ост-Индской компании в странах Востока и лишения ее права вести торговлю, активность английских капиталистов на Дальнем Востоке усилилась. В 1834 г. в Гуанчжоу в качестве уполномоченного по наблюдению за англо-китайской торговлей был направлен Нэпир, который действовал особенно нагло, явился в Китай без согласования с китайскими властями, нарушив порядок переговоров, установленный цинским правительством. Когда же Нэпиру предложили покинуть Китай, он отказался выполнить это требование, а в ответ на решение китайских властей о прекращении англо-китайской торговли устроил военную провокацию, вызвав два английских военных корабля в устье р. Чжуцзян, где расположен Гуанчжоу.

В обострении англо-китайских отношений большую роль играла торговля опиумом. В течение 200 лет стоимость товаров, вывозившихся иностранцами из Китая (чай, шелк, ткани кустарного производства), значительно превосходила стоимость китайского импорта. Разница покрывалась серебром. Но в последней трети XVIII в. английские дельцы нашли способ изменить соотношение экспорта из Китая и импорта в Китай. В 1773 г. правительство Британской Индии установило свою монополию на торговлю опиумом. С тех

пор ввоз английского опиума из Индии стал средством ограбления и отправления китайского народа. Действие опиума на физическое и нравственное состояние людей чрезвычайно губительно.

В гневной статье «История торговли опиумом» К. Маркс приводит слова англичанина Мартина, который писал, что «продавец опиума убивает тело, после того как развратил, унизил и опустошил нравственное существо несчастных грешников; ненасытный Молох каждый час требует все новых жертв, и убийца-англичанин и самоубийца-китаец соперничают друг с другом в отношении этих жертв на его алтарь».

С 20-х гг. XIX в. ввоз опиума в Китай начал резко возрастать. За пятилетие (1815–1819) ежегодно в среднем ввозилось 4420 ящиков (в одном ящике около 60 кг опиума), а в 1835–1838 гг. – 35 445 ящиков в год. Доходы правительства Британской Индии от торговли опиумом возросли за 66 лет (1773–1839) в 70 раз, достигнув в 1835–1839 гг. среднегодовой суммы в 5,2 млн серебряных лянов, т. е. около 200 тыс. кг серебра. Всего же за 1795–1838 гг. в Китай было ввезено свыше 450 тыс. ящиков, или 27 млн кг опиума. В опиумной торговле участвовали и американские купцы, ввозившие эту траву в Китай из Турции.

Хотя формально торговля опиумом была запрещена еще в 1800 г., фактически английские, а вслед за ними американские охотники за наживой не обращали на этот запрет внимания и при помощи подкупленных ими цинских чиновников развернули во все возрастающих масштабах контрабандную торговлю опиумом.

Позиция цинского правительства в отношении торговли опиумом была непоследовательной. Это объяснялось разногласиями в среде господствующего класса феодалов в вопросах как торговли опиумом, так и агрессивной политики капиталистических держав. Многие влиятельные деятели, выступая формально за запрещение опиумной торговли, возражали против действенных мер по борьбе с контрабандой, так как они не хотели обострения отношений с Англией, да и сами наживались на операциях с куплей-продажей опиума. Некоторые сановники добивались от императора решения о строгих и эффективных мерах по борьбе с продажей и курением опиума. Наиболее видный представитель этой группы Линь Цзэ-сюй представил императору доклад под названием «Следует строго запретить опиум, чтобы устранить корень бед», в котором предупреждал, что если не будет прекращено распространение опиумной

отравы, «то через несколько лет в Китае почти не останется солдат, могущих защищать нас от врага, и не останется серебра для уплаты жалования». Будучи наместником провинции Хубэй и Хунань, Линь Цзэ-суй развернул борьбу с продажей и курением опиума.

В декабре 1838 г. его назначили императорским особоуполномоченным в провинции Гуандун, и он получил возможность бороться против опиумной контрабанды в главном ее центре – Гуанчжоу. Прибыв в Гуанчжоу, Линь Цзэ-суй рядом решительных мер (включая прекращение торговли с иностранцами и блокаду фактории английских купцов) добился сдачи английскими и американскими купцами более 20 тыс. ящиков опиума, который в июне 1839 г. был уничтожен...

Социально-экономические последствия агрессии капиталистических держав против Китая

...Назревание социального и политического кризиса в Цинской империи совпало по времени с усилившимся вторжением иностранного капитала в Китай и попытками капиталистических держав распахнуть двери китайского рынка для беспрепятственного сбыта своих товаров и вывоза сырья.

Инициатором этих попыток была Англия, которая трижды направляла в Китай своих представителей (Макартнея в 1796 г., Амхерста в 1816 г. и Нэпира в 1834 г.), домогаясь отмены установленных цинским правительством ограничений на торговлю с иностранцами. Англия и вслед за ней другие капиталистические страны постепенно усиливали деятельность, направленную на создание своей опоры в Цинской империи путем обращения многих тысяч китайцев в христианскую веру. Стремясь изменить неблагоприятный баланс в торговле с Китаем, английские купцы в увеличивающихся размерах контрабандой ввозили туда из своей колонии Индии опиум, который быстро стал главной и наиболее доходной статьей английской торговли с Китаем. Поскольку опиумная торговля оказалась весьма прибыльной, вслед за англичанами опиум начали ввозить торговцы США, Португалии и некоторых других стран.

Все более широкое распространение опиумной отравы разрушало здоровье сотен тысяч людей и оказывало деморализующее влияние на китайское общество. А растущий ввоз его привел к постоянно увеличивающейся утечке серебра из Цинской империи,

что в свою очередь вызвало удорожание цен на серебро и постепенное повышение разменного курса серебряного лян примерно с 1 тыс. вэней* за 1 лян в первом десятилетии XIX в. до 1678 вэней за 1 лян в 1839 г. Поскольку выраженные в медных деньгах цены на сельскохозяйственные продукты и товары кустарного производства оставались в целом стабильными, это означало, что доходы крестьян не увеличивались, тогда как бремя налогов, для выплаты которых крестьянин был вынужден обменивать свои медяки на серебро, непрерывно возрастало. Попытка цинских властей пресечь контрабандный ввоз опиума вызвала войну Англии против Китая, получившая название *первой «опиумной» войны 1840–1842 гг.* Английские вооруженные силы блокировали китайское побережье и захватили ряд островов и городов. Китайские войска, неизмеримо уступавшие англичанам в выучке и вооружении, и добровольческие отряды, созданные жителями приморских районов, оказывали им героическое сопротивление. Однако цинское правительство не смогло организовать оборону страны. Летом 1842 г., когда английская эскадра, поднявшись вверх по Янцзы, приблизилась к Нанкину, цинское правительство капитулировало. 29 августа 1842 г. был подписан неравноправный *Нанкинский мирный договор*, по которому цинское правительство обязалось открыть для свободной английской торговли порты Гуанчжоу, Сямынь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай, установить низкие таможенные пошлины, передать Англии в вечное владение о-в Сянган (Гонконг) и выплатить 21 млн лянов контрибуции. В 1843 г. Англия принудила маньчжурское правительство подписать так называемый дополнительный протокол, предоставивший ей ряд новых прав и привилегий, в том числе право учреждения английских поселений (сеттльментов) в договорных портах, право экстерриториальности (неподсудности китайским властям) и т. д. Вслед за тем в 1844 г. США и Франция также заставили Китай заключить неравноправные договоры, по которым американцы и французы не только получили все права и привилегии, предоставленные англичанам, но и ряд дополнительных льгот.

Неравноправные договоры заложили основу для закабаления Китая капиталистическими державами. Опорными базами усилившейся после этого экспансии держав в Китае стали договорные порты. В каждом из них появились иностранные сеттльменты, территория которых постоянно росла, увеличивалось их население,

состоявшее в основном из европейских и американских торговцев, служащих различных фирм, авантюристов и христианских миссионеров. Возрастала, хотя и неравномерно, торговля европейских стран и США с Китаем, а также объем каботажных перевозок в китайских водах на английских, американских и португальских судах.

Вместе с тем еще более активизировалась деятельность западных, особенно протестантских, миссионеров в Китае. С 1843 по 1853 г. число миссионерских обществ увеличилось с 20 до 165. Большая часть из 266 пропагандистских книг, изданных протестантскими миссионерами на китайском языке с начала их деятельности в Китае и по 1851 г. включительно, вышла в свет после первой «опиумной» войны.

Последовавшее за первой «опиумной» войной насильственное включение Китая в орбиту действия сил мирового капитализма не могло не способствовать в конечном итоге развитию капиталистических отношений в китайском феодальном обществе. Однако Цинской империи пришлось пережить еще немало крупных потрясений, прежде чем это развитие стало осязательным фактом, раньше чем оно начало стихийно и неудержимо пробивать себе путь в недрах феодального строя и тем более до того, как его необходимость и неизбежность были осознаны в той или иной мере определенными кругами китайского общества. Первая «опиумная» война явилась толчком в этом направлении. Ее непосредственным результатом был усиленный рост товарно-денежных отношений. Вывоз чая из страны западноевропейскими и американскими торговцами увеличился с 17,7 млн фунтов в 1843 г. до 70,5 млн фунтов в 1849 г.; вывоз шелка-сырца возрос с 1,8 тыс. тюков в 1843 г. до 21,5 тыс. тюков в 1850 г. Это привело к расширению производства чая и шелка-сырца в ряде чаепроизводящих и шелководческих районов, которые стали целиком работать на экспорт. Другим важным результатом войны было зарождение компрадорской буржуазии. При этом она в рассматриваемый период ограничивала свою деятельность лишь рамками посредничества между иностранным капиталом и китайским рынком, в отличие от более позднего времени, когда компрадорская буржуазия, в особенности крупная, стала сочетать свои посреднические функции в торговле с промышленным предпринимательством.

Таким образом, зарождение компрадорской буржуазии и рост товарно-денежных отношений еще не означали, что в экономиче-

ском базисе китайского общества произошли серьезные изменения: в первые десятилетия после «опиумной» войны он оставался еще целиком феодальным.

Далее война в огромной мере усилила действие некоторых разрушительных факторов в жизни китайского феодального общества, что существенно отразилось на положении широких трудящихся масс и привело к еще более резкому обострению классовых и национальных противоречий, вызвавшему взрыв крестьянской войны тайпинов. «...Толчок к этому взрыву, – отмечал К. Маркс, – был несомненно дан английскими пушками, при помощи которых Англия принудила Китай ввозить наркотическое снадобье, именуемое опиумом». Первая «опиумная» война потребовала громадных дополнительных расходов, которые только по одной провинции Гуандун исчислялись суммой в 4 млн лян. Эти затраты опустошили государственную казну и легли тяжелым бременем на трудящееся население. После окончания войны побежденному Китаю пришлось в течение четырех лет выплачивать Англии военную контрибуцию. Погашение ее вызвало хронический бюджетный дефицит, который правительство лишь в небольшой мере смогло восполнить за счет такого экстраординарного источника доходов, как широкая распродажа чиновничьих должностей и званий. Недостающие суммы разворачивались по провинциям, и император Миньнин в 1842–1845 гг. неоднократно и строжайше приказывал провинциальным властям изыскать согласно разверстке и передать ведомству финансов дополнительные средства для покрытия дефицита. Поскольку ставки основных налогов были уже давно твердо зафиксированы, местные власти не замедлили ввести новые дополнительные налоги и поборы. В некоторых провинциях, в частности в Хунани и Хубэе, количество их стало исчисляться десятками. Полученные таким путем суммы фактически намного превышали те, которые требовались для заполнения прорех в государственном бюджете, но немалая доля их по глубоко укоренившейся традиции застревала в карманах лихоимных чиновников. В значительной мере именно по этой причине дополнительные налоги в Цзянси, Аньхуе, Хубэе и Хунани стали превышать основные подати. Не менее тяжелым был налоговый гнет в Гуанси, Гуандуне, Хэнани и некоторых других провинциях. Многие дополнительные поборы, введенные вскоре после первой «опиумной» войны, сохранились и после того, как военная контрибуция была выплачена.

Они всей своей тяжестью давили прежде всего на трудящееся крестьянство, так как шэньши, крупные помещики и богачи, тесно связанные с местной администрацией, находили всевозможные способы уклониться от уплаты и переложить их на простой народ. Об этом превосходно было осведомлено и цинское правительство, однако оно ограничивалось лицемерными призывами собирать налоги поровну со всех. Например, в одном из императорских манифестов в 1846 г. говорилось: «Богатых шэньши и поставщиков называют даху – большие дома, простой народ называют сяоху – малые, бедные дома. Так как богатые дома недостаточно давали казне, то недостача восполнялась за счет бедных домов, а коварные и злые шэньши, объединяясь с чиновниками, накладывали на народ дополнительные поборы... Дело доходит до того, что... недовольство народа сильно возрастает... Надо со всех поровну собирать налоги». Эти сетования, перемежаемые к тому же требованиями о неукоснительном сборе старых и новых налогов и непозволительности недоимок, мало трогали чиновников, которые продолжали обирать простой народ, доводя его до разорения и нищеты.

Еще более пагубное воздействие на положение народных масс и многие стороны жизни китайского общества оказывал фактически легализованный импорт опиума в Китай английскими и американскими опиеторговцами. Непрерывно увеличиваясь, он, по далеко не полным данным, возрос с 20,6 тыс. ящиков в 1840 г. до 59,6 тыс. ящиков в 1852 г., что вызвало огромную утечку за границу серебра – этой, по меткому выражению К. Маркса, «живой крови» Цинской империи – и обусловило неблагоприятный для Китая внешнеторговый баланс. Именно за счет продажи опиума иностранные, главным образом английские, капиталисты смогли выкачать из Китая в 1842–1848 гг. серебро на сумму от 59 до 67 млн долл.

Такая утечка серебра не могла быть восполнена за счет усиленной добычи этого металла на китайских рудниках, несмотря на все старания цинских властей, и привела к тому, что серебряные запасы Китая заметно уменьшились, а рыночная цена серебра значительно возросла. Это повлекло за собой еще большее по сравнению с довоенными годами удорожание серебряной монеты и соответствующее относительное обесценение медных денег.

Столь значительное изменение традиционного соотношения между серебряной и медной монетами оказывало дезорганизующее влияние на экономическую жизнь страны и било прежде всего по

крестьянам, ремесленникам, мелким торговцам и прочему трудовому люду. Характеризуя положение, сложившееся в связи с повышением курса серебряного лян, сановник Цзэн Го-фань в одном из своих докладов в 1851 г. писал: «Раньше денег, вырученных от продажи 3 доу* риса, хватало на уплату налогов за 1 му земли да еще и оставалось, а теперь и после продажи 6 доу не хватает на налоги за 1 му земли... Ежегодные сборы с простого народа удвоились. В областях и уездах лезут из кожи, чтобы поскорее взыскать налоги с населения, сборщики податей рыскают повсюду днем и ночью. Везде царят взаимная ненависть и полный беспорядок. Простой народ, выполняя поставки, страдает все более, чиновники же, добиваясь их выполнения, все больше свирепеют, и если какая-нибудь семья бывает не в состоянии полностью уплатить налог, тогда либо задерживают более обеспеченных из того же рода и заставляют их внести налоги вместо сородича, либо даже арестовывают его родню, берут под стражу соседей; поистине создалось положение, когда люди не имеют опоры в жизни».

Таким образом, повышение обменного курса лян сопровождалось фактическим увеличением бремени основных налогов, которое с 1843 по 1850 гг. возросло в среднем по стране на 33–64 %, а в некоторых провинциях, в частности в Гуанси, Хунани, Цзянсу и Чжэцзяне, в ряде случаев даже в еще большей мере.

В результате истощения запасов серебра уменьшался приток его в государственную казну, чему в немалой мере способствовал систематический недобор налоговых сумм. Например, задолженность по поземельному налогу, составлявшая в 1843 г. почти 6 млн лянов, увеличилась к концу 1847 г. до 10 с лишним миллионов лянов. В 1848 г. недоимки за прошлые годы лишь по Чжэцзяну составляли 2,8 млн лянов и 1,1 млн даней зерном, в 1849 г. недоимки по Цзянсу исчислялись суммой в 1250 тыс. лянов; тогда же из Хубэя сообщили, что из 1243 тыс. лянов налога, который надлежало собрать в этом году, можно собрать только 13,5 тыс. лянов. Чтобы выйти из положения, цинские власти еще туже завинчивали налоговый пресс за счет введения дополнительных налогов и поборов.

Таким образом, в Китае сложилось положение, которое К. Маркс характеризовал следующими словами: «Контрибуция, которую Китаю пришлось выплачивать Англии после злополучной войны 1840 г., огромное непроизводительное потребление опиума, утечка драгоценных металлов, вызванная торговлей опиумом, раз-

рушительное влияние иностранной конкуренции на местное производство, деморализация государственной администрации привели к двум последствиям: прежние налоги стали более тяжелыми и разорительными и к ним прибавились еще новые».

От повышения курса льна пострадали не только крестьяне-собственники и многие мелкие помещики, но и арендаторы, не имевшие земельной собственности и потому не платившие налога. Стремясь возложить на арендаторов возросшее податное бремя, помещики всевозможными путями увеличивали размеры арендной платы за землю и сумму денежного залога. В некоторых районах, например, стали широко практиковаться денежные сборы по 1–2 юаня с каждых 10 му земли дополнительно к арендной плате натурой. В местностях, удаленных от рек, помещики нередко заставляли крестьян платить им надбавку «на транспортные расходы» по 10–20 цзиней зерна с каждого даня арендной платы. Случаи взимания платы в размере, превышающем половинную долю урожая, стали более частыми. Эти и многие другие способы увеличения фактического размера арендной платы еще более урезали нищенские доходы арендаторов, еле обеспечивавшие полугодовое существование в урожайные годы.

В связи с ухудшением жизненных условий основной массы трудового населения после первой «опиумной» войны еще более усилилось разорение крестьян, их обезземеливание и концентрация земли в руках представителей имущих прослоек. Это отмечается в самых различных источниках и единодушно подтверждается свидетельствами авторов, занимавшихся исследованием аграрного вопроса в Китае накануне тайпинского восстания. Например, концентрация земли в руках помещиков, ростовщиков и крупных торговцев (эти три занятия нередко совмещались в одном лице) в Гуанси особенно интенсивно происходила в районе среднего течения р. Сицзян, где разорились и потеряли землю десятки тысяч крестьянских семей. В Гуйпине в это время земля даже значительно упала в цене в связи с массовой распродажей ее разорившимися крестьянами. <...>

Разорение крестьян-собственников и арендаторов нередко довершалось стихийными бедствиями, от которых в 1842–1850 гг. серьезно пострадало население многих районов страны. В 1842–1843 гг. в результате прорыва дамб на Хуанхэ были затоплены на огромном пространстве поля и селения в десятках уездов Хэнани,

Аньхуя и Шаньдуна, сотни тысяч людей лишились имущества, остались без пищи и крова. Еще более опустошительным было невиданное за предыдущие 100 лет наводнение в Центральном Китае в 1849 г., вызванное разливом Янцзы. Оно нанесло огромный ущерб населению нескольких центральных провинций. С 1846 по 1850 гг. от наводнений, засух, налетов саранчи и других стихийных бедствий сильно пострадало более 600 уездов Чжили, Шаньдуна, Хэнани, Шаньси, Шэньси и Ганьсу. В Южном Китае в 1847–1850 гг. многие районы Гуанси, Цзянси, Хунани и других провинций были охвачены голодом и эпидемиями. Сотни тысяч крестьян, подвергавшихся жесточайшему ограблению цинскими властями, помещиками и ростовщиками, уже не могли оправиться от этих бедствий, бросали свое хозяйство и становились бездомными бродягами и разбойниками.

Одним из следствий поражения Китая в первой «опиумной» войне являлось значительно усилившееся разрушительное влияние иностранной конкуренции на местное кустарно-ремесленное производство. Насильственное открытие китайского рынка сопровождалось резким увеличением ввоза иностранных товаров, в частности текстиля. Возросший приток более дешевых иностранных товаров фабричного производства постепенно подтачивал местную кустарную и крестьянскую домашнюю промышленность и усиливал рост товарно-денежных отношений в стране. Особенно сильно пострадала от иностранной конкуренции местная кустарная промышленность приморских провинций и открытых портов, куда товары из-за границы поступали прежде всего. Например, в районе Сучжоу – Тайцан (Цзянсу), издавна известном своими хлопчатобумажными тканями, производство их в 1846 г. сократилось более чем наполовину по сравнению с довоенным уровнем. В результате десятки тысяч ремесленников-ткачей лишились средств существования. Такая же картина наблюдалась в ряде других мест Цзянсу, а также в некоторых уездах Чжэцзяна, Гуандуна (Шуньдэ и Фошань) и даже Хубэя, расположенного далеко от открытых портов.

Не менее печальные последствия для некоторых районов Южного и Центрального Китая имело и перемещение традиционных торговых путей в связи с открытием пяти портов для иностранной торговли. Гуанчжоу, переставший быть единственным каналом внешнеторговых связей Китая с западноевропейскими странами и США, быстро терял свое значение крупнейшего торгового центра.

Им к началу 50-х годов стал Шанхай, оттянувший большую часть товаров, раньше проходивших через Гуанчжоу.

В связи с этим вскоре пришли в упадок старые, некогда оживленные торговые пути, соединявшие Гуанчжоу с Центральным Китаем через Гуанси и Хунань, и сотни тысяч людей, которые кормились за счет транспортировки и охраны грузов, оказались без куска хлеба. Открытие пяти портов сделало ненужными и многие перевозки товаров морем из Гуанчжоу в пункты, расположенные на побережье между ним и Шанхаем.

Это нанесло непоправимый ущерб весьма развитому прежде китайскому каботажному судоходству и оставило без заработка десятки тысяч моряков.

В результате массового разорения крестьян и ремесленников, потери заработка десятками и сотнями тысяч людей, занятых ранее обслуживанием некоторых важных торговых путей, число лиц, выпавших из сферы производства и оставшихся без средств существования, увеличилось более чем в 10 раз по сравнению с довоенным временем. Толпы голодных, обездоленных и бездомных бродили из одного места в другое в поисках случайных заработков, чашки риса и крова. В огромной мере увеличился бандитизм.

Таким образом, первая «опиумная» война породила либо усилила процессы, которые сопровождались еще большим обогащением крупных помещиков и ростовщиков, резким ухудшением материальных условий существования простого народа в деревнях и городах, его разорением и обнищанием. Это расширило и углубило пропасть, разделявшую имущие и неимущие классы, расшатало зыбкое и неустойчивое равновесие, в котором пребывало китайское феодальное общество, усилило социальный кризис в Цинской империи, первые симптомы которого обозначились еще в конце XVIII в., и привело к резкому обострению противоречий между крестьянами и помещиками, между основной массой китайского народа и правящей маньчжурско-цинской феодальной верхушкой.

Первая «опиумная» война

Английское правительство использовало эпизод с уничтожением опиума в качестве предлога для развязывания военных действий против Китая. В ноябре 1839 г. начались столкновения на море между английскими кораблями и китайскими вооруженными силами, а в 1840 г. англичане без объявления начали войну против Китая,

получившую название первой «опиумной» или англо-китайской войны.

В июне 1840 г. английская эскадра блокировала Гуанчжоу, затем Сямынь (Амой), часть судов двинулась вдоль побережья на север, пытаясь нанести удары по другим портам. В июне десант английских моряков захватил г. Динхай на островах Чжоушань (пров. Чжэцзян, юго-восточнее Шанхая), учинив неслыханные зверства и грабежи. Как писал Ф. Энгельс, «война с начала до конца велась англичанами в духе лютой жестокости, полностью соответствующей духу контрабандистской алчности, из-за которой она и была начата». После взятия англичанами Динхая Линь Цзэ-сюй был отстранен и сослан в Синьцзян, а в Гуанчжоу направили сторонника капитуляции Ци Шаня, который заявил о принятии английских требований. Однако император не утвердил соглашения, Ци Шань был арестован, а его огромные богатства конфискованы.

Цинское правительство официально объявило войну Англии. Английское правительство, не удовлетворенное размерами уступок, на которые согласился Ци Шань, также не утвердило соглашения и послало в Китай новые воинские контингенты. После возобновления военных действий английские войска в мае 1841 г. высадились в окрестностях Гуанчжоу, учинили грабеж населения, даже раскапывали могилы в поисках драгоценностей. В августе англичане захватили Сямынь, в октябре – во второй раз Динхай, а затем – Нинбо. Весной 1842 г. войска агрессоров овладели Усуном (крепость на подступах к Шанхаю), а 19 июня 1842 г. заняли Шанхай. Отсюда английские военные корабли двинулись по Янцзы на Нанкин. Захватив после ожесточенного боя Чжэньцзян (порт на пересечении Великого канала с Янцзы), англичане перерезали важный путь, связывавший южные провинции со столицей. Цинское правительство капитулировало. 29 августа 1842 г. на борту английского корабля «Корнуэлл» был подписан мирный договор, получивший название Нанкинский.

Неравноправные договоры

Нанкинский договор был первым неравноправным договором в истории Китая. Пять китайских портов – Гуанчжоу, Сямынь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай – отныне объявлялись открытыми для торговли и поселения англичан. Шанхай и другие «открытые порты», число которых в XX в. превысило сотню (в 1930 г. их было

105), стали важнейшими опорными пунктами капиталистической агрессии и колониального угнетения Китая. Остров Гонконг (Сянган), захваченный англичанами, переходил в «вечное владение» Англии. Китай обязался уплатить Англии 21 млн юаней, упразднить монопольную корпорацию купцов «Гунхан», страна лишалась таможенной самостоятельности (пошлины не должны были превышать 5 % стоимости товара). Таким образом, Нанкинский договор создавал условия для колониального закабаления Китая капиталистической Англией.

Через год Англия навязала Китаю «дополнительное соглашение о торговле в пяти портах», подписанное в октябре 1843 г. в Хумэне. Это соглашение устанавливало для английских подданных право экстерриториальности и вводило консульскую юрисдикцию, т. е. подсудность не китайским судам, а английским консулам. В «открытых портах» англичане получили возможность создавать свои сеттльменты и управлять ими. Англия приобрела также право «наибольшего благоприятствования» – все привилегии, которые в будущем могла получить другая держава в Китае, распространялись на Англию.

США и Франция поспешили воспользоваться поражением Китая и навязать ему новые неравноправные договоры. США, официально не участвуя в войне против Китая, фактически поддерживали Англию, послали к берегам Китая эскадру, командующий которой после окончания войны вынудил гуанчжоуские власти «возместить убытки» американских купцов. 3 июля 1844 г. Китай был вынужден подписать в Ванся договор с США, по которому на американцев распространялись права, полученные англичанами по Нанкинскому договору («открытые порты») и Хумэньскому соглашению.

24 октября 1844 г. был подписан франко-китайский договор, предусматривавший сверх уже полученных Англией и США привилегий право католической церкви вести в Китае миссионерскую пропаганду, ставшую одним из средств идеологической экспансии капиталистических держав.

Борьба китайского народа против иностранных захватчиков

Война показала превосходство капиталистической Англии над феодальным Китаем. Войска цинского правительства были вооружены пиками и мечами, луками и стрелами, фитильными ружьями,

не имели плана операций и единого командования. Все это отражало экономическую и политическую отсталость цинского Китая и являлось следствием разложения правительственного и военного аппарата. Но вместе с тем отдельные гарнизоны и воинские части во главе с их командирами проявили самоотверженность, готовность сражаться с агрессорами – «заморскими дьяволами». Например, воины гарнизона Сямыня, не получив поддержки при обороне города, погибли все до единого, но не капитулировали. Мужественно сражались китайские солдаты-защитники Усуна, Чжапу, Сунцзяна. В Чжэньцзяне гарнизон оказал сильное сопротивление английским войскам и весь погиб в бою. Ф. Энгельс писал, что в сражении за Чжэньцзян «англичане получили достаточно доказательств тому, что как бы несовершенны ни были в военном искусстве монголо-китайские солдаты, у них не было недостатка в храбрости и отваге... Если бы завоеватели встретили подобное сопротивление повсюду, они никогда не добрались бы до Нанкина».

Значительным явлением в первой «опиумной» войне были создание народных отрядов самообороны и прямые выступления народных масс, в первую очередь в провинции Гуандун, против иностранных агрессоров, первым таким выступлением было восстание 30 мая 1841 г. жителей дер. Саньюаньли (около Гуанчжоу) против англичан, захвативших эту местность и чинивших всевозможные насилия и грабежи. Здесь были созданы пиньинтуани («отряды усмирения англичан»), к которым присоединились тысячи жителей примерно ста близлежащих деревень. 200 английских солдат и 2 офицера были убиты при попытке прорваться из окружения. Лишь вмешательство маньчжурского правителя Гуанчжоу помогло захватчикам спастись. В эти же дни население дер. Саньшацунь атаковало другой английский отряд, нанесло ему большие потери и захватило две пушки и другое вооружение. Ополчение Фошаньчжэня истребило несколько десятков английских солдат. В провинции Фуцзянь жители деревень, расположенных вблизи Сямыня, вступили в бой с английскими войсками и нанесли им потери. В Чжэцзяне организация «Хэйшуйдан» («Партия черной воды») выступила против англичан; солевары и торговцы солью нападали на английские корабли и поджигали их. После капитуляции цинского правительства и подписания Нанкинского договора сопротивление захватчикам не прекращалось. Патриотические общества, ядром которых были общинные школы (шэсюэ), организовали

длившиеся несколько лет сопротивление поселению англичан в Гуанчжоу, вели борьбу против бесчинства иностранцев.

Основную массу участников патриотического движения против иностранцев составляли крестьяне, ремесленники, городская беднота, предпролетарские элементы, а также «пришлые», прибывшие в Гуандун из других мест и стоявшие на низшей ступени китайского феодального общества. В движении участвовали представители господствующего класса: помещики, шэньши, некоторые чиновники. К нему примыкали и гуандунские купцы. Организаторами патриотических обществ и антианглийского ополчения выступали сельские шэньши. Их идеологией был феодальный национализм, соединенный с китаецентризмом, отрицанием всего иностранного. В идеологии движения отразилась отсталость тогдашнего китайского общества, облегчавшая капиталистическим агрессорам достижение их целей.

Цинские власти, как правило, выступали против патриотического движения, т. е. являлись сообщниками иностранных захватчиков. В одной из листовок, распространявшихся в Гуанчжоу, правительственные чиновники изобличались в тяжких преступлениях: «Наши кровожадные чиновники до сих пор были соучастниками английских грабителей во всех деяниях, которые последние совершали против порядка и справедливости... Они смотрели на иностранных дьяволов как на богов, а народ презирали как собак, и человеческая жизнь для них не представляла никакой ценности. Они стремились лишь к тому, чтобы сохранить свое высокое положение».

Предпосылки тайпинского восстания

Исход первой «опиумной» войны положил начало превращению Китая в полуколонию капиталистических держав. Прислужничество правителей Китая иностранным захватчикам подорвало авторитет династии Цин. Ненависть народных масс к маньчжурским феодалам, поработившим страну за два столетия до «опиумной» войны, еще более усилилась.

Другим следствием «опиумной» войны было резкое ухудшение положения народа. Намного увеличился по сравнению с довоенным временем ввоз опиума в Китай. Сильно возрос ввоз английских хлопчатобумажных и шерстяных тканей (в 1842–1845 гг. в 3,5 раза). Все увеличивающийся дефицит внешней торговли Китая

приводил к отливу серебра за границу и, следовательно, к значительному повышению курса серебряного лян по сравнению с медной монетой – вэнем. В 1842 г. 1 лян обменивался на 1572 вэня, а в 1849 г. – на 2355 вэней. Это означало, что размен налогов, уплачиваемых крестьянами в медной монете, увеличился за годы между концом «опиумной» войны и началом тайпинского восстания в 1,5 раза. Но в действительности чиновники, собиравшие налоги, брали с крестьян в качестве эквивалента за лян серебра еще больше медных вэней. Глава Российской духовной миссии в Пекине Палладий (Кафаров) писал о сборе налогов: «На ответственности уездного начальника лежит сбор податей, он принимает от крестьян количество медной монеты, достаточное по его усмотрению для приобретения серебра в казну, так что по мере дороговизны серебра увеличиваются и требования монеты; потом следуют добавления в пользу его самого, в пользу его клевретов и служителей; в случае недоимок по всем этим статьям крестьянина самовольно подвергают суду и пыткам».

Повышение курса серебряного лян по сравнению с медной монетой тяжело сказалось на положении крестьян-арендаторов, так как помещики увеличивали размеры арендной платы и сумму денежного залога за землю. В то же время увеличение ввоза тканей из Англии приводило к разорению кустарей и разрушению домашнего ткачества крестьян, лишая первых средств к существованию, а вторых – важного приработка, нередко спасавшего от голодной смерти. Все это вело к обезземеливанию крестьян, усиливало социальные противоречия и классовую борьбу в Китае. Китайские источники отмечают за 1841–1849 гг. 110 восстаний и волнений, в которых участвовали как китайцы, так и некитайские национальности: дунгане, тибетцы, яо и др. Чаще всего эти восстания возглавлялись тайными обществами, среди которых наиболее известными были «Саньхэхой» («Общество Триады»), «Гяньдихой» («Общества неба и земли»), «Саньяньхой» («Общество трех точек»). Сильнее всего возмущение народных масс притеснениями со стороны властей и помещиков проявлялось в южных провинциях Гуандун и Гуанси, более других частей Китая пострадавших от английской агрессии. В Гуанси, в частности, восстания вспыхивали в разных районах почти непрерывно с 1844 г. Эти провинции в середине XIX в. стали очагом крестьянской войны, вошедшей в историю под названием тайпинского восстания.

В 1843 г. сельский учитель, сын гуандунского крестьянина, Хун Сю-цюань (1814–1864) создал в Гуанси «Байшандихой» («Общество поклонения небесному владыке»). Он написал в середине 40-х годов несколько «гимнов» и «поучений» («Об истинном пути познания мира» и др.). В них популяризовались положения христианской религии – с ней Хун Сю-цюань познакомился в Гуанчжоу – в сочетании с древнекитайскими социально-этическими учениями о справедливом обществе «великого единения». В то же время в проповедях Хун Сю-цюаня содержался в скрытом виде призыв к уничтожению маньчжурского господства в Китае. Хун Сю-цюань и его первые сподвижники – учитель Фэн Юнь-шань, крестьянин-бедняк Сяо Чао-гуй пропагандировали идеи всеобщего равенства, призывали уничтожить буддийских и даосских «идолов», готовили восстание против маньчжурской власти.

В руководящее ядро «Байшандихой» наряду с бедняками входили и отдельные выходцы из богатых слоев населения – сын зажиточного крестьянина Ши Да-кай, мелкий помещик Вэй Чан-хой. Однако это не меняло антифеодальной направленности движения, которая проявлялась прежде всего в призывах к равенству и борьбе против конфуцианства, даосизма, буддизма, бывших идеологической опорой феодального строя.

ДОКУМЕНТ № 3

Сладковский М. И. Китай и Англия. – М., 1980. – С. 33–55.

Англо-китайские отношения в первой половине XIX в.

...Цинская монархия вступила в XIX в. не подготовленной к противоборству с приближавшейся к китайским границам экспансией капиталистической Англии. Одержав легкие победы над малыми южными странами во второй половине XVIII в., цинские правители не предпринимали каких-либо мер по укреплению позиций Китая в подвассальных странах, ограничивая связи с ними только взиманием поборов, дани, что вело лишь к ухудшению положения их народов. Феодальная империя Цинов растрачивала авторитет Китая и его влияние в южных странах и не могла рассчитывать на их поддержку, так же как и сама была не в состоянии защитить их. В то же время, оторванные от реального мира, цинские монархи продолжали считать «Поднебесную империю» центром и властелином мира. Защиту от внешней опасности, исхо-

дившей прежде всего от западных стран, они пытались найти в строгой изоляции Китая, в стремлении удержать китайский народ в темноте и невежестве, обеспечивавшей его покорность «всемогущему» и «сыну Неба» и безропотное перенесение жестокой эксплуатации.

Политика Цинов привела страну к застою, разорению и вызвала всеобщее негодование в китайском народе. В конце XVIII в. многие провинции (Хэнань, Хунань, Хубэй, Шэньси, Ганьсу, Сычуань) были охвачены массовыми крестьянскими восстаниями под руководство тайных обществ «Байляньцзяо» («Белый лотос»), «Саньхэхой» («Триада») и др. В начале XIX в. правительственным войскам удалось подавить их, однако устои цинской монархии были поколеблены, и она вступила в полосу глубокого социально-экономического кризиса. Оценивая этот период, известный китайский историк Фан Вэньлань писал: «Классовое и национальное угнетение, переплетаясь, опутало китайский народ сетью жестокой эксплуатации и репрессий. В условиях господства феодальной реакции в Китае долгое время не имелось возможности для сколько-нибудь значительного развития капиталистических отношений. Именно поэтому иностранные капиталисты смогли проникнуть в Китай и, объединившись с господствующими в Китае феодалами, стали еще более жестоко угнетать китайский народ».

Иным было положение Англии, которая, превратившись в могущественную колониальную державу, переживала бурный внутренний подъем. Ее внешнеторговая экспансия на рубеже XVIII и XIX вв. приняла, как отмечал К. Маркс, гигантские размеры. «Промышленная революция», развернувшаяся в Англии с середины XVIII в., к концу столетия привела к использованию машин во всех важнейших отраслях производства, что сделало ее первой индустриальной державой мира. Успехи промышленности, базировавшейся на дешевом колониальном сырье (хлопок, шелк-сырец и др.), обеспечили быстрый рост английского экспорта. Дальнейшее расширение колониальных владений Англии в Южной Азии (к 30-м годам XIX в. под властью англичан оказалась почти вся Индия) создало необходимые экономические и военно-стратегические условия для усиления экспансии на Дальнем Востоке.

Нарастание напряженности в англо-китайских отношениях

Неудача посольства Макартнея не изменила характера поведения англичан в Китае: они по-прежнему пренебрегали китайским законодательством, добивались ликвидации монопольной системы «Гунхан» в торговле с иностранцами. Инциденты, возникавшие на данной почве между англичанами и местными властями, выливались в кровавые драки: ранения и убийства китайцев.

При этом, вопреки требованию китайских властей передать виновных англичан для привлечения к судебной ответственности, капитаны судов и английский консул-уполномоченный Ост-Индской компании отказывались выдавать виновных китайским властям, создавая тем самым остроконфликтную ситуацию. В ряде случаев китайская сторона шла на компромисс, и инциденты исчерпывались уплатой денежного штрафа (до 5 тыс. таэлей за убитого и 1–2 тыс. за раненого), но иногда дело доходило до приостановки торговли и выдворения английских судов из китайских вод.

Еще более значительным поводом для ухудшения англо-китайских отношений являлось игнорирование английскими торговцами ограничений на экспорт в Китай индийского опиума: в 1798–1800 гг. его среднегодовой объем составлял 4113 ящиков, оцениваемых примерно в 1,5 млн долл. Увеличение завоза опиума сопровождалось быстрым распространением опикурения, принявшим уже в конце XVIII в. угрожающие размеры. В 1796 г. император Цзяцин специальным эдиктом подтвердил введенное в 1729 г. запрещение на импорт и курение опиума. В 1800 г. был обнародован новый указ аналогичного содержания. Завоз опиума объявлялся контрабандой, что предполагало его конфискацию (на этот раз не делалось исключения и для ввоза опиума в медицинских целях).

Однако вся эта законодательная активность отнюдь не остановила наплыва опиума в Китай. Подгоняемые жадной быстрого и легкого обогащения, английские торговцы, используя продажность цинских чиновников, увеличили завоз опиума в Гуанчжоу с 1814 ящиков в 1795 г. до 4575 ящиков в 1800 и 1801 гг.

В первые годы XIX в. «техника» провоза опиума в Гуанчжоу оставалась прежней: английские суда бросали якорь, не заходя в порт; опиум с них на берег, в обход таможенного контроля, доставлялся на джонках. В 1809 г. исчезла необходимость и в этих примитивных уловках. По соглашению с гуанчжоускими властями

англичане получили право вводить свои корабли в порт, давая лишь ничего не значащие заверения, что не везут опиума. Желая уклониться от формальной ответственности за нарушения императорского указа, Ост-Индская компания в 1813 г. отказалась от своих монопольных прав на продажу опиума в Китае, чем воспользовались многие английские фирмы (иногда выступавшие как индийские). Это придало контрабандной торговле большую маневренность и облегчало сношения с китайскими покупателями.

В начале XIX в. опиекурение в Китае превратилось в национальное бедствие, угрожавшее нравственному и физическому здоровью народа. Цзян Сянань и Хуан Цзюэцзы, авторы труда «О запрещении опиума», писали: «Ныне среди столичных чиновников курильщиками опиума являются 1–2 человека из десяти, среди провинциальных чиновников – 2–3 из десяти, среди писцов и чиновников уголовной и налоговой палат – уже 5–6 из десяти, что же касается мелких чиновников, то среди них курильщиков несметное число».

Прогрессивные люди того времени требовали категорического запрещения продажи опиума. Протесты общественности поддерживались и некоторыми видными сановниками и в конце концов вынудили императора в 1813 г. издать указ, в котором содержалось резкое осуждение чиновников, причастных к опиеторговле: «Во всех морских таможнях, в конечном счете, есть такие чиновники, которые в личных интересах взимают опиумные сборы в серебре, а это в итоге ведет к тому, что подлые люди занимаются барышничеством; можно ли удивляться, что приток этой отравы все больше возрастает». Растущее в стране возмущение деятельностью контрабандистов и преступным попустительством им цинских властей нашло выражение в широком антиопиумном движении, вылившемся в движение по преимуществу антиевропейское, в первую очередь антианглийское. Нападения возбужденных толп местных жителей на англичан заканчивались кровавыми побоищами.

Официальный запрет ввоза опиума стимулировал значительный рост цен на него. Так, если в конце XVIII в. его ящик стоил в Гуанчжоу около 400 долл., то в 1816–1817 гг. – 1100 долл. и в 1820–1821 гг. – 1750 долл. В результате, несмотря на сохранение в течение двух десятилетий объема экспорта опиума практически на одном уровне, выручка европейских фирм от его продажи за этот же период возросла в 3–4 раза. Однако английские опиеторговцы не

хотели мириться с приостановкой количественного роста ввоза опиума в Китай и требовали от своего правительства принятия более решительных мер для обеспечения им свободы торговли.

Англия к тому времени уже обладала достаточно прочными позициями в Юго-Восточной Азии и не считала для себя большим риском пойти на дальнейшее обострение отношений с Китаем. Объектом ее колониальной экспансии стали государства, находившиеся в вассальной зависимости от Цинской империи. В результате войны против Непала (1813–1816 гг.) англичане вынудили непальского короля согласиться на присутствие в его столице британского резидента, а южные округа страны были поставлены под контроль Англии. По существу, это означало конец китайского сюзеренитета над Непалом, что, несомненно, было прямым вызовом Китаю. Вслед за тем англичане вторглись в Бирму и аннексировали Ассам. Цинский двор не смог оказать какую-либо поддержку своим вассалам. <...>

Англо-китайские отношения в 20–30-х годах XIX в.

К началу 20-х годов, успешно завершив противоборство с наполеоновской Францией, Великобритания прочно утвердилась в положении первой индустриальной державы мира, «владычицы морей». Бурно расцветала английская внешняя торговля. В этих условиях монополия Ост-Индской компании на торговлю с Китаем стала подвергаться резкой публичной критике. В докладе парламентского комитета по делам внешней торговли в 1821 г. отмечалось, что англо-китайская торговля протекает с большими перебоями и что большую активность развили американские фирмы, товарооборот которых в Китае за последние 11 лет (с 1810 г.) удвоился. На этом основании делался вывод о необходимости устранения ограничений на торговлю частных английских фирм с Китаем и ликвидации монополии Ост-Индской компании, неспособной справиться с существующими затруднениями.

Уже с 20-х годов продажа индийского опиума в Китае перешла в руки частных английских фирм. Они же начали осуществлять и закупку китайских товаров, хотя в законодательном порядке монополия Ост-Индской компании на торговлю с Китаем была ликвидирована лишь в 1833 г. Опиум, ставший главной статьей английского экспорта, оказывал весьма существенное отягощающее воздействие на социальную жизнь китайского общества. Потребле-

ние его, несмотря на баснословные цены, стремительно распространялось, разоряя и без того нищающий люд. Простой человек, «даже упорно трудившийся целый год, – писал китайский историк XIX в. Ся Се, – был не в состоянии оплатить одну трубку для курения опиума в своей темной лачуге». Китайские купцы жаловались, что опиум вытеснил из торговли не менее половины других товаров, что при посредстве этого дурманящего зелья англичане и другие иностранцы выкачивают из Китая серебро, шелк и прочие ценности.

В 1821 г. после очередных кровавых инцидентов местные власти запретили британским судам заходить в Хуанпу, а затем приостановили английскую торговлю в Гуанчжоу. После этого центром распространения опиума стал о-в Линтин (вблизи устья р. Чжуцзян), который англичане рассматривали как территорию, не входящую в сферу действия китайского внешнеторгового контроля. Он был превращен в складскую базу, откуда опиум вывозился на джонках не только в Гуанчжоу, но и во многие другие китайские порты.

В «линтинский период», как называют английские историки 1821–1839 гг., экспорт опиума в Китай возрос с 5959 (1821 г.) до 40 200 ящиков (в 1838–1839 гг.), т. е. более чем в 6,5 раза. В эти годы, помимо продолжавшего занимать ведущее место индийского опиума, в Китай ввозился и турецкий. <...>

Несмотря на рост доходов от контрабандной торговли опиумом, условия перманентной конфликтности, нестабильности положения не устраивали английских торговцев. Не надеясь мирным, дипломатическим путем склонить цинское правительство «открыть двери» Китая для «свободной торговли», английские торговые и правительственные круги стали готовиться к осуществлению этой задачи вооруженным путем.

Миссия лорда Нэпира

Первым шагом на этом пути стало изменение системы английского представительства в Китае. После отмены в 1833 г. монополии Ост-Индской компании на торговлю с Китаем ее уполномоченный в Гуанчжоу был заменен государственным главным уполномоченным по торговле Англии. 10 декабря 1833 г. первым эту должность занял лорд Нэпир: аристократ из древнего шотландского рода, крупный чиновник министерства иностранных дел (это

назначение само по себе свидетельствовало о политическом характере произведенной реорганизации: для ведения чисто торговых дел столь видная фигура не требовалась). Его первым заместителем стал Дж. Дэвис, управляющий отделением Ост-Индской компании в Гуанчжоу, вторым – Дж. Робинсон, ведавший контрабандными опиумными операциями на о-ве Линтин. В состав миссии Нэпира входил и капитан Ч. Эллиот, который нес ответственность за все британские корабли и их команды, находившиеся вблизи устья р. Чжуцзян.

В инструкциях, данных Нэпиру 31 декабря 1833 г., указывалось, что он должен ограничить свою деятельность переговорами с местной администрацией и не выезжать в столицу Китая. Нэпиру предписывалось, не прибегая к угрозам, использовать армию и флот, дабы дать понять китайской стороне, что при необходимости военная сила будет применена.

В качестве одной из главных задач Нэпиру поручалось «всеми мерами добиваться», чтобы возникающие конфликтные дела между британскими подданными и китайцами или иностранцами «решались арбитражем или по согласию», т. е. обеспечить англичанам право экстерриториальности. Лондон рассчитывал, что уступка китайской стороны по данному принципиальному вопросу даст ключ к достижению соглашения и о легализации торговли опиумом, и об отмене монопольной системы «Гунхан». При личном инструктаже министр иностранных дел Пальмерстон рекомендовал Нэпиру «изучить возможности расширения британской торговли и иметь в виду желательность вступления в прямые отношения с императорским правительством, не предпринимая, однако, в этом направлении каких-либо шагов и не делая никаких предложений без специальных инструкций». Перед Нэпиром ставилась задача вести дела таким образом, чтобы китайцы считали его не простым уполномоченным по торговле, а «королевским послом».

15 июля 1834 г. Нэпир прибыл в Макао, оттуда 25 июля на торговом судне прибыл в Хуанпу. С первых же шагов он встретился с трудностями дипломатического порядка. Его попытка войти в непосредственный контакт с генерал-губернатором окончилась неудачей. Для контактов с Нэпиром были выделены два представителя организации «Гунхан». Однако он категорически отказался иметь с ними дело, подчеркивая, что «честь британской нации»

обязывает его как представителя государства, а не частной компании, сноситься непосредственно с генерал-губернатором.

Многочисленные попытки Нэпира установить прямой контакт с главой местной китайской администрации закончились неудачей. После долгих переговоров была достигнута договоренность о посещении официальными представителями генерал-губернатора резиденции Нэпира, но и эта встреча сорвалась из-за «престижных» споров.

5 сентября Нэпир решил продемонстрировать военную силу. Он приказал фрегатам «Имаджин» и «Андромаха» в сопровождении находившихся в Тонкинском заливе английских судов войти в Хуанпу, 6 сентября британский десант высадился на территории английской фактории. В манифесте, изданном 8 сентября, Нэпир оповещал находившихся в Гуанчжоу англичан, что он «начинает превентивную войну», добиваясь, чтобы его требования, предъявленные генерал-губернатору, были переданы китайскому императору. Внезапная болезнь и смерть Нэпира (11 октября) затормозили развитие событий. К тому же Англия в это время еще не была в полной мере готова к более решительным военным действиям.

У английских представителей, находившихся в это время в Гуанчжоу, не было единого мнения касательно политики по отношению к Китаю. Дж. Дэвис, ставший после смерти Нэпира главным уполномоченным по английской торговле, хорошо знавший китайский язык, национальные традиции и местные условия, высказывался за умеренный курс. В докладе Пальмерстону он писал: «При отсутствии какого-либо продвижения вперед со стороны китайцев позиция абсолютного молчания и спокойствия с нашей стороны представляется наиболее предпочтительным курсом до тех пор, пока мы не получим дальнейшие инструкции».

Более нетерпеливой и воинственной позиции придерживались английские торговцы в Гуанчжоу. В меморандуме, направленном 9 декабря 1834 г. в Лондон, они настаивали, чтобы в Китай для переговоров с центральным правительством был направлен посол «более высокого ранга, чем лорд Нэпир, и с большим дипломатическим опытом, которому была бы оказана необходимая военная поддержка».

Политика «молчания и спокойствия», защищаемая Дж. Дэвисом, а после его отъезда (19 января 1835 г.) его преемником Дж. Робинсоном, вовсе не предполагала достижения соглашения с китайской

стороной на основе признания законов и требований правительства Китая. Перебравшись из Гуанчжоу на о-в Линтин и используя корабли Ч. Эллиота, ставшего вторым уполномоченным, Робинсон развернул контрабандный завоз опиума в еще больших масштабах, нежели прежде. Однако позиция Дэвиса и Робинсона, которые открыто не добивались свободы торговли, а возникающие конфликты старались урегулировать взятками, компромиссами и т. д., вызвала неудовольствие в правительственных кругах Англии. 7 июля 1836 г. за перенос своей резиденции на Линтин Робинсон был отозван. Главным уполномоченным 2 февраля 1837 г. был назначен Ч. Эллиот.

В Китае тем временем нарастало возмущение расширением опиекурения и ввоза опиума. Предложения части чиновников легализовать импорт опиума, чтобы обложить его таможенными пошлинами и сборами, порицались общественностью и были в конце концов отвергнуты двором. С требованием запретить опиекурение и ввоз иностранного опиума выступил видный сановник генерал-губернатор провинций Хунань и Хубэй Линь Цзэсюй. В докладе императору он писал: «Опиум растекается отравой по Поднебесной, ущерб, причиняемый им, огромен, и законом следует строго запретить его. Если смотреть на него сквозь пальцы, то через несколько лет в Китае почти не останется солдат, могущих защищать нас от врага, и не останется серебра для уплаты жалованья». Император Даогуан (1821–1850) одобрил доклад Линь Цзэсюя. В декабре 1838 г. он был назначен особоуполномоченным по руководству морскими силами провинции Гуандун и ему было поручено заняться расследованием опиумных дел.

Линь Цзэсюй по прибытии в Гуанчжоу (10 марта 1839 г.) повел решительную борьбу с контрабандным ввозом и распространением опиума. Под угрозой полного прекращения английской торговли и блокирования фактории он потребовал у Эллиота и представителей фирм сдать весь находящийся на судах – складах опиум по установленным ценам. Англичане вынуждены были согласиться и передали китайским властям 20 291 ящик опиума стоимостью 3 млн ф. ст. (8 млн лянов). Линь Цзэсюй и генерал-губернатор Гуандуна и Гуанси Дэн Тинчжэнь испросили и получили разрешение Пекина оплатить изъятый опиум чаем (по 5 цзиней за ящик), полученным путем сбора пожертвований.

Этот гуманный и благородный акт, как и весь курс Линь Цзэсюя, вызвал острое недовольство продажных чиновников, владельцев опиекурилен и их покровителей, лишившихся своих баснословных барышей. К сторонникам продолжения торговли опиумом принадлежал и канцлер империи Му Чжаньэ. Под влиянием противников Линь Цзэсюя произошло изменение официальной политики. Последовала серия указов, затруднявших борьбу с опиеторговлей.

Опасаясь, что в сложившейся ситуации Англия прибегнет к использованию вооруженных сил, Пекин принял линию на смягчение конфликта. «Повелеваю Линь Цзэсюю и Дэн Тинчжэню, – говорилось в императорском предписании, – лично на месте разобраться в обстановке и, сообразуясь с требованиями момента, обеспечить проведение нужных мер, чтобы, как только начнутся события, сразу же приостановить их развитие. Вместе с тем было бы лучше не доводить дело... до... конфликта».

Однако подобная капитулянтская позиция цинского двора лишь развязывала руки англичанам. Действуя в духе полученных инструкций, Линь Цзэсюй заверил Эллиота, что после сдачи опиума с английской фактории будет снята блокада и в нее вернется обслуживающий китайский персонал. В ответ Эллиот пошел на обострение обстановки. Через три дня после окончания сдачи опиума (24 мая) все англичане во главе с ним покинули факторию и переместились в Макао. Там он отклонил предложение китайских властей вернуться к прежней практике, когда разрешение на заход английского судна в Хуанпу обуславливалось обязательством не ввозить опиум. Два английских корабля, отплывших было в Гуанчжоу (их капитаны согласились принять китайские условия), по приказу Эллиота были возвращены к Линтину британскими фрегатами.

Одновременно, стремясь обойти воздвигаемые Линь Цзэсюем барьеры, англичане развернули широкую контрабандную торговлю опиумом вдоль побережья провинции Фуцзянь. В июле 1839 г. Эллиот докладывал в Лондон: «В различных частях Фуцзяни выполнение мероприятий Линя затруднено организациями контрабандистов; правительственные чиновники не решаются беспокоить их... и в самом деле, в то время, когда я вам пишу, торговля (опиумная) весьма энергично проводится в местах, находящихся на расстоянии 200 миль на восток от Кантона».

Насильственно раздвигая территориальные рамки, установленные китайскими властями для иностранной торговли, англичане с не меньшей настойчивостью требовали предоставления им режима экстерриториальности. 7 июля английские моряки убили китайца Линь Вэйси. Линь Цзэсюй потребовал выдачи убийц для предания их китайскому суду. Эллиот отклонил это требование и сообщил, что после изучения происшествия он назначит суд над виновными на британском судне при участии китайских представителей. Ссылаясь на то, что американский консул в аналогичном случае выполнил ее требования, китайская администрация отвергла предложение Эллиота. Положение еще более обострилось.

Линь Цзэсюй и Дэн Тинчжэн приказали прекратить снабжение водой и продовольствием англичан, оставшихся в Гуанчжоу, после чего все они перебрались на британские суда. В октябре – ноябре произошло несколько военных столкновений у п-ва Цзюлун (Коулун). 6 декабря 1839 г. Линь Цзэсюй издал распоряжение о запрете захода в Хуанпу британских судов и о полном прекращении торговли с англичанами. Все это время Эллиот настойчиво требовал направить к берегам Китая крупные военные силы, чтобы заставить его «открыть двери» для свободной торговли. Его предложение находило широкую поддержку в торговых и правительственных кругах Англии.

В секретном уведомлении (от 18 октября 1839 г.) Пальмерстон информировал Эллиота о принятом английским правительством решении направить к берегам Китая военную эскадру с десантными частями, с тем чтобы поставить «на прочную основу» отношения между Великобританией и Цинской империей. Согласно выработанному в Лондоне плану, военная экспедиция, прибыв в марте 1840 г. в китайские воды, должна была уничтожить китайские военно-морские силы, захватить о-ва Чжоушань (их предписывалось превратить в военную и торговую базу) и заблокировать Гуанчжоу и устье р. Бэйхэ. Таким путем английские колонизаторы рассчитывали заставить Пекин принять их требования...

ДОКУМЕНТ № 4

Нанкинский англо-китайский договор (от 29 августа 1842 г.)

Ее величество королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и его величество император Китая, желая положить конец недоразумениям и последующим враждебным действи-

ям, возникшим между двумя странами, решили заключить с этой целью договор и назначили посему в качестве своих уполномоченных... которые по взаимном обмене полномочий, найденных в доброй и надлежащей форме, согласились и заключили следующие статьи:

Ст. 1. Впредь да пребудет мир и дружба между ее величеством королевой Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и его величеством императором Китая и между их подданными, которые будут пользоваться полной безопасностью и покровительством их личности и собственности во владениях каждого из них.

Ст. 2. Его величество император Китая соглашается, что британским подданными с их семьями и предприятиями будет дозволено пребывать для осуществления их торговых целей без беспокойства и стеснений в городах Кантоне, Амое, Фучжоу, Нинбо и Шанхае. А ее величество королева Великобритании и т. д. назначит суперинтендантов или консульских чинов, имеющих право проживать в каждом из вышепоименованных городов в качестве посредников между китайскими властями и названными торговцами и дабы следить за тем, чтобы справедливые пошлины и иные поборы китайского правительства, как о них в дальнейшем установлено, были бы надлежащим образом вносимы подданными ее британского величества.

Ст. 3. Ввиду явной необходимости и желательности, чтобы британские подданные располагали каким-либо портом, в коем они могли бы ставить для починки и чинить, если нужно, свои суда и содержать для сего арсеналы, его величество император Китая уступает ее величеству королеве Великобритании и т. д. остров Гонконг в вечное ее британского величества, ее наследников и преемников, владение с тем, чтобы он управлялся теми законами и регламентами, какие ее величество, королева Великобритании и т. д., сочтет нужным установить.

Ст. 4. Император Китая соглашается уплатить сумму в 6 000 000 долларов, как соответствующую стоимости опия, который был выдан в Кантоне в марте месяце 1839 г. в качестве выкупа за жизнь суперинтенданта и подданных ее величества, заключенных в тюрьму и подвергнутых угрозе смерти китайскими сановниками.

Ст. 5. Так как китайское правительство принуждало британских коммерсантов, торговавших в Кантоне, вести дела исключительно

с определенными китайскими торговцами, именуемыми торговцами Хонг (или Кохонгом), которые получили для сего лицензии от китайского правительства, то император Китая соглашается упразднить этот порядок на будущее время во всех портах, где будут проживать британские торговцы, и разрешить им вести торговые дела со всякими лицами, с коими они пожелают; и его императорское величество, сверх того, соглашается уплатить британскому правительству сумму в 3 млн долл. в счет долга, причитающегося британским подданным от некоторых торговцев Хонг или Кохонга, которые оказались несостоятельными и которые должны подданным ее британского величества весьма крупные суммы денег.

Ст. 6. Так как правительство ее британского величества было вынуждено послать экспедицию, дабы потребовать и добиться удовлетворения за насильственные и несправедливые действия китайских сановников в отношении чинов и подданных ее британского величества, император Китая соглашается уплатить сумму в 12 млн долл. ввиду воспоследовавших от сего расходов; и уполномоченный ее британского величества добровольно соглашается, от имени ее величества, вычесть из означенной суммы в 12 млн долл. все те суммы; которые могли быть получены соединенными силами ее величества в качестве выкупа за города Китая, начиная с 1 авг. 1841 г.

Ст. 7. Условлено, что общая сумма в 21 млн долл., установленная в трех предшествующих статьях, будет уплачена, как следует далее: 6 млн немедленно; 6 млн в 1843 г., т. е. 3 млн 30 июня или до того и 3 млн 31 декабря или до того; 5 млн в 1844; т. е. 2,5 млн 30 июня или до того и 2,5 млн 31 дек. или до того; 4 млн в 1845; т. е. 2 млн 30 июня или до того и 2 млн 31 дек. или до того.

Сверх того установлено, что проценты из расчета 5 % в год будут уплачены китайским правительством за каждую часть вышеупомянутых сумм, которая не будет пунктуально внесена в установленные сроки.

Ст. 8. (об освобождении всех британских подданных, европейцев и индусов, подвергшихся в Китае заключению).

Ст. 9. (об амнистии, освобождении и возмещении убытков, понесенных китайцами, находившимися ранее на службе у британских подданных).

Ст. 10. Его величество император Китая соглашается установить во всех портах, имеющих согласно ст. 2. сего договора быть

открытыми для британских торговцев, справедливый (fair) и регулярный тариф на вывозные и ввозные пошлины и иные поборы, каковой тариф будет объявлен и официально опубликован во всеобщее сведение. И сверх того, император соглашается, что раз британские подданные уплатят в каком-либо из названных портов установленные пошлины и поборы, соответственно тарифу, имеющему впоследствии быть установленным, то подлежащие товары могут быть доставляемы китайскими торговцами в любую провинцию или город внутри Китайской империи с уплатой дополнительной суммы в качестве транзитного сбора, который не должен превышать процентов тарифной стоимости таких товаров.

Ст. 11. (о форме сношений английских должностных лиц разного ранга и торговцев с китайскими властями).

Ст. 12. По получении согласия императора Китая на сей договор и по уплате первого взноса денег, вооруженные силы ее британского величества очистят Нанкин и Большой Канал и не будут более затруднять или приостанавливать торговлю Китая. Военная стоянка в Чинхае также будет эвакуирована; однако остров Гулансу и остров Чусан будут заняты силами ее величества, покуда не будут закончены денежные платежи и мероприятия по открытию портов британским торговцам.

Ст. 13. Обмен ратификаций сего договора ее величеством королевой Великобритании и т. д. и его величествам императором Китая последует настолько скоро, как это допускается величиной расстояния, отделяющего Англию от Китая; до сего, однако, тождественные экземпляры его, подписанные и снабженные печатями уполномоченных, от имени подлежащих их суверенов, будут взаимно обменены и все его постановления и пункты вступят в силу.

Совершено в Нанкине, подписано и снабжено печатями уполномоченных на борту корабля ее британского величества «Корнуэльс», сего 29 авг. 1842 г., соответствующего китайской дате 24 дня 7 месяца 22 года Тауквана.

Подписи и печати.

ДОКУМЕНТ № 5

Илюшечкин В. П. Крестьянская война тайпинов. – М., 1967. – С. 55–64.

Нарастание повстанческого крестьянского движения в 1842–1850 гг.

По мере обострения внутренних противоречий усиливалась борьба угнетенного крестьянства против помещиков и цинских властей. Постепенно разгораясь, она в конце концов вылилась в мощную антифеодальную и антимаьчжурскую войну тайпинов, охватившую значительную часть территории страны. Нарастанию выступлений народных масс во многом способствовало падение престижа маьчжурской цинской династии, веры народа в ее могущество и непобедимость ее вооруженных сил в результате неудачного для Китая исхода первой «опиумной» войны.

В силу низкого уровня политической сознательности и организованности народных масс их борьба выражалась главным образом в разрозненных стихийных антипомещичьих выступлениях арендаторов и антиналоговых бунтах, которые нередко перерастали в вооруженные восстания крестьян и угнетенных малых национальностей против цинских властей. К этим восстаниям примыкали многочисленные отряды «разбойной вольницы», состоявшие в основном из разоренных крестьян, ремесленников и деклассированных элементов, действовавших полубандитскими методами.

В исторической хронике «Дунхуалу» с 1841 по 1849 гг. зарегистрировано 110 бунтов и вооруженных восстаний в различных провинциях страны. Во многих антиналоговых выступлениях активное участие принимали мелкие помещики, в том числе и шэньши, пострадавшие от увеличения налогового бремени. Они нередко выступали зачинщиками и руководителями таких бунтов.

К началу тайпинского восстания народное движение в Китае постепенно начинает переходить от примитивных стихийных выступлений и действий методами «разбойной вольницы» к относительно более организованной борьбе. Это было связано с усиленным ростом числа традиционных политических организаций угнетенного населения – тайных обществ (хуйданов) – и значительной активизацией их деятельности после первой «опиумной» войны. Особенно большое распространение они получили в 1847–1850 гг. В Гуанси, Гуандуне, Хунани, Цзянси, Хэнани, Аньхуе,

Шаньдуне и Цзянсу в 1847–1850 гг. имелись десятки тайных обществ. В северном Аньхуе они назывались «Няньдан», в Цзянсу, в зоне Великого канала, – «Фудан». К югу от Янцзы тайные общества известны в литературе под названиями «Тянь ди хуэй» («Союз неба и земли»), «Сань дянь хуэй» («Союз трех точек») либо «Сань хээ хуэй» («Триада»).

Тайные общества представляли собой законспирированные организации, объединявшие обычно по несколько тысяч человек. Они, как правило, не были связаны друг с другом и действовали разрозненно из-за глубоко укоренившейся в феодальном Китае клановой и земляческой групповщины, что, несомненно, ослабляло силу борьбы народных низов. Каждое из них имело свои ритуалы, иногда довольно сложные и окрашенные религиозной мистикой. Вновь вступившие давали клятву соблюдать эти ритуалы, не враждовать с другими членами данной организации, не доносить о ней властям и беспрекословно подчиняться приказам ее руководителей. Однако дисциплина в тайных обществах была весьма слабой. Основную массу их членов в сельских местностях обычно составляла деревенская беднота, а в городах – ремесленники, наемные работники и мелкие торговцы. Наряду с представителями сельских и городских низов в них входили деклассированные элементы – бродяги, нищие, бандиты, а также оппозиционно настроенные отдельные мелкие помещики, представители феодальной интеллигенции, провалившиеся на экзаменах либо не сумевшие получить чиновничьи должности. Столь разношерстный состав этих организаций во многих случаях делал весьма неопределенной их классовую физиономию.

Тайные общества вносили некоторую организованность в классовую борьбу народных низов. Однако их программные требования были крайне ограничены и недостаточны, что отражало исторически обусловленный низкий уровень классового и политического самосознания угнетенных слоев феодального общества. Наряду с общим для всех лозунгом «Свергнем династию Цин, восстановим династию Мин» большинство обществ популяризировало традиционные лозунги народных движений эпохи Средневековья: «Именем неба восстановим справедливость» и «Чиновники угнетают, народ восстает». Одни из этих союзов выдвигали также призывы, отражавшие интересы неимущих: «Оберем богатых, чтобы помочь бедным», другие придерживались принципов, выгодных

для имущих, вроде: «Для «Чжун и тан» («Общество преданности и справедливости») нет больших и малых, оно не обижает ни богатых, ни бедных»; для третьих были характерны туманные призывы к общности имущества: «Уничтожить межи, с тем чтобы все жили одной семьей» и «Восемь сторон света составляют единый мир, все роды должны составлять одну семью». Выдвижение тех или иных лозунгов во многом определялось личностью руководителя данной организации и его классовой принадлежностью.

В годы, непосредственно предшествовавшие крестьянской войне тайпинов, тайные обществ сыграли огромную роль в развертывании классовой борьбы крестьянства и других угнетенных слоев китайского феодального общества. Они подготовили и возглавили многие народные восстания. <...>

В апреле 1849 г. член одного из тайных обществ Чэнь Я-гуй, собрав несколько тысяч крестьян, поднял восстание в уезде Усюань. Его отряд нападал на помещиков, ростовщиков и чиновников и «не причинял вреда населению». Он действовал в центральной части Гуанси, включая уезды Сянчжоу, Усюань, Гуйсянь, Гуйпин, Биньчжоу, Цянцзян и Лайбин. В отличие от Чжан Цзя-сяна, Чэнь Я-гуй не выдвигал какой-либо программы, выражавшей интересы бедноты, не особенно старался привлечь ее на свою сторону и усилить таким образом ряды восставших. Он предпочитал полубандитские методы. Численность его отряда никогда не превышала нескольких тысяч человек. Но он действовал стремительно и дерзко, наводя страх на власти и правительственные войска, которые при его приближении старались укрыться за городские стены и редко отваживались вступать с ним в открытый бой. Особенно активизировался Чэнь Я-гуй осенью 1849 г., когда он захватил и превратил в свою базу уездные города Сюжэнь и Липу. <...>

Наиболее крупным вооруженным выступлением крестьян непосредственно перед началом войны тайпинов было восстание под руководство арендатора Ли Юань-фа, начавшееся 27 ноября 1849 г. в уезде Синьнин, где некогда действовал Лэй Цзай-хао, и распространившееся затем на обширные районы по обе стороны хунаньско-гуансийской и хунаньско-гуйчжоуской границы. Сам Ли Юань-фа так описывал причины и начало этого движения: «В 5-й луне 29 года правления Даогуна (июль 1849 г.) в нашей местности произошло наводнение, зерно сильно подорожало, богачи не хотели продавать его, а уездное начальство не давало приказа о сниже-

нии цен и не открывало склады для продажи хлеба по нормальной цене, лишь шэньши предоставили беднякам займы небольшое количество зерна. В 8-й луне, после уборки урожая, они стали драть большие проценты за выданное ранее зерно. Беднякам это было не под силу. Тогда я стал подбивать людей не подчиняться, поднять бунт и обобрать богатых... Мы создали тайное общество и решили привлечь в него больше людей, чтобы обирать богатых и помогать бедным. Се Ю-син, Чэнь Эр-кунь, Ло Дэн-цзюэ и Ло Юань-ба отправились в разные стороны вербовать людей. Потом начальник уезда Вань дознался и посадил в тюрьму членов общества Ян Чан-ши и Ли Ши-ина. Я возмутился и договорился с Се-сиием проникнуть в город и напасть на тюрьму. Решили начать 13 дня 10-й луны (27 ноября). В 3-ю ночную стражу толпа более чем из 300 человек сначала устроила пожар за Восточными воротами... затем все мы проникли в город и прежде всего бросились к тюрьме, разбили ее двери и освободили Ян Чан-ши и Ли Ши-ина. К этому времени уже рассвело, и появился уездный начальник Вань с солдатами и служками, чтобы схватить зачинщиков. Ли Чэн-цзин задержал его и приказал сдаться, тот не подчинился и стал ругаться. Тогда Ли Чэн-цзин и Лю Ба (У Цзы-дань) убили уездного начальника за Восточными воротами, а толпа бросилась грабить. Ли Ши-ин сказал, что мы не должны убивать чиновников и доводить дело до крайности. Поэтому я разозлился на него и убил его. Затем все прошли в уездное управление и в дом бывшего уездного начальника Ли и разграбили их; искали чиновников, но те скрылись... Поскольку дело приняло серьезный оборот, я посоветовался с Се Ю-сином, и мы призвали народ отрастить волосы и отправили людей в разные стороны вербовать сторонников. 15, 16 и 17 числа в город прибыло около 2 тыс. человек, чтобы оборонять его. Каждому из них была дана красная повязка с отличительным знаком». <...>

В 1850 г., непосредственно перед началом тайпинского восстания, классовая борьба в Гуанси приняла еще больший размах и остроту. Были созданы новые многочисленные повстанческие силы, которые захватывали небольшие города, расправлялись с чиновниками и устанавливали свои порядки. Так, в январе в округе Чжэньань крестьянами, восставшими по призыву тайного общества «Ишэн тан», был создан вооруженный отряд, который захватил г. Шанью. Примерно в это же время в уезде Лайбин началось крестьянское движение под руководство Янь Ба. Спустя некоторое

время он овладел уездным центром, но вскоре был выбит оттуда подошедшими правительственными войсками. Несколько позднее г. Лайбин был вновь захвачен повстанцами во главе с Пэн Лиюба. При этом они разрушили местную тюрьму, освободили заключенных и опустошили склады. Вслед за тем в феврале выходец из народности тун Тао Ба поднял восстание в районе Байша (округ Биньчжоу) и произвел нападение на г. Цянцзян. Затем он ушел в уезд Шанлинь, объединился там с более мелкими повстанческими отрядами Чжоу Сы, Чжоу Ба, Вэй Мин-таня и др. и стал громить помещичьи дружины и правительственные части на территории уездов Шанлин, Сыэнь, Усюань, Гуйсянь и Лайбин. В апреле в уезде Бэйлюй двухтысячный отряд организовала женщина Ли Синьмэй. Тогда же в уезде Гуйсянь член «Триады» Чжан Я-чжэнь создал отряд в несколько тысяч человек и развернул партизанскую войну на территории уезда Цянцзян. К осени, объединившись с несколькими другими повстанческими отрядами, он разгромил правительственные войска и занял уездные города Гуйсянь, Цянцзян и Сясянь.

ДОКУМЕНТ № 6

Вэй Юань. География заморских стран // Хрестоматия по новой истории. – М., 1965. – Т. 2. – С. 589–591.

Опиум ежегодно поглощает в нашей стране несколько десятков миллионов лян (лян (лан) – 1) единица веса; 2) слиток серебра – имел хождение как монета, равен 37,3 г серебра). Он истощает наши богатства и способствует росту могущества варваров... (В то время китайцы называли варварами всех иностранцев.)

В 17-м году правления Даогуана (Даогуан – девиз правления маньчжурского императора Мин Нина (1821–1850 гг.)) (1837 г.) торговля провинции Гуандун с английскими варварами в цифровом исчислении выглядела следующим образом: шелка продано (в год) на сумму 6960 тыс. серебряных юаней*, чая – на 14 млн серебряных юаней, квасцов, жемчужных ожерелий, камфары, корицы: фарфора, ревеня, красного полотна, сахара, леденцов, зонтов – на 1226 тыс. серебряных юаней. Всего английские суда закупили в провинции Гуандун товаров на 21 816 тыс. серебряных юаней. Англичане ввезли в провинцию Гуандун: хлопка – на 8220 тыс. юаней (677 тыс. даней*), тонкого сукна – на 1550 тыс. юаней, камлота английского – на 400 тыс. юаней, сукна – на 800 тыс. юаней,

голландского полотна – на 50 тыс. юаней, ситца – на 700 тыс. юаней, других хлопчатобумажных тканей – на 730 тыс. юаней (1800 даней), ртути – на 230 тыс. юаней (2 тыс. даней), олова – на 295 тыс. юаней (15 тыс. даней), свинца – на 89 тыс. юаней (14 тыс. даней), железа – на 48 тыс. юаней (16 тыс. даней), селитры – на 75 тыс. юаней (10 тыс. даней), сандала, горного дерева, слоновой кости, жемчуга, черного перца, тростника (камыша), древесной ореховой пальмы, рыбных пузырей, вышитых платков и полотенец – всего на 710 тыс. юаней. Таким образом, общая сумма английского экспорта обычных товаров в Гуандун за год составила 14 478 тыс. юаней, что на 7 с лишним млн меньше, чем общая стоимость товаров, закупленных англичанами за тот же период в провинции Гуандун. Если бы не было опиума и стороны обменивались лишь товарами обычного рода, мы получали бы от английских варваров ежегодно разницу в семь с лишним млн юаней.

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ТАЙПИН-ТЯНГО

1. Базовые понятия тайпинского учения (идея справедливости, единства, равенства, понятия Бога, добра, зла, власти).
2. Государственная идеология «государства всеобщего благоденствия».
3. Начальный этап восстания: от создания религиозной секты «Общество поклонения небесному владыке» до захвата Нанкина и провозглашения Тайпин-тянго (1850–1856).
4. Характеристика государственного, социально-экономического устройства государства.
5. Причины поражения восставших.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делюсин Л. П. Земельная программа Небесной династии и ее оценки // Китайские социальные утопии: сб. ст. – М., 1987.
2. Илюшечкин В. П. Крестьянская война тайпинов. – М., 1967.
3. История Востока. Т. IV. Кн. 1 (глава 16). – М., 2005.
4. Китай в новое и новейшее время. – М., 1985.
5. Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. – М., 1990.
6. Мясников В. С. Империя Цин и русское государство в XVII в. – Хабаровск, 1987.
7. Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин. XVIII – начало XX века. – М., 2005.
8. Сидихменов В. Я. Манчжурские правители Китая. – М., 1974.

На основании представленных источников предлагается выяснить, насколько тайпинам удалось реализовать заявленные лозунги и цели восстания, было ли созданное ими государство Тайпин-тянго обществом благоденствия и справедливости. Документы характеризуют внутреннюю политику тайпинов и скомпонованы по различным отраслям управления.

Источник № 1 «Земельная система Небесной династии» – первый печатный документ, в котором в виде закона были изложены представления руководителей тайпинов о будущем устройстве китайского государства. На основании его следует выяснить, какое место в системе социально-экономических мероприятий отводилось аграрному вопросу и почему; насколько реальной была эта система, в чем ее сильные и слабые стороны.

Для ответа на четвертый вопрос следует воспользоваться материалами документов № 2–4.

Поскольку новое государство мыслилось тайпинами как государство-армия, в котором «военная власть выполняла одновременно функции гражданской администрации», проанализируйте документы и ответьте на вопросы:

- Что собой представлял государственный строй Тайпин-тянго, как управлялось государство (см. приложение)?
- Каковы были функции чиновников, меры их поощрения и наказания?
- Какие христианские и конфуцианские идеи лежали в основе организации Тайпин-тянго?
- Что собой представляла армия, каковы были источники ее формирования, финансирования, стратегия и тактика, состав и вооружение?

ДОКУМЕНТ № 1

Земельная система Небесной династии

В каждой армии распределением земель, судопроизводством, финансами и продовольствием, приходом расходом ведают два человека: начальник и его заместитель, являющиеся одновременно командиром дивизии и командиром бригады. Назначенные на должность непосредственно ведают делами, связанными с этой должностью, не состоящие в должности помогают им. В каждой армии о делах, касающихся жизни и смерти, понижений и повышений по службе, командующий армией подробно докладывает инспектору армии, инспектор армии подробно докладывает назначенному по высочайшему повелению главноуправляющему, главноуправляющий докладывает цзянцзюню, шивею, чжихуэю, цзяньдяню и чэнсяну. Чэнсян почтительно докладывает наставнику армии, последний же – небесному князю².

Небесный князь издаёт соответствующий указ, который принимается наставником армии для исполнения. Имеющие заслуги чиновники получают наследственное право кормиться небесным жалованием. Впредь в каждой армии из каждой семьи, перешедшей в лагерь восставших, один человек выделяется в качестве рядового в пятке. В случае тревоги начальник ведёт их (рядовых) как солдат

---

² См. приложение: «Система титулов и должностных рангов у тайпинов».

на уничтожение врагов и поимку бандитов. Когда военной опасности нет, они под контролем начальника работают на полях в качестве земледельцев и таким образом обеспечивают (себя и) лиц вышестоящих.

Все земли делятся на девять категорий. Землёй первой категории считается земля, которая может давать два сбора 1200 цзиней, второй – 1100, третьей – 1000, четвёртой – 900, пятой – 800, шестой – 700, седьмой – 600, восьмой – 500 и девятой – 400 цзиней. Один му земли первой категории приравнивается к 1,1 му второй, 1,2 му третьей, 1,35 му четвёртой, 1,5 му пятой, 1,75 му шестой, 2 му седьмой, 2,4 му восьмой и 3 му девятой категорий.

Раздел земельных угодий производится сообразно числу едоков без различия пола. На большее число едоков приходится больше, на меньшее – меньше. Земля даётся смешанная: в семье шесть человек, то три из них получают хорошую землю, а остальные три плохую, чтобы распределение земли было равномерным. Вся земля Поднебесной обрабатывается жителями совместно. Если в одном районе земли недостаточно, то люди переселяются в другой. В случае неурожая в одном районе другие оказывают ему помощь. Необходимо, чтобы все жители Поднебесной в равной степени и совместно наслаждались великим счастьем, дарованным небесным отцом, господом богом: имея поля, обрабатывали бы их сообща, имея пищу, вкушали бы её вместе, имея одежду, делили бы её между собой, имея деньги, тратили бы их совместно, что бы ни в чём не было неравенства, чтобы все были сыты и одеты. Все мужчины и женщины старше 16 лет получают земли вдвое больше, чем подростки моложе 15 лет.

Всё население Поднебесной – одна большая семья нашего небесного отца, господа бога. Жители её не преследуют корыстных целей и все излишки отдают своему повелителю, что бы он имел средства для использования их на общее благо. В большой семье Поднебесной повсюду должно быть полное равенство, все люди должны иметь достаточно пищи и одежды. Такова воля истинного повелителя, наместника небесного отца, господа бога нашего, явившегося к людям, чтобы спасти мир. Должностные лица в ранге лянсыма должны хранить деньги и зерно, а также вести им учёт. О количестве их они должны докладывать вышестоящим должностным лицам, ведающим финансами и продовольствием, приходом и расходом.

На каждую общину, состоящую из 25 семей, создаётся одно государственное хранилище, одна церковь, которыми ведают лянсыма. Средства на свадьбы, крестины и радостные события выделяются из государственного хранилища, однако в количествах, не превышающих установленных пределов. Сверх нормы не разрешается расходовать ни монетки. Семье, в которой происходит свадьба или крестины, государство выделяет 1000 медных монет и 100 цзыней зерна. Это правило распространяется на всех жителей Поднебесной. Деньги и продукты надлежит расходовать экономно, чтобы всегда оставался некоторый запас на случай бедствия, связанных с войной. При заключении браков в Поднебесной не должны приниматься в расчет деньги или имущество. В общине, состоящей из 25 семей, командиры пятков и рядовые в свободное от полевых работ время занимаются гончарным, кузнечным, плотницким и столярным делом.

Во время свадеб и радостных³ событий лянсыма совершают жертвоприношения и возносят молитвы небесному отцу, господу. Все прежние неправильные обычаи упраздняются. В каждой общине, состоящей из 25 семей, все мальчики ежедневно посещают церковь, где лянсыма наставляет их, читая Ветхий Завет, Новый Завет и Священное Писание. По воскресеньям командиры пятков ведут жителей в церковь, причём мужчины и женщины следуют в церковь раздельно. Там они слушают проповеди, славят небо и совершают жертвоприношение небесному отцу, господу богу.

В каждой общине состоящей из 25 семей, награждаются усердные и наказываются ленивые земледельцы. Если в семье (или между семьями) возникает тяжба или спор, обе стороны идут к лянсыма, который выслушивает доводы тех и других. Если спор не прекращается, лянсыма предлагает противникам обратиться к командиру роты, который также выслушивает доводы обеих сторон. Если ссора продолжается, командир роты докладывает о ней командиру бригады, командиру дивизии, заведующему юстицией и командующему армией. Командующий армией вместе с заведующим юстицией решают тяжбу. Если выносится решение о тюрем-

---

³ К радостным событиям тайпины относили похороны. Они считали, что поскольку душа человека, который вел праведный образ жизни, попадает в рай, для его близких это может служить лишь источником радости, и поэтому оплакивать покойника строго запрещалось.

ном заключении одной из сторон, командующий армией обязан доложить об этом инспектору армии. Инспектор армии докладывает главноуправляющему, цзянцзюню, шимею, чжихуэю, цзяньдяну и чэнсяну. Чэнсян доносит наставнику армии, последний же – Небесному князю. Небесный князь издаёт указ, предписывая наставнику армии, чэнсяну, цзяньдяну и ведающему юстицией познакомиться его во всех подробностях, без малейших искажений с обстоятельствами дела. Затем они просят Небесного князя принять решение. Небесный князь выносит решение, присуждая к смерти или даруя жизнь, давая или отнимая [то, о чём шла тяжба]. Наставник армии, исполняя указания, выносит соответствующий приговор.

Должностные лица Поднебесной, которые следуют десяти небесным заповедям, подчиняются приказам, преданно служат государству и являются верными слугами династии, из низких чинов производятся высокие, получая право передавать свои должности по наследству.

Те, кто нарушает десять небесных заповедей, идёт против приказов, берёт взятки, допускает злоупотребления, являются преступниками и подлежат разжалованию вплоть до обращения в простых земледельцев. Жители, следовавшие заповедям и приказам, а также усердно работающие на полях, считаются добродетельными и подлежат выдвижению и поощрению. Те же, кто нарушает заповеди и приказы, а также плохо работает на полях, считаются порочными и подлежат либо смертной казни, либо другому наказанию. Ежегодно в Поднебесной для заполнения служебных вакансий производится выдвижение. За выдвижение человека подходящего награждают, за рекомендацию же человека неподходящего наказывают.

Если члены пятков соблюдают небесные заповеди, приказы и усердно трудятся на полях, лянсыма регистрируют их поступки, записывают их имена, а затем рекомендуют их командиру роты. Командир роты подробно знакомится с деятельностью данного человека в пределах подведомственных ему 100 семей и, если окажется, что сведения правильны, рекомендует его к выдвижению, сообщая о нём все данные командиру бригады. Командир бригады подробно знакомится с деятельностью выдвигаемого человека в пределах подведомственных ему 500 семей и, если сведения оказались правильными, рекомендует его командиру дивизии. Коман-

дир дивизии проверяет деятельность данного человека в пределах подведомственных ему 2500 семей и, если найдёт, что сведения соответствуют действительности, рекомендует его командующему армией. Командующий армией производит проверку деятельности выдвигаемого человека в пределах своей армии, если сведения о нём соответствуют действительности, рекомендует его инспектору армии. Инспектор армии подробно докладывает главноуправляющему, цзянцзюню, шивэю, чжихуэю, дзяньдяню и ченсяну. Ченсян докладывает наставнику армии, последний же – небесному князю. Небесный князь издаёт декрет, назначая рекомендованных всеми армиями Поднебесной на соответствующие должности; на должности командиров дивизий, командиров бригад, командиров рот, лянсыма или командиров пятков. Виновных в неосмотрительном представлении рекомендаций разжалуют в простые земледельцы.

Раз в три года происходит повышение или понижение чиновников в должности, в чём проявляется справедливость Небесной династии. За неосмотрительное представление к повышению, равно как и к понижению, [виновные] разжалуются в земледельцы.

В год, когда происходит повышение или понижение в должности, все начальники представляют ходатайства о своих подчинённых. Командиры рот внимательно знакомятся с деятельностью подчинённых им лянсыма и командиров пятков. Если кто-либо из них совершил добродетельные дела, таковые регистрируются. Если кто-либо из них совершил дурные поступки, таковые также регистрируются. Имена людей, рекомендованных к повышению или понижению в должности, доводятся до сведения командира бригады. Если кто-либо из лянсыма или командиров пятков не заслуживает ни повышения, ни понижения, то о них командир роты не докладывает командиру бригады.

Командир бригады подробно разбирает достоинства подчинённых ему командиров рот, лянсыма и командиров пятков. Если за кем-либо из них числятся хорошие дела, таковые регистрируются. Если за кем-либо из них числятся дурные дела, таковые также регистрируются. Имена этих людей, рекомендованных к повышению или к понижению в должности, доводятся до сведения командира дивизии. Командир дивизии собирает о подчинённых ему должностных лицах (от командира бригады и ниже) подробные сведения, регистрирует их хорошие и дурные деяния, если таковые имеются, а затем сообщает их имена командующему армией, рекомендуя

к повышению или понижению в должности. Командующий армии докладывает инспектору армии имена лиц, рекомендованных командирами (от командира дивизии и ниже), а также имена лиц, рекомендуемых им самим.

Инспектор армии подробно проверяет деятельность находящихся под его началом командующих армиями. Если кто-либо из них совершил добрые деяния, таковые регистрируются. Если кто-либо из них совершил дурные деяния, таковые также регистрируются. Их имена вместе с именами лиц, рекомендованных нижестоящими чинами, представляются инспектором армии назначенному по вышестоящему повелению главноуправляющему.

Назначенный по высочайшему повелению главноуправляющий проверяет деятельность находящихся под его началом инспекторов армий. Если кто-либо из них совершил добрые деяния, таковые регистрируются. Если кто-либо из них совершил дурные деяния, таковые тоже регистрируются. Главноуправляющий доводит их имена и имена лиц, которых ему рекомендовали к повышению или понижению в должность нижестоящие чины, до сведения цзянцзюня, шивэя, чжихуэя, цзяньдяня и ченсяна.

Ченсян докладывает наставнику армии. Наставник же армии доводит до высочайшего сведения имена людей, представленных ему главноуправляющими, инспекторами армий и командующими армиями. Небесный князь издаёт указ: он возводит инспекторов армий, рекомендованных к повышению назначенными по высочайшему повелению главноуправляющими, в ранг главноуправляющих или шивзев и разжалует инспекторов армий, рекомендованных к понижению назначенными по высочайшему повелению главноуправляющими, в командующих армиями и командиров дивизий; он дарует командующих армиями, представленных к повышению инспекторами армий, должностями инспекторов армий или шивзев и разжалует командующих армиями, представленных инспекторами армий к понижению по службе, в командиров дивизий, командиров бригад и рот; он повышает должностных лиц, рекомендованных командующими армиями к повышению в должности, на одну или две служебные ступени, однако не выше ранга командующего армией, и понижает должностных лиц, рекомендованных командующими армиями к понижению в должности, на одну или две служебные ступени, вплоть до разжалования в простые земледельцы.

Когда небесный князь изъявил таким образом свою волю, наставник армии доводит её до сведения чэнсяна, чэнсян объявляет её цзяньдяню, чжихуэю, шивэю, цзянцзюню и главноуправляющему; главноуправляющий в свою очередь доводит волю небесного князя до сведения инспектора армии, инспектор же армии возвещает её всем [нижестоящим] должностным лицам для неукоснительного исполнения. Все должностные лица ниже инспектора армии имеют право рекомендовать к повышению или понижению по службе лишь лиц ниже себя рангом. Только находящимся под началом назначенных по высочайшему повелению главноуправляющих даруется привилегия представлять рекомендации о повышении или понижении в должности своего начальника – главноуправляющего. Такой же порядок устанавливается и для чэнсяна, цзяньдяня, чжихуэя, цзянцзюня и шивэя. Небесный князь также разрешает им представлять рекомендации о повышении и понижении друг друга, невзирая на должностную зависимость, чтобы не допустить использования служебного положения для сокрытия пороков и злоупотреблений.

В случае выдающихся подвигов или вопиющих беззаконий, совершенных центральными или местными чинами, небесный князь разрешает представлять доклады о выдвижении или понижении в должности в любое время, не дожидаясь установленных для этого сроков. За ложный доклад, представленный человеком вышестоящим о лице нижестоящем, виновный разжалуется в земледельцы. Если же ложный доклад представлен человеком нижестоящим о лице вышестоящем, наказание должно быть ещё строже.

Во всех рекомендациях о повышении или понижении в должности должны содержаться исчерпывающие доказательства добрых или дурных поступков, совершённых рекомендуемыми лицами. Только в этом случае рекомендации могут иметь вес.

Каждая армия объединяет 13 156 семей. Сначала учреждается должность командующего армией, потом должности подчинённых ему пяти командиров дивизий, затем должности пяти командиров бригад в каждой дивизии (всего 25 бригадных командиров), потом должности пяти командиров рот в каждой бригаде (всего 125 командиров рот), после чего учреждаются должности четырёх лянсыма в каждой роте (всего 100 лянсыма) и, наконец, должности пяти командиров пятков под контролем каждого лянсыма (всего 2500 командиров пятков). Каждому командиру пятка даётся под

начало четыре рядовых. Таким образом, общее число рядовых составляет 10 тыс. Общая численность армии (с командирами) равна 13 256 человекам. По мере роста численности населения производится соответствующее пополнение армии. Так, если прибавилось пять семей, дополнительно назначается один командир пятка; если прибавилось 25 семей, дополнительно назначается один лянсыма; если прибавилось 105 семей, дополнительно назначается один командир роты; если прибавилось 526 семей, дополнительно назначается один командир бригады, если прибавилось 2631 семья, дополнительно назначается один командир дивизии, если же прибавилось 13 156 семей, дополнительно назначается один командующий армией. До назначения нового командующего армией назначенные дополнительно командиры (от командира дивизии и ниже) подчиняются прежнему командующему армией. Как только назначается новый командующий армией, все они переходят в его подчинение.

По воскресеньям все местные и центральные чины, а также простой народ слушают толкование Священного Писания и приносят жертвы, славя небесного отца, господ бога.

В каждое седьмое воскресенье командиры дивизий, бригад и рот лично посещают церковь, находящиеся в ведении подчинённых им лянсыма, где разъясняют Священное Писание, наставляют людей и одновременно проверяют, следуют ли они заповедям и приказам, прилежны они или ленивы.

Так, например, в первое воскресенье командир дивизии идёт в церковь к одному лянсыма, в следующее – к другому и т. д., посещая их всех по очереди. Соответственно поступают командиры бригад и рот.

В Поднебесной у каждого мужа есть жена и, как правило, от трёх до девяти детей. Один человек из семьи идёт в солдаты, остальные члены семьи, а также вдовцы, сироты, одинокие калеки и больные освобождаются от службы и кормятся за счёт казны. Каждое воскресенье для должностных лиц устраивается трапеза с жертвоприношениями, восхвалениями небесного отца и чтением Священного Писания. Те, кто проявил себя при этом нерадивым, разжалуется в простые земледельцы.

Да будет так.

ДОКУМЕНТ № 2

Докладная записка Ян Сю-цина, Вэй Чан-хой и Ши Да-кая на имя Хун Сю-цюаня с резолюцией Хун Сю-цюаня. О взимании налогов по старой системе

Мы ничтожные братья Ян Сю-цин, Вэй Чан-хой и Ши Да-кай, преклоняя колени перед Вашим Величеством, представляем докладную записку о взимании земельного налога с целью обеспечить государство продовольствием.

По великой милости и велению небесного отца и небесного старшего брата наш повелитель и второй наш брат основал столицу в Тяньцзине. Поскольку численность наших войск увеличивается день ото дня и возникает необходимость иметь большие запасы продовольствия для обеспечения армии, необходимо установить порядок взимания земельного налога.

Мы, ничтожные братья, хорошо знаем, что зерном богаты такие провинции, как Аньхуй и Цзянси. Надлежит приказать всем командующим армиями, обороняющим эти провинции, довести до сведения населения, что земельный налог взимается по старым спискам, [составленным цинскими властями].

Если Ваше Величество соизволит милостиво согласиться с этим, то мы, братья, дадим приказ всем командующим осуществить указанный порядок взимания налогов. Всё собранное таким образом продовольствие должно доставляться в Тяньцзинь на склады Небесного князя.

Изложенное мы почтительно представляем на утверждение нашему повелителю, да продлится жизнь его во веки веков.

Предложение братьев справедливо. Повелеваю всем командующим принять его к исполнению. Высочайше утверждаю.

ДОКУМЕНТ № 3

Свидетельство на право владения землей

Я, тяньван, послушный князь Чэнь [Бин-вэнь], заботясь о благе народа и о том, чтобы каждый мог постоянно заниматься своим хозяйством, на основании подтверждённого заявления Чэнь Шутяна, жителя уезда Шимэн, находящегося в ведении командира... батальона из состава... бригады правой армии, выдал сему Чэнь Шутяню настоящее свидетельство в том, что он владеет благопри-

обретённым участком земли площадью 4 му 8 фэней, расположенным во втором участке одиннадцатой волости.

С получением настоящего свидетельства владелец означенной земли обязан в соответствии с законом Небесной династии выплачивать ежегодно денежные и натуральные налоги полностью без каких бы то ни было нарушений и уклонений, а также не скрывать свою земельную собственность от властей.

В случае, если кто-либо после вручения настоящего свидетельства вознамерится незаконно отнять означенный участок земли у владельца, последнему разрешается подать жалобу в суд, дабы виновный был наказан по закону.

Во избежание подобных случаев настоящее свидетельство вручается владельцу на вечное хранение...

Числа 9-го месяца 12-го года (1862) Тайпинского государства небесного отца, небесного брата и небесного князя.

ДОКУМЕНТ № 4

Свидетельство на получение арендной платы собственником земли

Настоящее свидетельство на получение арендной платы выдано Лаем, командиром дивизии правого лагеря уезда Сяошань. Ныне на основании данного свидетельства собственник земли Лай Лань-тан получил за неё арендную плату в размере... дань... доу... шэн зерна. После погашения арендной платы настоящее свидетельство передаётся на хранение арендатору и должно служить подтверждением этого погашения при проверке со стороны властей.

Выдано 9-го месяца 12-го года (1862) Тайпинского государства.

ДОКУМЕНТ № 5

Объявление Сюэ, управляющего бюро по сбору налогов и арендной платы в уездах Уси и Цзиньгуй

Я, Сюэ, назначенный по распоряжению цзитяньи⁴ Небесной династии, правителя уездов Уси и Цзиньгуй, управляющему бюро по

---

⁴ Титул тайпинского генерала Хуан Хэ-цзиня, который в это время командовал войсками в Уси и Цзиньгуйе.

сбору налогов и арендной платы в городе, довожу до всеобщего сведения нижеследующее.

Как известно, на основании ранее полученного мною распоряжения цзтяньи, управителя уездов Уси и Цзиньгуй, наше бюро занимается сбором налогов и арендной платы в городе. Ныне его превосходительство цзтяньи совместно с сановником Люем, ведающим гражданскими делами, распорядились: «Поскольку земельные собственники Уси и Цзиньгуя, проживающие в городе, не имеют возможности погасить задолженность по налогам, мы приказали оповестить всех арендаторов, чтобы они выплачивали, как обычно, арендную плату деньгами и зерном. Нынешний год урожайный. Не говоря уже о том, что арендаторы, согласно изданному нами ранее приказу, спешно должны внести арендную плату, землевладельцы также обязаны срочно погасить задолженность зерном и деньгами. Однако это почему-то не делается. Предлагаем срочно проверить, кто из землевладельцев и какую задолженность имеет, в пятидневный срок составить список должников для представления нам и разрешить продолжать погашение задолженности по налогам с тем, чтобы не осталось ни одного должника».

Довожу это распоряжение до сведения всех землевладельцев, проживающих в городе, с тем, чтобы они незамедлительно дали подробные сведения в бюро об уплачиваемых ими налогах и о количестве сданной в аренду земли. На основании этих сведений будет составлен общий список для представления властям.

Настоящее подлежит неукоснительному исполнению. Подписано 14-го числа 9-го месяца 11-го года (1861) Тайпинского государства небесного отца, небесного брата и небесного князя.

ДОКУМЕНТ № 6

Воззвание Ма Бин-сина

Я, чжунтяньюй Ма [Бин-син], член свиты небесного князя и заслуженный чиновник, участвовавший в создании Небесной династии, получил приказ сановника Дун [Шунь-тая] уничтожить тиранию и установить порядок среди населения.

Имеют место случаи, когда наглые негодяи грабят мирное население, забирая у него ценности и продовольствие, самовольно производя вырубку леса и бамбука на чужих участках. Все подобные

злодеяния, возбуждающие ненависть среди населения, подлежат расследованию. Настоящее воззвание выпущено во имя поддержания должного общественного порядка.

Если безвестные подлые люди осмелятся нагло нарушать закон, потерпевший должен обращаться с жалобой к командующему армией либо к командиру бригады. Если потерпевшего не удовлетворит их решение, ему предоставляется право подробно доложить о случившемся мне. Об этом особо доводится до сведения всего населения. Органы власти Небесной династии, ответственные за поддержание порядка, будут стремиться строго наказывать бандитов, которые в своих корыстных целях причиняют ущерб населению. Эти люди отныне должны исправиться во избежание законного наказания.

В связи с наступлением срока уплаты налога землевладельцами, арендаторы обязаны полностью внести им арендную плату. В случае умышленной задержки арендной платы виновные будут подвергаться наказанию по закону. Наказанию подвергаются не только лица, уклоняющиеся от уплаты арендной платы, но и лица, уклоняющиеся от уплаты земельного налога.

Настоящим обязываю арендаторов и землевладельцев в точности соблюдать существующие законы.

*Воззвание выпущено 10-го месяца 11-го года (1861) Тайтинского государства.
Вывесить воззвание в административном районе Дачоу.*

ДОКУМЕНТ № 7

Охранная грамота помещику

Повеление придворного сановника и заместителя командующего Дэн [Гуан-мина] в связи с выдачей им охранной грамоты, имеющей целью пресечь злодеяния и успокоить народ.

Я, заместитель командующего, с тех пор как успокоил ваш уезд, вот уже два года денно и ночью пекусь о благе населения и устранении дурных обычаев. Насколько мне известно, в провинциях, областях, округах, уездах и районах, покорённых нашей Небесной династией, богатые семьи не смеют поднять голос и смиренно терпят страдания и муки. Сложившееся положение объясняется главным образом тем, что люди забыли справедливость и преисполнились злодейства и подлости. Всё это достойно сожаления.

Я, заместитель командующего, не могу заботиться об искоренении зла в вашем уезде, о том, чтобы и бедные и богатые жили в спокойствии. Поэтому вручаю Шэнь Цин-юю на вечное хранение данную охранную грамоту, которая будет гарантировать защиту его семьи.

Отныне Шэнь Цин-юю на основании данной охранной грамоты предоставляю право обращаться с жалобой в ямынь инспектора армии в случаи таких беззаконий, как вымогательство и произвольное увеличение налогов местными властями, козни со стороны военных и гражданских лиц, наглые требования чиновников дьявольской династии оказать помощь её войскам продовольствием и деньгами, мщение за обиды, причинённые во времена Цинов, беспокойство со стороны проходящих войск, отказ арендаторов от погашения арендной платы в расчёте на то, что землевладелец не осмелился доложить об этом властям.

Если инспектор не уладит дела, то надлежит ударить в барабаны, поставленные у четырёх ворот моей резиденции, и изложить подробно жалобу мне с тем, чтобы я удовлетворил просьбу пострадавшего. В моё отсутствие жалобу обязан разобрать мой помощник, который примет меры, чтобы оградить вас от злоумышления. С вручением сего богатая семья может спокойно заниматься своими делами, не искать спасения в других местах и смело жаловаться властям в случае необходимости. Я, заместитель командующего, надеюсь, что ваша богатая семья будет неуклонно и точно следовать данной охранной грамоте.

Вручено на хранение семье богача Шэнь Цин-юю. 9-го месяца 12-го года (1862) Тайпинского государства.

ДОКУМЕНТ № 8

Продовольственная система мятежников (10 глава книги Чжан Дэ-цзянз «Свод сведений о положении в стране мятежников»)

Судя по слухам, главари мятежников хвастливо заявляют: «Наша казна – богатые дома Поднебесной; наши кладовые – дома, скопившие зерно. Мы можем брать в этих домах всё, что пожелаем». Хотя эти слова преступны, дерзки и вызывают возмущение людей и духов, однако следует отметить, что положение мятежников в десятки раз лучше, чем то, в котором находится правительственная армия. Она не может проводить тактику удержания за собой

городов и опустошения сельских районов; местные дружины ту-аньянь* неэффективны, поэтому мятежники свободно передвигаются куда им вздумается и грабят сколько хотят. Смотрите, как широко распространился мятеж! Всё это происходит оттого, что мятежников поддерживают повсюду, и нет никакой возможности лишить их источников снабжения одеждой и продовольствием.

Ныне необходимо разработать план, который позволил бы нам сковать действия мятежников, лишить их возможности доставать продовольствие, уничтожить их без боя, не прибегая к поголовному истреблению.

Чтобы ознакомить читателей с положением мятежников, рассмотрим все собранные нами материалы об их продовольственной системе в следующем порядке: контрибуции, экспроприации, налоговое обложение, водные перевозки, торговые пошлины и торговля, система пайков, склады...

Контрибуции

Мятежники грабят сколько им вздумается. И хотя они при этом не ограничиваются захватом только одного продовольствия, тем не менее оно составляет главную статью грабежа. Главари мятежников хвастаются, что по пути следования своей армии они высылают вперёд на расстояние нескольких сотен ли* специальных людей, которые развешивают приказы, обязывающие богатых платить контрибуции, а бедных помогать мятежным войскам физическим трудом. Но всё это вздор. Ведь в районах, к которым приближаются мятежники, местные власти усиливают свой контроль. Мыслимо ли в таком случае, чтобы эмиссары мятежников могли проникать в эти районы и повсюду развешивать свои приказы? Трудно узнать, как эти эмиссары вовлекают народ в свои сети.

Как бы то ни было, мятежники обязывают сельское население нести бремя расходов. В районах, куда они приходят, повсюду развешивается приказ, состоящий из нескольких тысяч иероглифов. Его первая часть обычно сводится к проповеди ереси: «Воистину милостивы отец небесный и небесный брат, пославшие небесного князя и других князей для успокоения мира и людей. Ты народ, должен быстрее раскаяться в своих грехах и стать искренним» и т. д. Далее следует упрёк в адрес местного населения: «Ещё в то время, когда наша армия находилась на расстоянии нескольких сотен ли от вашей местности, я, главнокомандующий, издал приказ,

который был вывешен повсюду. В этом приказе я указывал, что те, кто богат, должны оказать материальную поддержку нашей армии, а те, кто беден, должны помочь ей своим трудом. Все люди за подобные заслуги непременно получают высокие награды после установления великого благоденствия во всей стране. Однако ты, народ, глуп, не раскаиваешься в своих грехах и упорствуешь в своих заблуждениях. С тех пор как наши войска пришли в этот район, мало людей добровольно пожелало вступить в нашу армию и платить контрибуции. Очевидно, все вы ещё находитесь под влиянием соблазнов дьявола. Следовало бы немедленно направить [к вам] карательный отряд, чтобы истребить всех виновных без остатка. Однако я учитываю, что в вашем селении ещё не было случаев открытой помощи варварам. Ныне я, главнокомандующий, вновь издаю данный приказ и направляю к вам своего уполномоченного для сбора контрибуции, которая должна быть полностью доставлена в трёхдневный срок в казну небесного князя. Всем, выплатившим контрибуции, выдаётся квитанция с тем, чтобы наши войска не беспокоили их впредь. Если какая-либо семья не явится на сбор контрибуции, все члены данной семьи будут беспощадно обезглавлены».

После опубликования такого приказа трусливые люди не осмеливаются медлить с его исполнением; один за другим тащатся они по дорогам с серебром, деньгами и зерном для мятежников. Так происходит не только в деревнях, но и в городах и посёлках.

Однако порядки у мятежников нередко меняются. Так, вскоре же после захвата Учана мятежники издали приказ, в котором устанавливался пункт сбора контрибуции. Но прошёл день, и мятежники, видя, что контрибуции собрано мало, стали рыскать по дворам и грабить. В это время они грабили только в городах и не затрагивали сельского населения. И, наоборот, после захвата Аньцина и Цзяннина, а также при вторичном вторжении в Цзянси и Хубэй мятежники не собирали контрибуции в городах, а грабили деревни.

Пункты сбора контрибуции действуют в каждом месте обычно в течение нескольких дней, удаляются мятежники лишь после того, как их бездонные мешки окажутся заполненными доверху. Эти пункты, как правило, устанавливаются вблизи рек. После окончания сбора контрибуции мятежники заставляют сельских жителей перегружать всё собранное на суда и затем отпускают их по до-

мам. В тех местах, где суда могут подходить близко к берегу, контрибуция принимается прямо на судах.

Люди, получившие квитанцию об уплате контрибуции, вывешивают её высоко над воротами, как охранную грамоту. Но не проходит и нескольких дней, как появляется вторая либо третья партия сборщиков. Если жители отказываются платить и предъявляют квитанцию, то главарь сборщиков сердито говорит им: «Что вы пугаете меня этой квитанцией? Прошлый раз сборщиков присылал восточный князь, а мы присланы северным князем. Если вы не уплатите нам контрибуцию, я обезглавлю ваших людей и сожгу ваши дома». После этого перепуганные жители ещё раз оплачивают контрибуцию. Иногда в течение одного месяца сборщики появляются по пять-шесть раз. Сельские жители разорены подобными приказами, хотя суммы контрибуции уменьшаются с каждым разом по сравнению с первоначальной.

Богатые семьи должны вносить тысячу или несколько сотен цзиней золота, несколько сотен даней зерна, несколько голов свиней и несколько десятков кур. А также другие вещи. Эта ставка понижается каждым новым сборщиком. А последний из них вынужден уже довольствоваться одним доу риса и одной курицей. Места, длительное время находящиеся под властью мятежников, много раз подвергаются ограблению, хотя там имеются сельские чиновники, выполняющие приказы о сборе налогов.

Вообще говоря, сельские жители сначала охотно вносят контрибуцию, рассчитывая, что квитанция об её уплате обеспечит им спокойствие. При этом они не знают, что их будут принуждать платить без конца. Убедившись в бесполезности этой квитанции, они уже отказываются платить, не ведая, что мятежники рассылают отряды, которые грабят Хунань. Они тянулись к районам вверх по течению Янцзы, как ребёнок к материнской груди. Не прекращались сборы контрибуций, грабежи и выколачивание налогов, так что сельские жители провинций Хубэй, Аньхуэй, Цзянси и района Наньчан-Цзюцзян жестоко пострадали из-за своего легкомыслия и невежества: у них остались лишь кожа да кости. Однако мы не вправе винить их за невежество, ибо шэньши и местные чиновники обязаны были в своё время руководить ими. Наоборот, мы должны выражать пострадавшим жителям своё сочувствие и сожаление, а не упрекать их ныне.

Не хватает слов, чтобы описать все злодеяния мятежников! Расскажем сейчас только о фактах, известных всем. Мятежники не употребляют выражения «грабить», а говорят «производить разведку».

После неоднократного сбора контрибуций неожиданно появляется «разведка» в составе нескольких сотен человек и останавливается в деревне. Один-два дня она никого не беспокоит и старается только разыскать бессовестных бродяг, которых щедро поит, кормит и опекает. Затем через этих бродяг она вступает в связь с местными арендаторами и батраками из богатых домов с целью разузнать, где богачи прячут своё добро; при этом батракам и арендаторам обещают отдать часть этого добра. «Разведка» собирает также точные сведения о семьях чиновников и влиятельных шэньши, проживающих в данной деревни, и затем по указанию доносчиков грабит дома. Поскольку зерно и деньги трудно спрятать, они изымаются у всех богачей полностью. С помощью доносчиков мятежникам удаётся разыскать ценности, даже если они заперты в черепице или болоте.

Если мятежникам не удаётся найти спрятанное добро, они хватают богача-хозяина, либо его жену или дочь, подвешивают схваченного за руки и допрашивают, применяя пытки. Иногда допрашиваемый и под пыткой отказывается указать место, где спрятаны ценности, однако его домашние, будучи не в силах смотреть на истязания, открывают мятежникам доступ к спрятанному добру. Бывает так, что богач заблаговременно скрывается, оставив дом на попечение своего старого слуги. Тогда мятежники пытаются слугу с целью узнать, куда скрылся хозяин и где заперты ценности. Слуга под пыткой рассказывает им обо всём.

Богачи стараются лучше припрятать своё добро и при этом идут на всевозможные хитрости. Поэтому случается, что мятежники уходят, так и не обнаружив спрятанное. Однако в районах, занятых мятежниками, обыски производятся по восемь-девять раз, и вряд ли после этого могут остаться необнаруженными какие-либо ценности.

Необходимо также отметить, что тщательность обысков зависит от различных обстоятельств. Например, после ухода мятежников из Учана, который они держали в своих руках в течение месяца, в городе уцелели ценности, замурованные в стенах и подземельях. Это произошло потому, что нищие мятежники разбогатели и уже не видели необходимости в тщательных обысках. Их мешки были

переполнены, и они забирали только самое ценное и не громоздкое. Именно по этой причине они не брали у богачей одежду и прочие вещи, а искали только золото и серебро. Однако число мятежников непрерывно росло, наиболее бедные из вновь прибывших не оставляли при обысках ни одного чи ткани, ни одного шена риса. Они перерывали сундуки, опрокидывали чаны, забирая у богачей весь шёлк и зерно. В эти дни богатые и образованные люди были обречены на гибель, а сильные и здоровые бедняки добровольно примыкали к мятежникам, чтобы быть сытыми.

Таким образом, грабёж, производимый мятежниками, не только способствует их обогащению, он приводит также к тому, что сельское население, не имеющее средств к существованию, примыкает к мятежникам без какого бы то ни было принуждения. Что же касается тех, у кого много земли, то они [после грабежа] вынуждены питаться отрубями. Когда мятежники убеждаются в том, что в сёлах больше не осталось спрятанного зерна, а в подземных тайниках – золота, они сразу же издают приказ об умиротворении народа. В каждой области и каждом уезде из среды старых мятежников избирается один инспектор армии, который рассылает по всем сёлам воинскую книгу длиной в 2 чи и шириной также в 2 чи. В эту книгу заносят солдатами и низшими командирами местных жителей, их зачисляют в состав определённого отряда, бригады, дивизии и армии. Мятежники принуждают тех, у кого много земли, становиться командирами и местными начальниками, а бедняки и арендаторы становятся рядовыми солдатами. Народ, стремясь к спокойствию, повинуется этому.

После опустошения дворов обыски действительно прекращаются и издаётся приказ о заготовке продовольствия и различных припасов для армии, подлежащий немедленному и неукоснительному исполнению. За неисполнение этого приказа сельский начальник может убить виновного. О жестокости мятежников более подробно будет рассказано в разделе о земельном налоге.

Таким образом, мятежники сначала отнимают все наиболее ценное под видом взимания контрибуций, затем грабят дочиста, в результате людям ничего не остаётся, как перейти на их сторону. Для взимания налогов они называют сельских начальников, которые заставляют во время сбора урожая отдавать зерно. Кроме того, они стремятся заручиться поддержкой крестьян. Безжалостно притесняют они народ, разве может небо терпеть это?

Выше лишь в самых общих чертах описана система ограбления, которую мятежники применяют по-разному. В деревнях они никогда не убивают крестьян из опасения, что крестьяне будут мстить им и бороться против них не на жизнь, а на смерть. Однако они рыщут по домам и родовой знати, а также родственников чиновников, убивают их, сжигают их дома. Подлежат казни и те, кто прячет у себя одежды чиновников и официальные бумаги. Поэтому в районах, через которые проходят мятежники, никто не осмеливается приютить у себя наших чиновников и их родственников, и им приходится прятаться либо в лесу, либо в развалинах кумирен. Одежды чиновников обычно сжигают. Поэтому в местах, отвоеванных нашими войсками у мятежников, невозможно найти чиновничью шапку с кистью и хрустальным шариком; чиновники не могут явиться на приём к своему начальству одетыми в надлежащую форму, ибо при появлении мятежников они в страхе побросали свои форменные одежды. Не удивительно, что ныне невозможно нигде найти эти вещи.

Хотя мятежники относятся к крестьянам лучше, они жестоко расправляются с крестьянскими дружинами туаньянь. Достаточно им узнать, что в деревне создана такая дружина, либо обнаружить её знамя и оружие, они тот час же убивают её организаторов, сжигают их жилища, даже если крестьяне и не вступили в бой с мятежниками. Когда именитый шэньши – организатор дружины, скрывшийся при проявлении мятежников, возвращается в свой дом после их ухода, крестьяне считают его основным виновником своих бедствий, связывают и выдают его мятежникам, как только те появляются вновь. Таким образом, шэньши, радеющие за общее дело, не могут ждать пощады от мятежников и поддержки со стороны населения. Поэтому дело создания дружин туаньянь всё ещё не даёт никакого эффекта. Мятежники стараются во что бы то ни стало обнаружить своих врагов и обезвредить их. Тем самым они держат в страхе крестьян данного района и предупреждают выступления жителей других районов. Стоит ли после этого удивляться тому, что трое-пятеро мятежников, вступивших в деревню, повелевают сотнями и тысячами здоровенных мужчин. И дело здесь совсем не в силе мятежников, а только в том страхе, который они внушают людям.

К сожалению, нет способных начальников областей и уездов, которые знали бы, как с помощью местных шэньши организовать

дружины туаньянь и сплотить их, чтобы они сразу же поднялись при появлении мятежников. Такие дружины могли бы истреблять тысячи и десятки тысяч мятежников. Ныне же никто не думает о том, как организовать оборону и окружение мятежников, каждый боится пострадать за своё участие в дружинах туаньянь и за сопротивление врагу. Такие люди угодничают перед мятежниками, но в конце концов не избегают гибели от их рук. Как прискорбно всё это! За это большое зло ответственны только чиновники, которые не заботятся о принятии соответствующих мер и во всём обвиняют народ, хотя эти обвинения несправедливы.

Янь Шан-чжи, обследовавший положение дел, говорит: «Мятеж не прекратится до тех пор, пока не будут созданы дружины туаньянь». Хотя эти слова чересчур прямы, однако их мог сказать только человек, глубоко постигший суть дела и болеющий за него душой. Вполне понятно, что при наличии указанных дружин мятежники не смогут больше ничего доставать из сельских районов. Это и явится реальным осуществлением тактики удержания городов и успокоения деревень, при которой у мятежников будут отрезаны источники снабжения. И тогда с каждым днём будет уменьшаться грабёж, а мятежники станут разбегаться в разные стороны. Что же касается старого логова мятежников – Цзяннина, то стоит только отрезать его от источников снабжения, расположенных вверх по Янцзы, и это вызовет панику в стране врага. Такова в действительности должна быть тактика подавления мятежа. При её осуществлении, безусловно, встретятся трудности. К тому же люди не всегда умеют применять её, отчего народ страдает ещё больше. Именно это имеется в виду, когда говорят: «Есть способ, но нет людей, чтобы осуществить его». Обо всём этом следовало бы серьёзно поразмыслить чиновникам и шэньши.

Мятежники добывают огромное количество продовольствия путём экспроприации, поэтому я позволил себе коснуться этого вопроса более подробно.

Примечание. Раздел составлен на основе сообщений Ян Цзун-ши, Лю Чунь-шэна, Тянь Си-да и других, а также рассказа Чэн Фын-хуана и показаний Кан Дун-сюя, Фан Вань-цана, У Юнгоу и других.

Налоговое обложение

Население сельских районов издавна жило в мире и не сталкивалось с военными трудностями, Поэтому при появлении мятежников оно разбегалось, оставляя им на разграбление своё имущество. Так обстояло дело с конца 1852 г. по 1853 г. Затем нашествие мятежников на бассейн Янцзы усилилось, население уже свыклось с этим, в каждой деревне стали избирать по несколько стариков для встречи мятежников. Эти старики, выступая как представители местного населения, жаловались на бедность жителей деревни и подносили мятежникам несколько сотен связок медных денег и несколько даней зерна во избежание обыска домов. После ухода мятежников всё это количество денег и зерна развёрстывалось по дворам соответственно количеству земли, приходящейся на каждый двор. Таков был порядок налогообложения в первое время после появления мятежников в бассейне Янцзы. Особенно возмутительно то, что мятежники одурманивают крестьян лживыми объявлениями об освобождении в будущем от налогов на три года. Однако после опустошительных грабежей и назначения в деревнях новых начальников они издали приказ: «Во всей Поднебесной зерно, имеющееся у крестьян, и капиталы, находящиеся у купцов, являются достоянием отца небесного, и их следует сдавать целиком в казну небесного князя. Каждому взрослому будет опускаться на пропитание в течение года один дань (ок. 60 кг или 104 л) зерна, детям – по 5 доу (10,35 л) зерна».

С появлением такого приказа люди освобождались от дурмана. Вполне понятно, что не находилось людей, которые подчинились бы ему, и приказ оставался невыполненным. Тогда мятежники издали приказ о налоговом обложении. Согласно ему сельские начальники определяют общую площадь пахотной земли в районе, занимаемой той или иной армией, а также размер налога [с каждого хозяйства] из расчёта по 1 тыс. вэней (грошей) деньгами и по 3 даня и 6 доу (ок. 370 л) зерна с каждого даня (104 л) посеянных семян. Все эти данные записываются в реестр, который хранится у инспектора мятежной армии в уезде или области. Система внесения земельного налога в два срока не практикуется мятежниками. Их уполномоченные по сбору налогов беспрерывно снуют по дорогам, чтобы сохранить свою жизнь сельские начальники угодничают перед ними и выполняют все их требования. Будут ли мятежники по-прежнему грабить жителей или же оставят их в покое, во мно-

гом зависит от сельского начальника. Среди сельских начальников есть немало прохвостов, способных на всякие подлости. Некоторые из них едут с подарками в город к местному главарию мятежников и стараются подкупить его и заручиться его покровительством. Но бывает и так, что по донесениям сельских начальников отрубают голову мятежникам, уличённым в грабеже и разнузданности, и вывешивают эти головы высоко на шесте в назидание другим. В отличие от сельских начальников, которые от чистого сердца принимают меры к поддержанию порядка в деревне, бывают и такие, которые используют налоговое обложение в своих корыстных целях, самовольно увеличивают налоги и жестоко обируют население.

Налоги взимались не только зерном и деньгами; мятежники заставляли сельских начальников брать у населения всё, в чём нуждаются их войска. Допустим, потребовалась им тысяча лопат, тысяча камышовых циновок либо сотня лодок, и они тотчас издают приказ, обязывающий население незамедлительно предоставить всё это. Народ устал от выполнения этих приказаний, он ненавидит мятежников. Однако, к нашему крайнему сожалению, эта ненависть никак не проявляется, а помощь населения носит вполне реальный характер.

Хотя говорят, что крестьяне помогают мятежникам в сражениях, но вряд ли можно допустить, чтобы они потеряли совесть до такой степени. Однако бывает, что мятежники, преследуемые правительственными войсками, угрозами заставляют крестьян поднимать флаги и кричать, чтобы ввести в заблуждение относительно своих действительных сил. Кто же может поручиться, что подобные вещи никогда не повторятся.

Примечание. Раздел составлен на основе сообщений Сюй Чун-юаня, Яо Цзао-цзяна и Чжу Гу-сюаня.

Торговые пошлины и торговля

Мятежники в своё время учредили четыре таможни на водном пути от Учана до Цзяннина. В Учане и Уху им не удаётся собирать пошлины из-за военных действий с правительственными войсками. В Лунцзянгуане их начальник таможни имеет чин равный чжиху-ю. В Цзюцзяне таможней ведаёт по совместительству начальник Цзюцзянского округа Чэн Цзо-линь.

Разумеется, богатые купцы вряд ли рискнут заниматься торговыми операциями на территории, захваченной мятежниками. Там бывают только достойные сожаления мелкие торговцы, которым не сидится дома и которые рискуют собственной жизнью ради грошовой прибыли. Люди, побывавшие на таможах мятежников, рассказывают, что там не придерживаются твёрдых правил при взимании пошлин. Пошлины исчисляются тысячами цяней с каждого чжана длины судна. Если судно нагружено грубым товаром, то взимается по 2 тыс. цяней с каждого чжана; если оно нагружено тонким товаром, то взимается по 4 тыс. цяней с каждого чжана. К грубым товарам относятся соль, бумажные ткани, хлопок, уголь, рис; к тонким – шелковые ткани и шёлковая нить. После взимания пошлины владельцу товара вручается квитанция, которая гарантирует его от грабежа при встрече с мятежниками. Судя по показаниям сына Чэнь Цзо-линя, раньше на цзюцзянской таможе общий сбор пошлин за месяц составил не более нескольких тысяч цяней. Эти деньги взимались с мелких торговцев, район операций которых не превышал нескольких десятков ли в округности. Торговых судов, полностью нагруженных товаром, автор показаний не видел.

Если основываться на этих данных, то общий сбор пошлин в Лунцзянгуане также невелик. Отсюда ясно, что у мятежников вообще сбор пошлин практически ничтожно мал.

Вместе с тем торговля приносит им немалую прибыль, ибо они нередко сбывают в деревнях через своих агентов награбленные вещи. Награбив большое количество ненужных им вещей и ценностей, они свозят всё это в крупный населённый пункт, где троепятеро их агентов организуют торговлю и сбывают всё это по ценам вдвое ниже обычных. Крестьяне сначала побаиваются покупать, но, убедившись в отсутствии обмана, наперебой раскупают всё либо за деньги, либо в обмен на продукты. Не проходит и нескольких дней, как уже всё распродано, и остаётся погрузить на суда вырученные деньги и продукты и вывезти их в старое логово мятежников. Основную массу товаров составляют соль из районов, расположенных между реками Янцзы и Хуанхэ, и ткани из Хубэя. Соль привозится для продажи в Синго, Ци и Хуан. Награбленные в Хубэе ткани и хлопок перепродаются населению Аньхуэй и районов к югу от Янцзы. Все эти вещи мятежники получают путём грабежа, без всяких затрат капитала. Поэтому торговля наряду с контрибуциями, грабежом и налоговым обложением приносит им

огромный доход. Торговля обычно проводится в местах, где имеются назначенные мятежниками сельские начальники. Если она ведётся во вновь захваченных районах, мятежники тайно следят за тем, кто сколько покупает, чтобы составить себе представление об имущественном положении различных семей. После этого не проходит и нескольких дней, как мятежники врываются в дома богатых людей, грабят всё дочиста, отбирают даже и вещи, проданные ими хозяину. Таким образом, мятежники используют торговлю как приманку, а глупый народ в погоне за выгодой попадает на эту приманку.

Примечание. Раздел составлен на основе сообщений Ши-гуя, Хун Сы-сяня, Чжао Сина, Ван Юй-мао и Чэнь Цзиня.

Система пайков

Выше описаны источники материальных поступлений мятежников. Что же касается системы пайков, то она составляет статью их расхода. Таким образом, мятежники располагают четырьмя-пятью статьями дохода и только система пайков составляет статью их расхода. Не в этом ли причина того, что им приходится беспокоиться о нехватке материальных ресурсов?

Все начальники у мятежников, даже если они имеют титулы князя или хоу, не получают постоянного жалования. Однако для них установлена система пайков на мясо и другие виды продовольствия. Например, небесному князю отпускается ежедневно по 10 цзиней (ок. 6 кг) мяса, а его чиновники получают меньше в зависимости от ранга. Так, главноуправляющему отпускают всего лишь половину цзиня мяса, а те, кто ниже его по своему служебному положению, не получают нисколько.

Вся одежда и продовольствие отпускаются чиновникам из интендантского ведомства, такой же порядок практикуется и в армии. Когда у мятежников много награбленного добра, они расходуют его расточительно, а когда мало, они живут скромно. Вместе с тем все их крупные чиновники, как правило, имеют припрятанные личные запасы, вполне достаточные для удовлетворения их нужд. Что же касается низших чиновников, то они вынуждены питаться грубой пищей и даже иногда довольствоваться одной подсолённой водой.

Накануне каждого воскресного дня чиновники получают по ордерам продовольствие из интендантства якобы для жертвоприно-

шений небесному отцу. Начальник склада, принимая во внимание служебное положение получателя, отпускает ему продукты либо полными корзинами, либо малыми порциями.

Определённые нормы установлены только в отношении денег, зерна, растительного масла и соли, которые отпускаются на неделю. Каждому чиновнику и командиру выдаётся на неделю 100 цзней деньгами, рядовым солдатам – половина этой суммы. На каждые 25 солдат полагается отпускать в неделю 200 цзней (ок. 1200 г) риса и 7 цзней (ок. 420 г) соли. Эта норма не увеличивается даже тогда, когда имеется в избытке награбленное добро. Если же запасы на складах кончаются, то выдают половину указанной нормы либо ничего не дают. Например, в голодное время в Цзяннине все питаются только рисовым отваром, а в Янчжоу варили кожу от чемоданов. Вполне понятно, что в такое время не выдают ни денег на расходы, ни масла, ни соли.

Среди мятежников практикуется также выдача денег на покупку приправ к рису; размер выдаваемой суммы во многом зависит от того или иного начальника. Например, главноуправляющий и инспекторы армий, получив большое количество золота и серебра, могут расходовать значительную их часть на покупку приправ к рису для своих подчиненных. Один из беженцев рассказывал, что он сам видел, как некий ротный командир ежемесячно получал от своего начальника от 1–2 лянв золота до нескольких десятков лянв серебра и целиком тратил эти деньги на покупку кур и свиней для угощения своих подчинённых. Далее, как видно из одного документа, захваченного у мятежников, один командир бригады обращался к своему начальнику-главноуправляющему с просьбой отпустить деньги на покупку приправ к рису, и тот разрешил выдать 5 лянв серебра. Каждому человеку выдавали по 7 вэней в день. Этой суммы не хватало даже на покупку овощей. Поэтому солдаты вынуждены просить у начальников дополнительные суммы на приобретение приправ к рису.

Примечание. Раздел написан на основе показаний Тань Энь-пу, Юень У-пу, Юань Цзюня, Чжоу Куан-юэ, Кан Дунсюя и Лань Вань-ю.

Склады

В апреле – мае 1854 г., когда был под властью мятежников, часто приходилось опрашивать пойманных беженцев и захваченных на реке агентов из мятежного лагеря. Большинство из них прибыло со своими главарями из Цзяннина в Ханькоу в феврале – марте того же года. Среди них находились начальники продовольственных и «священных» складов, писари и счетоводы этих учреждений. Поэтому сообщённые ими сведения о положении на складах мятежников являются очень точными. Они сообщили, что в ведении управления «священных» складов находятся склады трёх типов: главные, перевалочные и склады для хранения зерна и ценностей, взятых с помощью контрибуций. На этих складах к февралю 1854 г. хранилось 1270 тыс. даней зерна и 750 тыс. даней риса. Ежемесячный расход зерна на выдачу пайков составляет более 300 тыс. даней, так что имеющихся запасов зерна и риса хватит на четыре месяца.

В «священных» складах к февралю 1854 г. хранилось также 2630 тыс. лянов серебра, 1250 тыс. лянов серебряных украшений, более 184,7 тыс. связок медных украшений и 3355 связок медных монет (вэней). Ежемесячно выдаётся около 200 тыс. связок вэней на расходы. Точное количество хранящихся на складах растительного масла, соли, шёлковых и хлопчатобумажных тканей неизвестно.

Сначала достоверность этих сведений вызвала у нас сомнение, но мы записали их, чтобы впоследствии проверить. Затем из уезда Цзюйжун поступило сообщение о том, что в апреле 1854 г. у мятежников осталось лишь немногим более 100 тыс. даней зерна и не более 300 тыс. лянов серебра. Эти данные заметно отличались от имевшихся у нас ранее, и это заставило нас задуматься над причиной столь больших расхождений. Похоже на то, что общее число мятежников и захваченных ими людей составляет не менее нескольких сотен тысяч. Предположим, что их насчитывается 500 тыс. человек. По существующим у них нормам на каждые 25 человек выдаётся в неделю 200 цзиней зерна и 1250 вэней, значит общее количество выдаваемого зерна за каждый месяц должно превысить 170 тыс. даней, а денег – 125 тыс. связок вэней. Если к тому же учесть, что начальники у мятежников получают вдвое больше солдат, то получается, что общее количество выдаваемого зерна и денег будет фактически будет мало отличаться от количества, указанного беженцами в своих показаниях.

Если запасов продовольствия у мятежников не хватает даже на месяц, как об этом рассказывается в донесениях разведчиков, то почему же они издали приказ об употреблении в пищу рисового отвара вместо каши только в июне месяце, а не раньше?

Но можно ли точно подсчитать то количество продовольствия, которое мятежники в захваченных ими обширных районах забирают из правительственных складов и сельских амбаров? Сообщённые ранее данные не могут быть ложными, если учесть, что мятеж охватил огромную территорию и число мятежников из бедствующего населения очень велико.

Правительственные войска сильно ненавидят мятежников и поэтому в своих донесениях много говорят о том, что силы мятежного лагеря ослабевают и запасы продовольствия истощаются. Однако такие сведения не достоверны, ибо приукрашивают действительность и не имеют под собой реальных оснований.

Примечание. Раздел написан на основе показаний Кан Дун-сюя и Лань Вань-ю и сообщения Чэн Фын-хуана.

ДОКУМЕНТ № 9

Свидетельство на право торговли

Мы, член свиты небесного князя, цютяньи Чэн, принимавший участие в создании династии, чжэндигуань Чэн и губернатор провинций Цзянсу и Фуцзянь Лю, принимавший участие в создании династии, в целях умножения государственной казны и обеспечения народного благосостояния выдали настоящее свидетельство купцу Хуан Син-хэ, давнишнему владельцу магазина тканей в селении Дакоу уезда Цзингуй, находящегося под контролем правой четвёртой армии, с тем чтобы оно служило в дальнейшем документом на случай проверки.

С вручением настоящего свидетельства Хуан Син-хэ обязан вести торговлю честно и справедливо. Ему не разрешается скапливать у себя товары, чтобы затем продавать их по повышенным ценам. Если он в целях личной выгоды осмелится наносить вред населению, другие торговцы должны доложить об этом властям для расследования и судебного наказания. При деловых операциях с проезжими купцами надлежит узнавать, откуда они и куда направляются. Под страхом наказания не разрешается привечать

у себя бандитов. Торговые операции, большие и малые, должны вестись на основе справедливых цен. Когда в торговле нет замкнутых корпораций, когда она ведётся на основе взаимовыгоды и торговцы свободно развозят свои товары во все концы страны, тогда население повсюду может обеспечить себя всеми необходимыми предметами, и жизнь людей озарит сияние солнца. Разве не прекрасно, если постоянно будет торжествовать этот принцип, которому должны следовать все?!

Настоящее свидетельство разрешается вручить владельцу магазина тканей Хуан Син-хэ.

*8-го числа 11-го месяца года Жэньсюй
(1862) Тайпинского государства.*

ДОКУМЕНТ № 10

Воззвание

Наш небесный князь – брат Иисуса, сына небесного отца. Он явился на свет, чтобы спасти мир и людей от искушающих их коварных дьяволов. Поэтому мы называем его спасителем.

Все люди, искушаемые дьяволами, страдают как от тяжкого недуга. Чтобы вразумить их, на свет появился восточный князь, которого мы называем утешителем и искупителей людских страданий.

Наша тайпинская армия, исполняя небесную волю на земле, не чинит ни какого вреда народу, она только спасает его.

С установлением единой власти в Китае будет прекращено взимание налогов по всей стране в течение трёх лет. Богатые люди должны помогать нам материальными средствами, а бедные физическим трудом.

После достижения окончательной победы над дьяволами все, имеющие заслуги, будут награждены по достоинству с правом наследственной передачи титулов.

По прибытии в тот или иной район наша тайпинская армия уничтожает только вражеских гражданских и военных чиновников, офицеров и солдат. Всё население должно по-прежнему продолжать свои занятия, нормально покупать и продавать товары. Во избежание опасности при вступлении наших войск в город двери всех домов должны оставаться закрытыми. Все те, кто помогает врагу при обороне города и в сражениях, будут беспощадно обезглавлены.

ДОКУМЕНТ № 11

Новое сочинение в помощь управлению. Манифест верного наставника армии и ганьвана Хуна

Как известно, для того чтобы навести порядок в государстве, нужно прежде всего организовать управление. При организации же управления не обойтись без помощи [рекомендаций].

Вот почему я, наставник армии, удостоившись святейшего повеления и стремясь способствовать упорядочению дел династии, составил общий план политических мероприятий, который под названием «Новое сочинение в помощь управлению» почтительно представил на высочайшее обозрение. Сей план получил монаршее одобрение и удостоен следующего повеления: «Настоящее сочинение передать управляющему печатью для воспроизведения и распространения». Ныне, согласно высочайшей воле, оригинал челобитной отпечатан и распространён для всеобщего сведения.

Я, ничтожный брат Жень-гань, склоняю колени перед Вами, Ваше Величество, истинно святой повелитель, да здравствуете Вы миллиарды лет, и низжайше прошу Вас принять мой план, рассчитанный на то, чтобы содействовать усовершенствованию государственного управления и возрождению народных добродетелей. Коленопреклонённо молю Ваше Величество принять к сведению следующее: я, ничтожный, прибыл в Вашу столицу Гуанчжоу, не страшась трудностей, не помышляя о почестях и карьере. Моё единственное желание – довести до Вашего высокого сведения план, который расширит Ваши познания, и тем отблагодарить Ваше Величество за столь милостиво оказанное мне гостеприимство. Обстоятельства постоянно меняются, идеалы могут быть достижимы и недостижимы. Вот почему бывают дела, которые не осуществимы сегодня, но которые вполне могут быть осуществлены в будущем и принесут счастье грядущим поколениям. Бывают также дела, которые, будучи полезными в настоящее время, могут принести вред грядущим поколениям, если оставить их в планах навечно. Закон [определения современности или несовременности тех или иных мероприятий] заключается в том, чтобы постоянно изучать время и обстоятельства, основное и второстепенное в явлениях, их сильные и слабые стороны. Равновесие же силы и слабости, соответствующих основному и второстепенному в явлениях, определяется законом изменения обстоятельств.

ДОКУМЕНТ № 12

Правила для походного строя

1. Всем командирам и солдатам старше 15 лет от роду предписывается нести с собой полное военное снаряжение, запас риса, а также котелок, масло и соль. Не разрешается нести наконечники копий без древков.

2. Физически сильным командирам и солдатам не разрешается заставлять местных жителей перетаскивать для себя тяжести.

3. При движении по дороге [небесного князя или других особ княжеского звания] командирам и солдатам предписывается отойти в сторону и приветствовать их установленными ритуалом здравицами «вань-суй», «ваньфу» и «цяньсуй», им запрещено находиться рядом с княжеской колесницей или среди повозок наложниц, сопровождающих князя.

4. Когда подается сигнал, всем надлежит, не медля ни минуты, бежать к месту сбора для заслушивания приказа и выступления в поход с целью уничтожения дьяволов. Никому не разрешается при этом скрываться и отлынивать [от исполнения долга].

5. Находящимся в походном строю мужчинам и женщинам не разрешается заходить в селения для приготовления пищи или приобретения провианта. Запрещается разрушать дома жителей, грабить имущество, а также производить обыски и чинить беспорядки в лавках, в областных и уездных управах.

6. Не разрешается использовать продавцов горячего чая и рисового супа в качестве носильщиков. Запрещается присваивать обманным путем вещи, принадлежащие другим братьям.

7. Не разрешается разводить в придорожных харчевнях огонь и спать, задерживая этим движение остальных. Необходимо поддерживать постоянную связь между головой и хвостом [колонны] и следить за тем, чтобы не было отстающих.

8. Запрещается жечь дома жителей, а также отправлять большую нужду на дороге и в домах жителей.

9. Запрещается понапрасну убивать выбившихся из сил старых и слабых носильщиков.

10. Все должны беспрекословно повиноваться приказам и распоряжениям главнокомандующего и других начальников. Не разрешается действовать по собственному произволу.

ДОКУМЕНТ № 12

Походный устав армии

Испокон веков успешная переброска войск зависела от организованности, при хорошей организованности у командиров есть достаточно времени [для выполнения других обязанностей]. Но разве возможна организованность без твердой дисциплины? Разве могут [командиры] иметь время [для других дел], если войско плохо обучено?

Разве может войско быть грозным и непобедимым, если отсутствует организованность и [командиры] не могут уделить достаточно времени [выработке военных планов]. Именно поэтому свод правил сигнализации является основой устава для войск на марше.

Восточный князь, получив сокровенный приказ небесного отца и небесного брата, мудро помогает небесному князю управлять Поднебесной. Со времени цзиньтяньского восстания войско, двигаясь через провинции Хунань, Хубэй и Аньхуэй, достигло Цзиньлина и быстро овладело им. На улицах и переулках города воцарились мир и спокойствие так быстро, словно люди разом забыли о грозной силе оружия. Мужчины и женщины с покорностью встречали войско дарами и подношениями. Все это стало возможным лишь благодаря мудрости и дальновидности восточного князя, благодаря своевременной и всесторонней организации обороны, постоянному вниманию, которое он уделял обучению армий, благодаря его справедливости при поощрении и наказании. Восточный князь обладает умением обеспечивать спокойное передвижение [войск] и правильно использовать военных и штатских, обладает умением прекращать смуту и водворять порядок, искоренять зло и поощрять добродетель. Его бессмертные заслуги превосходят все, что мир когда-либо видел в прошлом, его милосердие и величие затмевают все, что Поднебесная увидит когда-либо в грядущих веках. Правила сигнализации, разработанные им в походном шатре, в высшей степени прекрасны и совершенны. С ними не сравнится ничто из созданного людьми даже в глубокой древности. Эти осененные божественным разумом установления были записаны его слугами и стали уставом, который приказано отпечатать и распространить в армии с тем, чтобы командиры и солдаты, заучив [правила], могли руководствоваться ими в своих действиях, всегда следовали драгоценным указаниям, ни в чем не выходя за рамки [закона]. Именно в этом ключ к организованности, которая обеспе-

чит [для командиров] нужный досуг. Сим нижеизложенное почтительно предваряем.

Перед выступлением в поход необходимо четко разработать маршрут движения. Когда войска перебрасываются в определенном направлении, чтобы взять штурмом город или укрепленный пункт, следует точно установить расстояние до цели, для чего из состава армии надлежит отобрать возможно больше людей, хорошо знающих местность. Эти люди сообщают командованию данные относительно протяженности пути до того или иного города или селения, сведения эти переносятся на бумагу, чтобы не оставалось ни малейших неясностей, а затем их размножают в нужном количестве. Если, допустим, намечено выступить на следующий день рано утром, когда пробьет пятая стража, то уже сегодня вечером необходимо раздать всем старшим командирам сведения о маршруте, которые им надлежит выучить наизусть, чтобы оградить себя от возможных ошибок. Всем старшим командирам и адъютантам командующего следует во время движения постоянно держать при себе как можно больше людей, хорошо знающих дорогу. Если среди солдат таких людей не найдется, необходимо в первом же населенном пункте взять в качестве проводников местных жителей, которых следует предварительно подробно расспросить. Нужно использовать в качестве проводников только тех из местных жителей, которые действительно хорошо знают дорогу, и ни в коей случае не брать первого попавшегося человека.

Следует остерегаться вражеских агентов, которые могут оказаться среди местных жителей.

Если дорога, по которой происходит движение, разветвляется в определенном пункте на три или две дороги, идущие в разных направлениях, необходимо установить это засветло, не дожидаясь ночи, когда легко ошибиться. Следует установить точное направление каждой из ответвляющихся дорог и определить, какая из них ведет в нужном направлении.

На месте разветвления дорог ставится солдат-регулировщик с сигнальным флагом в руках, который при прохождении частей небесной армии громким голосом возглашает: «Следуйте по этой дороге! Та дорога – не наша», указывая флагом правильный путь. Это делается для того, чтобы воины небесной армии не попали случайно на дорогу, ведущую в неверном направлении. Поскольку воины небесной армии могут заподозрить в солдате-регулировщике вра-

жеского шпиона и не последовать его указаниям, необходимо снабдить последнего дорожным мандатом, заверенным личной печатью старшего командира. В случае, если у проходящих воинов возникнет подобное подозрение, они могут потребовать у регулировщика его мандат, тщательно проверить наличие на нем печати и таким образом убедиться в том, что их подозрения лишены оснований. Солдат-регулировщик может отлучиться со своего поста лишь в тот момент, когда пройдет арьергард колонны. Только в этом случае он может вернуться к своей части.

Когда войска располагаются лагерем на ночлег, старшие командиры обязаны прежде всего выверить маршрут движения на следующий день (например, определить, сколько ли остается до реки). Учитывая, что владельцы лодок могут покинуть место переправы, старшие командиры должны обстоятельно расспросить местных жителей, где могут находиться [лодки], сколько их бывает в обычное время, сколько в этих местах сообщаемых с рекой мелких протоков, а затем послать солдат, чтобы преградить путь лодочникам, которые попытаются бежать. Эти меры нужны для того, чтобы обеспечить беспрепятственное движение войск. Следует также выяснить состояние дорог, по которым предстоит двигаться на следующий день. Если на данном участке есть большие возвышенности или труднопроходимые для конных повозок горные дороги, необходимо в тот же вечер выделить несколько десятков человек с лопатами и кирками для приведения дороги в порядок.

Кроме того, следует выяснить расстояние до ближайшего города или деревни, наличие на этом участке укрепленных пунктов противника, количество вражеских солдат и в соответствии с этими данными в тот же вечер отдать приказ о времени приема пищи и времени движения [на следующий день], а также выделить определенное количество людей в авангард колонны. При приближении к месту расположения врага все воины обязаны спешиться и двигаться дальше в полной боевой готовности с оружием в руках. В это время они должны идти четким строем в составе своих боевых единиц. Между отдельными отрядами, а также между головой и хвостом колонны должна поддерживаться постоянная связь. Все это нужно для того, чтобы быть готовыми к штурму и прорыву вражеских позиций.

Колонна на марше делится на три отряда: передовой, средний и замыкающий. Перед выступлением назначаются командир, кото-

рый возглавит на марше головной отряд, командир, который возглавит средний отряд, и командир, который возглавит замыкающий отряд. Командующий следует в среднем отряде. Престарелые, больные и раненые идут с арьергардом. Знамя движется за знаменем, отряд за отрядом в правильном походном порядке.

Если передовой отряд встречает в пути противника, он оповещает звуками горна другие отряды и поднимает большое [боевое] знамя. Средний и замыкающий отряды, услышав сигнал и увидев развернутое боевое знамя передового отряда, быстро приводят себя в боевую готовность и устремляются вперед на поддержку авангарда. Когда противник оказывается сзади и вступает в бой с замыкающим отрядом, последний также оповещает об этом другие отряды звуком горна и разворачивает боевое знамя. Средний и головной отряды, услышав сигнал и увидев колышущееся боевое знамя, знают, что замыкающий отряд вступил в бой с противником. В этом случае движение вперед немедленно прекращается. Находясь в полной боевой готовности, эти отряды следят за развитием событий в арьергарде. Если силы противника велики и он насадет, средний и головной отряды посылают воинов на помощь арьергарду. Все делается по приказу старшего командира.

Движение вперед возобновляется только тогда, когда силы противника полностью уничтожены. <...>

Запреты

При движении войск запрещается солдатам пить вино, заходить в придорожные селения, чтобы готовить пищу, спать возле дороги. Если позволить хотя бы одному солдату заниматься в деревне стряпней или спать [во время движения войск], то это послужит дурным примером для подражания и задержит проведение операции, этим воспользуются дьяволы и нанесут нам ущерб. Запрещается также заставлять местных лоточников, торговцев чаем и рисовой кашей переносить воинский багаж и снаряжение. Если эти торговцы будут использоваться в качестве носильщиков, не у кого будет покупать чай и рисовую кашу. Чем же тогда будут питаться войска, двигающиеся сзади? Запрещается наносить ущерб населению тех мест, через которые проходят войска, а также заниматься грабежом в домах местных жителей. Не разрешается, ссылаясь на холодную погоду, разводиться возле дороги костры. Запрещается

разбазаривать продовольствие и фураж. Нарушители вышеперечисленных запретов подлежат наказанию.

Следует строго следить за тем, чтобы солдаты, будь то на марше или во время лагерной стоянки, не палили без оснований из пушек. Стрельба может вызвать переполох в войсках, и к тому же это связано с ненужным расходом пороха, который подлежит беречь. В лагере солдатам запрещается без нужды запускать ракеты, ибо искры от них разносятся в разные стороны и могут поджечь лагерное имущество и даже пороховые запасы, что нанесет немалый ущерб. Солдатам запрещается насиловать местных женщин. Солдатам запрещается выходить за пределы лагеря, ночевать и принимать пищу в другом лагере. Лагерь разрешается покидать только по казенному делу. Запрещается подавать ложные сигналы и команды, а также распространять ложные сообщения и слухи, ибо все это может посеять замешательство и смуту в войсках. Запрещается частным образом продавать порох. Те, кого поймают и уличат в этом, должны быть публично обезглавлены.

Когда солдату предстоит по казенному делу выйти за пределы лагеря, он должен доложить об этом начальнику лагеря. Как только поручение выполнено, солдат должен немедленно вернуться обратно. Те, кто осмелился самовольно отлучиться из лагеря на ночь, подлежат казни. Нельзя допускать разного рода тайных разговоров. Те, кого уличат в этом, подлежат казни.

Основные правила предосторожности против вражеского коварства

Коварные методы дьяволов многообразны и осуществляются ими незаметно. Командующий должен о всех коварных замыслах врага доводить до сведения солдат с тем, чтобы они заблаговременно приготовились к защите. Встречаются случаи, когда дьяволы прячут пороховые заряды со свинцовой картечью, маскируя их сверху колосьями, свежей землей и травой, устанавливают самострелы, которые приходят в действие, как только кто-либо на них натолкнется, вкапывают в землю треугольные деревянные или железные костыли, закрытые сверху досками, а также устраивают ямы-ловушки. Иногда пороховые заряды с картечью прячут в зонтики. Когда такой зонтик открывают, скрытый в его ручке порох взрывается, и картечь ранит человека. В бою такие методы применяются довольно часто. Хитростью и коварством дьяволам нередко

удается заманить наших солдат в ловушку. Каждый солдат должен, учитывая вышеизложенное, быть всегда начеку, отличаться проворством и осторожностью. В противном случае можно легко стать жертвой коварства дьяволов. Когда идет бой, замыслы дьяволов у всех на виду и им легко противостоять. Особую осторожность следует проявлять тогда, когда войска не встречаются с врагом в открытом бою и дьяволы пользуются тайными средствами борьбы. Иногда они строят свои расчеты на любопытстве и жадности наших солдат. Попадаются шкатулки, внутри которых заложен пороховой заряд с картечью и самодействующим запалом. Как только такую шкатулку берут в руки, заряд взрывается и ранит людей. Бывают пакеты словно бы с казенными бумагами, но на самом деле также начиненные порохом и картечью. Как только кто-либо, желая проверить содержимое пакета, вскрывает его, заряд взрывается. Попадаются специально установленные самострелы. Как только человек берет его в руки, чтобы осмотреть, раздается взрыв и любопытный получает ранение. Хитроумные методы дьяволов скрыты от глаз. Необходимо поэтому каждому уметь распознавать их сущность и всегда быть начеку, чтобы не пасть жертвой вражеского коварства.

Выступая в поход для уничтожения дьяволов, следует прежде всего сообразовываться с условиями местности. Если попадается дорога узкая и труднопроходимая, необходимо заранее привести ее в надлежащий порядок. Когда встречается широкая и глубокая водная преграда, затрудняющая наступление или отступление войск, нужно прежде всего построить два-три плавучих моста. Эти мосты должны быть достаточно прочными и широкими. На мосту следует заранее расположить артиллерийскую засаду, с тем чтобы оградить победоносно наступающих братьев от внезапного нападения. Если дьяволы появляются с тыла, пушки открывают огонь и преграждают им путь. Когда войска наступают по узкой дороге или по небольшому мосту, неудобному для движения, в начале [дороги или моста] также располагаются артиллерийские засады с тем чтобы помешать нападению на победоносные войска с тыла. В случае появления дьяволов солдаты открывают огонь из пушек и, преградив дьяволам путь, принуждают их к отступлению. Нельзя допускать скопления на мосту или на дороге слишком большого количества войск. Во всех случаях движение войск производится

в соответствии с условиями местности. Нельзя недооценивать возможностей врага, ибо это может нанести ущерб делу.

Когда из дальних мест прибывают войска, необходимо послать толковых, смысленных солдат разведать истинное положение дел, ни в коем случае не допускать, чтобы вновь прибывшие вошли в лагерь внезапно. Следует узнать, откуда прибыли войска, к какому соединению какого командующего они относятся, как фамилия командира прибывшей группы, проверить, длинные ли у солдат и командиров волосы, соответствуют ли их ответы [истинному положению дел], и лишь тогда разрешить им войти в лагерь. Такие предосторожности нужны для того, чтобы не попасть в ловушку коварных дьяволов.

Порядок проверки личного состава и оружия

Лянсыма, а также начальники подсобных служб, каждый вечер должны проводить проверку своего личного состава по спискам. Против больных в списке надлежит красной тушью ставить кружок, против фамилий раненых – красный треугольник, а против фамилий дезертировавших – крестик. Если есть вознесшиеся в небеса, то над их фамилиями в списке ставится красной тушью точка. Если такая проверка проводится каждый день, то, услышав звуки барабанов и горнов, услышав удары в гонг, каждый командир сразу может определить находящееся в его распоряжении реальное число людей. В противном случае, когда в нужный момент может при проверке внезапно обнаружиться нехватка людей, он не сможет ее объяснить.

Все находящиеся на вооружении большие и малые пушки должны быть заранее распределены в списках личного состава. Против фамилий солдат должны быть пометки о том, кто каким оружием пользуется. Например, лянсыма, под началом которого находится двадцать пять человек, не может иметь более двух пушек типа «длинный дракон» и более пяти тяжелых ружей. Что касается начальников подсобных служб, то каждый из них также должен иметь строго определенное количество огнестрельного оружия, соответствующее количеству находящихся под его началом людей с учетом всех изменений и пополнений. Командующий в свободное от других занятий время должен послать в лагерь начальников артиллерийских служб для проверки по спискам распределения оружия. Когда люди вызваны к резиденции командующего

для объявления боевого приказа и проверки, командующий отдает распоряжение своим адъютантам произвести проверку на месте, выяснить, сколько огнестрельного оружия и боеприпасов получено каждым лагерем, в распоряжении какого количества людей это оружие находится, чтобы не вышло какой-либо ошибки.

При движении войск случается, что отдельные солдаты пьют вино, спят и готовят себе пищу в неуточный час, жгут костры. Чтобы пресечь подобные нарушения, командующий должен выделить одного-двух командиров, каждый командир возглавляет патруль, состоящий из десяти с лишним человек. Первый патруль находится в авангарде, второй в арьергарде. Если патрульная группа встретится с вышеописанными нарушениями дисциплины, она должна схватить виновного, обезглавить его на месте и лишь после доложить об этом начальству, что послужит предостережением для всех нарушителей приказов.

Главнокомандующий каждую ночь посылает одного-двух человек в лагерь, чтобы проверить, хорошо ли несут командиры и солдаты караульную службу и отбивают ночную стражу. Когда проверяющие выходят ночью для проверки караульных постов, то при приближении к месту, где расположен караульный пост, им следует остановиться и прежде выслать вперед одного человека, чтобы часовой знал о приближении проверяющей группы и не поднял тревогу. Если посланный вперед обнаружит, что часовой не замечает его приближения, он должен расценивать это как нерадивость в исполнении долга. Если по прибытии к месту, где находится гонг для отбивания стражи, будет обнаружено, что солдат, приставленный к нему, спит, также следует расценивать это как нерадивость в несении службы. В перечисленных случаях наказанию подвергаются как сами виновники – караульный солдат и солдат, отбивающий стражу, так и их непосредственные начальники.

При доставке казенных бумаг по воде или по суше принимается во внимание, сколько дней требуется для путешествия из такого-то пункта в такой-то и встречал ли курьер на своем пути помехи в виде дождя и ветра. Курьер должен уложиться точно в срок, недопустимо опоздание ни на минуту, ибо это может нанести ущерб делу. Когда та или иная бумага доставлена, необходимо проверить, целы ли печати на конверте, убедиться, находится ли содержание бумаги в соответствии с содержанием ранее полученных бумаг, а также тщательно выспросить у курьера, откуда и когда он отправился

в путь, какова там обстановка. Если в ходе такой проверки не возникнет никаких сомнений, значит бумага подлинная и ей вполне можно доверять.

Правила милосердия

Командующий должен любить и жалеть своих солдат. Если, например, в походе ему случится встретить раненых, престарелых и малолетних, а также людей, лишившихся сил в результате дальнего перехода, он должен приказать командирам частей мобилизовать всех лошадей, в чьем бы пользовании они не находились, и передать их тем, кому трудно передвигаться самостоятельно. Если лошадей недостаточно необходимо приказать солдатам нести этих людей на носилках, но ни в коем случае не бросать их в пути. На лагерной стоянке командующий должен приказать людям, ведающим санитарной частью, каждое воскресенье обследовать всех раненых и больных, проверяя, кто из них уже выздоровел и кто еще нуждается в уходе, и представлять подробные доклады о результатах. На основании этих докладов управляющие скотобоен по списку должны выделять [больным и раненым] мясо через каждые два-три дня, чтобы обеспечить усиленное питание, необходимое для скорейшего выздоровления, лекари должны лечить раненых и больных внимательно и осторожно, выбирая для них самые новые и свежие снадобья. Недопустимо, чтобы люди, занимающиеся лечением раненых и больных, проявляли нерадивость из-за отвращения, вызванного запахом гноящихся ран. Командующий, как только позволяют дела, должен лично навещать палату, где лечатся раненые солдаты, отличившиеся в боях. Если у раненых есть в войске родственники, то командующий может приказать им ухаживать за ранеными солдатами. Если родственников нет, командующий обязан обеспечить внимательное к раненым отношение со стороны лагерных братьев, памятуя о том, что все люди рождены единым духовным отцом и представляют собой единую плоть и кровь. К солдатам, несущим в холодную, ненастную ночь патрульную службу и отбывающим стражу, а также к часовым следует относиться особенно заботливо. Если они одеты легко, главнокомандующий должен приказать командирам и начальникам частей собрать все лишние теплые вещи и передать их солдатам, отряжаемым для несения службы. Если в распоряжении командиров лишних вещей окажется недостаточно, он должен приказать

подчиненным передать свои вещи караульным во временное пользование на ночь, с тем чтобы они вернули их днем. Такая оперативность вызовет у солдат огромное чувство благодарности.

ДОКУМЕНТ № 13

Обращение Ли Сю-чэна к жителям Сучжоу

Я, член свиты небесного князя, верный и преданный трону Чжунван Ли, обращаюсь к сельским жителям по поводу выдвижения чиновников и переписи населения.

Как известно, если не проявлять заботу о народе, то нельзя успокоить его; если же искренне болеть за народ, то он будет дружелюбен, спокоен и усерден.

Ранее, бывая в Сучжоу, я замечал, что с приближением великой армии большинство из нас, преисполнившись печали, покидало жилища и разбегалось. Не передать тех страданий, которые я каждый раз испытываю, вспоминая об этом! Я приказал тяньаню Фыну и тунцзяню Цзо навести порядок. Я уже обращался к вам по этому поводу и думаю, что все вы уже видели моё воззвание и слышали о нём. Если не выдвигать чиновников, то не будет людей для управления гражданскими делами. Если же не провести переписи, то не возможно будет проверить численность населения. Сможем ли мы тогда успокоить народ? Я снова обращаюсь к вам и сообщаю следующее. Людей, которых хорошо знают все соседи, нужно выдвигать в состав сельской администрации. Каждые пять дворов должны выдвинуть начальника пятка, каждые 25 дворов – одного лянсыма, каждые 100 дворов – одного командира роты, каждые 500 дворов – командира бригады, каждые 2500 дворов – одного командира дивизии, каждые 12 500 дворов – одного командующего армией. При выдвижении людей необходимо установить, соответствуют ли они по своим деловым качествам назначению и могут ли выполнять свои обязанности. Итак, приступая к выдвижению людей, и тех, которых вы выдвигаете, присылайте в город, где они будут ждать назначения. После того как будет вывешена форма для переписи, надлежит провести перепись в течение пяти дней, после чего передать сведения для проверки в главное управление находящееся за воротами Чанмынь, для получения дворовых удостоверений. Только тогда вы обретёте в своих домах постоянный мир.

Только тогда успокоится и моё сердце. Отныне вы будете в полной безопасности.

Если кто-либо осмелится нарушить или оттянуть исполнение моего приказа, я вышлю войска, чтобы начисто уничтожить преступников в назидание всем, кто осмыслит послушаться закона в будущем. Вы должны выполнить мою просьбу, о которой я не раз говорил. Настоятельно прошу об этом.

*7-го числа 5-го месяца 10-го года Гэн-
шень (1860) Тайпинского государства.*

ДОКУМЕНТ № 14

Обращение Ли Сю-чэна к населению

Я, назначенный подлинным небесным приказом Тайпинского государства членом свиты небесного князя, верный и преданный трону чжунван Ли, снова обращаюсь к вам: не заблуждайтесь, дабы не навлекать кары на своих родственников.

В течение нескольких лет, выполняя приказ неба, я возглавил героические войска, уничтожавшие дьяволов. Только на территории между столицей и городами, находящимися от неё на расстоянии 100 ли, было сосредоточено несколько сотен тысяч маньчжурских дьяволов. Приход небесной армии был для них не менее губительным, чем кипятик для снега. Думаю, что это всем вам давно известно, и потому не стоит много говорить.

Спасши столицу, я сразу же направился через Цзюйжун, Данын, Чанчжоу и Уси в Сучжоу. На пути мы не встретили никакого сопротивления и овладели рядом городов. Остатки перепуганных маньчжурских войск скрылись на побережье в Южном Китае.

Вначале я решил идти во главе небесных войск на районы, прилегающие к Шанхаю, полагая, что нетрудно будет захватить их в самые короткие сроки. Однако из-за того, что большая часть населения из небесной столицы и других мест переместились в Сучжоу, а затем из Сучжоу в Шанхай, из-за того, что люди, как пуганные птицы, не находят себе места, я, осуществляя волю неба и действуя в соответствии с желанием подлинного правителя, спасающего мир, не сразу отправил войска в [этот] район, чтобы выразить своё расположение и сочувствие его населению. Вам следует очистить свои души и сдаться нам, чтобы вернуться на путь истины.

От Сучжоу до Шанхая немногим более 100 ли. С тех пор как я прибыл в Сучжоу, прошло два месяца с лишним. Если бы вы подготовили и представили списки населения, слили бы свою территорию с нашей, встретили бы нас гостеприимно, то было бы видно, что вы искренне присоединяетесь к нам.

Но вы не сделали этого. Наоборот, осмелились даже убить людей, посланных мною с письмом. Это большое преступление, которое нельзя простить ни по каким законам. Кроме того, гонцы с письмом – это люди, выполнявшие мой приказ. У древних было правило: [неприятельское] войско не убивает посланников. Почему же вы, шанхайцы, позволили маньчжурским чиновникам нанести [себе] вред? Теперь у меня есть основания сразу же двинуться на вас походом. Однако даже в этот критический момент я по-прежнему хочу быть гуманным. Поэтому снова обращаюсь к вам. Ознакомьтесь с моим обращением, добровольно покайтесь в содеянных грехах, передайте мои слова жителям всех городов и деревень, чтобы они пришли в Сучжоу с повинной. [Тогда] я сам открою перед вами новые пути. Не забывайте, что с момента восстания в Цзиньтяне прошло уже десять лет. За это время ни разу не было такого противника, который смог бы устоять перед нашей армией, и не было такого города, который мы не смогли бы взять. Разве может оказать мне сопротивление столь малый клочок земли? У вас есть знающие и разбирающиеся в делах люди, которые понимают, кто победит, а кто потерпит поражение, кто отступит и кому следует подчиниться.

Ещё раз хочу с вами договориться и для этого специально рассылаю своё обращение. Как вы знаете, яйцом камень не разобьёшь. Поэтому не сопротивляйтесь и переходите на нашу сторону как можно раньше. В этом случае наши войска не тронут ни былинки, не напугают ни кур, ни собак.

Если вы будете по-прежнему упорствовать и будете считать, что у вас достаточно сил для отпора, – тогда решайте сами.

Моя воля тверда как скала, мой приказ как водный поток – ничто не сможет сдержать его. После этого обращения сразу пошлю войска. Решайте и ждите. Не обижайтесь, что не предупредил вас раньше. Подчиняйтесь, не отвергайте моего обращения.

6-й месяц, год Гэншэнь (1860) Тайтинского государства.

ДОКУМЕНТ № 15

Обращение Ли Сю-чэна к войскам и населению Шанхая и области Сунцзян

Я, назначенный подлинным небесным приказом Тайпинского государства членом свиты небесного князя, верный и преданный трону чжунван Ли, настойчиво призываю всех жителей Шанхая и области Сунцзян и всех солдат и ополченцев цинской династии покинуть врага и присоединиться к нам, чтобы вместе с нами пользоваться милостями неба и не навлекать самим на себя смерть. Как известно, ведя борьбу с тиранией и умиротворяя лояльное население, следует уничтожить врагов и заботиться о тех, кто добровольно переходит на нашу сторону. При расширении территории тем более необходимо умиротворять окраины и перетягивать их на свою сторону. Получив прошлой зимой письменный приказ, я во главе войск двинулся вверх [по Янцзы] на Цзянси, Хунань и Хубэй. Из Цзянси, Хунани и Хубэя я повёл войска в провинцию Чжэцзян. Везде, где мы ни проходили, мы успокаивали население и заботились о тех, кто переходил на нашу сторону. Командирам ополченцев, перешедших к нам, присвоили звание и определили жалование. Повсюду мы действовали в соответствии с волей неба и желаниями нашего государя, подавляли мятежи, устанавливали мир и принимали тех, кто переходил к нам. Думаю, что вы, жители, всё хорошо знаете.

Теперь в связи с присоединением юго-восточных районов страны осталось лишь несколько пунктов, которые необходимо захватить для прикрытия провинции Цзянсу и Чжэцзян. Поэтому я послал войска разными путями – по суше и воде на Шанхай и Сунцзян. Я весьма обеспокоен тем, что вы, жители, можете испугаться, будете дрожать от страха, подобно бездомным собакам, и очутитесь в безвыходном положении. Во избежание этого специально обращаюсь к вам с воззванием, которое приказал своим людям развесить повсюду. Надеюсь, что вы, жители, солдаты и ополченцы Шанхая и Сунцзяна, хорошенько ознакомьтесь с ним. Где бы ни проходила наша армия, мы везде умиротворяли население, везде помогали людям, переходившим на нашу сторону, избавляли их от страха. Советую последовать их примеру так же быстро, как движутся лучи солнца и луны, стремиться к нам столь же неудержимо, как водный поток. Честным и хорошим людям следует оказывать помощь. Солдат и ополченец мы оставим служить в лагере.

Что касается иностранных купцов, торгующих в Шанхае, то в прошлом году с ними заключены договоры. Каждая сторона должна проявить лояльность и не причинять вреда другой стороне. Если после воззвания вы не последуете наставлениям чжунвана, будете творить, помогать противнику и сопротивляться нашим войскам, то это значит, что вы сами ищете своей гибели, подобно мотыльку, порхающему вокруг огня. И тогда не вините нас в том, что войска наши убивают всех подряд и что нарушен мир на земле. Впредь покоряйтесь и повинуйтесь и не нарушайте закона.

*28-го числа 11-го месяца 11-го года
Синью (1860) Тайпинского государства.*

ДОКУМЕНТ № 16

Обращение Ли Мин-чэна к командирам и солдатам цинской армии

Я, Янван Ли, придворный сановник, радеющий по велению неба на пользу династии и трона, обращаюсь ко всем солдатам и командирам цинской армии со следующим воззванием.

Как известно армия, которой вскоре суждено погибнуть, одерживает перед своей гибелью победы, она напоминает лампу, у которой перед угасанием пламя на мгновение становится ярче. Так бывает всегда. Участь цинского государства уже предрешена. Нашей же династии предсказана светлая, счастливая судьба. Это давно ясно всем, и мне не следует снова говорить об этом. В нынешнем 6-м месяце вы, маньчжуры, с помощью хитроумных заморских варваров напали на наш уезд Уцзян. Армия наша испытывала недостаток в продовольствии, и потому нам удалось временно захватить Уцзян. Это обычное дело на войне и не вызывает удивления. Воспользовавшись тем, что наша армия была занята в верховьях [Янцзы] и не уделяла названному району должного внимания, вы втихомолку напали на нас. Знайте же, что расположение неба давно покинуло вас. Разве могут чего-либо добиться люди, от которых отвернулось небо? Сейчас наша могучая армия из Цзяпина в провинции Чжэцзян продвигается вперёд по суше и воде и совместно с героической армией провинции Цзянсу теснит вас с двух сторон. Я полагаю, что ваши отрезанные и осаждённые города будут полностью уничтожены. Думаю, однако, что вы тоже не глупцы и наверняка знаете, что ваше положение спасти нельзя, как нельзя противиться небу. Так принимайте же скорее разумное решение:

скорее прекращайте сопротивление и сдавайте города и захваченные вами ценности. Я питаю глубокое уважение к воинам и потому не собираюсь причинять вам ни малейшего вреда. Офицеры по-прежнему будут приниматься на службу, повышаться в чинах, солдаты не лишаться щедрых наград. Тот, кто захочет вернуться домой, сможет поступить по своему усмотрению. Вы должны знать, что слова подобны золоту в ящике, я ни в коем случае не хочу потерять вашего доверия. Если вы не можете перейти к нам, опасаясь, что схватят ваших отцов, матерей, жён и детей, то должны выждать удобный случай и поскорее отступить, оставив города и лагеря, во избежание кровопролития. Это будет умным выходом из положения. Наша цель – захватить территорию, и мы не питаем к вам ни капли ненависти. Решайте сами так, чтобы потом не раскаиваться. Если хотите сдаваться в плен, даю вам срок семь дней, в течение семи дней вы должны сдать ценности и явиться в наши лагеря. Помните, что я проявляю к вам исключительное великодушие. Если не будете сдаваться, то отступайте. Если же вы всё ещё колеблетесь и упорствуете в своих заблуждениях, то после указанного срока вас немедленно усмирят, не оставив камня на камне. Тогда же будет поздно каяться! Итак, да или нет – отвечайте немедля.

*6-го числа 9-го месяца 13-го года Гуйкай
(1863) Тайпинского государства небесного отца.*

ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ* **(1899–1901)**

1. Причины и предпосылки восстания.
2. Основные требования восставших. Основные очаги столкновений.
3. Внутриполитические и внешнеполитические итоги ихэтуаньского движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. – М.: Наука, 1968.
2. Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века. – М., 2005.
3. Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны (очерки истории военно-политических отношений). – М.: АСТ-Астрель, 2004. – Режим доступа: <http://milresource.ru/Russia-and-China-Title.html>. – Загл. с экрана.

На основании приведенных источников и дополнительной литературы проанализируйте причины, обстоятельства и последствия восстания.

ДОКУМЕНТ № 1

Устав ихэтуаней⁵

Настоящий устав передан ихэтуаням князьями-сановниками, высочайше назначенными для руководства ихэтуанями. Как известно, после получения императорского повеления о взятии руководства ихэтуанями мы неоднократно обсуждали дела с братьями-ихэтуанями и убедились, что они преданны, отважны и пылают гневом к врагу. Однако не все люди одинаковы, и, возможно, среди

---

⁵ Указом от 22 июня 1900 г. цинское правительство назначило сановников Цзай Сюня и Ган И командующими ихэтуаней. Сановники подготовили устав ихэтуаней, регламентирующий деятельность повстанцев, который был утвержден ихэтуанями, судя по печати на документе, 27 июля 1900 г. Выработывая устав, цинские сановники преследовали цель подчинить деятельность ихэтуаней своему контролю и контролю местных властей, направить их борьбу исключительно против иностранцев и местных христиан.

них есть такие, которые еще плохо знакомы с принципами ихэтуаней, поэтому они могут допустить ошибки в своих действиях. Вот почему в соответствии с буддийскими законами и по согласованию с братьями-ихэтуанями был выработан устав, который надлежит соблюдать рядовым братьям-ихэтуаням и старшим братьям-ихэтуаням. Ниже излагаем устав, включающий десять пунктов.

1. Ихэтуани, выполняя волю неба и почитая буддизм, убивают иностранцев и истребляют местных христиан, чтобы защитить государство и установить спокойствие для добропорядочных людей. Кроме этого, ничто не должно существовать для ихэтуаней, искренне борющихся за справедливость и мир. Надеемся, что старшие братья различных отрядов ихэтуаней будут строго следовать этому, не станут доверяться неправильному толкованию или заниматься вымогательством, что может вызвать осложнения. Если появятся люди, которые будут сеять смуту, то за легкий проступок их следует изгонять из рядов ихэтуаней, а за тяжелый – наказывать в соответствии с буддийскими законами.

2. Ихэтуани справедливы и бескорыстны. Все старшие братья должны быть безусловно честными, строго соблюдать буддийские законы. Если случится неподчинение уставу, корыстная поддержка кого-либо, преднамеренные беспорядки, очернение добропорядочных людей или месть в корыстных целях либо намеренный шантаж, умышленные поджоги, убийства, грабежи, то, поскольку все это – разбойничьи приемы, они навлекут гнев святых и возмущение людей. Тем более это противоречит буддийским законам и вызовет наше глубокое негодование. Если после расследования факт совершения проступка будет доказан или будет подан именной доклад, то об этом следует докладывать в главный отряд⁶; преступников арестовывать с помощью ихэтуаней и наказывать, как разбойников. При сопротивлении убивать без предупреждения, но не допускать произвола.

---

⁶ Цзунтуань – «главный отряд». По-видимому, подразумевается тот отряд, руководители которого утвердили данный устав. У ихэтуаней не было единого штаба для руководства движением, все отряды были на равном положении, у каждого был свой предводитель. Видимо, перед нами попытка сановников ввести какое-то единоначалие, чтобы легче осуществлять контроль над деятельностью ихэтуаней.

3. Ихэтуани могут вселять в себя духов, поэтому сразу могут определить, является ли человек бандитом-христианином⁷, но не убивают людей безрассудно. Однако не все об этом знают, поэтому во избежание излишних толков задержанного бандита-христианина следует привести к алтарю, где показать, честный он человек или нет. Когда станет ясно, что он бандит-христианин и сам не отрицает этого, взять его под стражу и доложить в главный отряд для решения вопроса о наказании в зависимости от степени вины. Если кто-либо из христиан искренне раскается и в этом убедятся духи и люди, разрешается взять выкуп за прежние проступки и привести в главный отряд, чтобы определить наказание в соответствии с буддийскими законами.

4. Следуя велению Неба и почитая буддийские законы, ихэтуани защищают государство и тем самым охраняют себя и семьи. При встрече с противником они должны вступить с ним в бой и доблестно уничтожать врага. Нельзя проявлять трусость и отступать. С правительственными войсками следует быть одной семьей и не допускать сепаратизма, вредящего делу. До тех пор пока ихэтуани верно служат государству, их обязательно охраняют духи и им нечего думать об опасностях. Если же они будут трусить перед врагом или же действовать сепаратно, нарушая законы Будды, то духи перестанут охранять их.

5. Братья-ихэтуани, выступая в поход, обязаны строго соблюдать приказы и не оставаться посторонними наблюдателями. Нарушившие эту заповедь являются нарушителями законов Будды и наказываются согласно буддийским законам.

6. Взяв в Пекине в плен иностранца или бандита-христианина, состоящего на государственной службе, братья-ихэтуани должны передать их князьям-сановникам, а на местах – провинциальным властям для расследования и определения наказания в зависимости от обстоятельств.

7. В случае захвата оружия противника братья-ихэтуани обязаны доложить об этом местным властям и поступать согласно их указаниям.

---

⁷ Человека подводили к алтарю и возжигали курения, чтобы выяснить, христианин он или нет. «Старший брат» ихэтуаней по ему одному известным признакам решал судьбу человека.

8. После расправы с бандитами-христианами братья-ихэтуани должны установить, чьей собственностью являются постройки. Если это собственность бандитов-христиан, то ее следует опечатать и передать властям, сжигать нельзя. Весь домашний инвентарь нужно переписать и передать властям для реализации и пополнения общественных средств. Нельзя подстрекать к грабежу. Если окажется, что имущество принадлежит другим людям, то следует проявлять великодушие и не производить дознания.

9. Братья-ихэтуани должны поддерживать взаимное согласие с солдатами и полицией как члены единой семьи. Они должны общими усилиями уничтожать врага, чтобы защитить государство. Мелкие обиды не следует накапливать в душе. Если солдаты будут притеснять ихэтуаней, об этой следует докладывать в Пекин командующим сановникам, а на местах – главным чиновникам, которые передадут дела соответствующему командованию для определения наказания. Нельзя затевать самоуправно распри, могущие привести к внутренним раздорам и повредить общей ситуации. Наши ихэтуани должны поддерживать связь с солдатами и полицией. Если произойдут случаи взаимных убийств и ранений, то за это следует строжайше наказывать⁸.

10. Братья-ихэтуани независимо от названия отряда – единая семья и обязаны поддерживать мир. В случае необходимости объединенных действий они должны в полном согласии обсудить план. Нельзя проявлять сепаратизм, который ведет к раздорам. В каждом деле необходимы справедливость и бескорыстие. Нельзя искажать истину. В случае несоблюдения [этих правил] человек лишается имени ихэтуаня, его изгоняют, а старший брат отряда ихэтуаней налагает наказание согласно буддийским законам.

Утвержден старшим отрядом ихэтуаней уезда Цаосянь области Цаочжоу провинции Шаньдун.

*2-е число 7-й луны 26-го года правления
Гуансюй (27 июля 1900 г.).*

---

⁸ Что касается цинских войск, они данный пункт не соблюдали: когда ихэтуани вместе с правительственными войсками предпринимали атаки на иностранцев, то нередко подвергались обстрелу не только со стороны противника, но и со стороны правительственных войск.

ДОКУМЕНТ № 2

Стихотворения, выражающие позицию восставших

Иностранцы насильно строят в Китае железные дороги

Иностранцы насильно строят в Китае железные дороги.

Согнали немало простых людей,

Не дают им ни хлеба, ни дров;

Не жди пощады, если работаешь медленно.

Простой народ воспылил гневом

В Китае – горы серебра,

В Китае – груды золота,

А иностранцы жаждут их захватить.

Простой народ воспылил гневом,

Не отдаст золото и серебро,

Сохранит драгоценные горы и реки.

Волосатые иностранцы распространяют христианство

Волосатые иностранцы –

Отъявленные негодяи.

Они прикидываются, будто приехали

обращать в христианство,

А втихую обманывают людей.

Иностранные миссионеры строят церкви

Иностранные миссионеры

Строят церкви

На китайской земле,

Кладут китайские балки.

Китайский кирпич,

Принуждают китайских мастеров.

У тех, кто не хочет строить,

Голова долой.

Нет дождей

Нет дождей.

Земля сохнет –

Христианские церкви заслонили небо.

Вот расправимся с заморскими чертями –
Хлынет проливной дождь.

Недоброе сердце

На небе – рай, а на земле – Сучжоу и Ханчжоу,
Виноград из Сюаньхуа сладок и ароматен, –
И верят какой-то святой матери!
Ходят в какую-то католическую церковь!
Иностранцы в Китае безобразничают.
У ястреба, притворившегося петухом,
недоброе сердце.

*Мы всеми силами старались изгнать иностранцев*⁹

Мы всеми силами старались изгнать иностранцев,
Воспитали священников [ихэ]цюаней;
Но мы не сумели избавиться от иностранцев,
Напротив, платим контрибуцию и лишились войск¹⁰.
Императорский двор удалился на Запад Китая
И целый год выпрашивал мир¹¹.
А иностранные солдаты, топтавшие нашу землю,
Разрушали и жгли дома и имущество.
В этом году на нас наложили огромную контрибуцию,
Которая окончательно закабалила наш народ.

---

⁹ В конце декабря 1901 г. по возвращении в столицу императорского двора из Сианя (Шэньси), куда он бежал накануне взятия Пекина союзной армией, оставив Ли Хун-чжана для переговоров о мире с державами, с внешней стороны ворот Чжэн-дина неизвестными была наклеена эта прокламация без подписи, написанная каллиграфическим почерком на желтой бумаге и в стихотворной форме («Лиши яньцзю», 1955, № 2, с. 76). Отрывок из прокламации помещен в КСИНА АН СССР, вып. 71, с. 137.

¹⁰ По «Заключительному протоколу» от 7 сентября 1901 г., навязанному Китаю иностранными державами, потопившими в крови народное сопротивление империалистическому гнету, Китай обязан был уплатить державам 450 млн таможенных лян в течение 39 лет из 4 % годовых. Кроме того, ст. 8 обязывала китайское правительство скрыть форты и другие военные сооружения на территории между Пекином и Тяньцзинем, а ст. 5 запрещала ввоз в Китай оружия и боеприпасов в течение двух лет.

¹¹ Переговоры о мире длились с 23 декабря 1900 г. по 7 сентября 1901 г.

И вот богатые лишаются имущества,
А бедные страдают.
Отцы рыдают, дети плачут,
Невыносимо слушать стенания.
Ныне императорские повинности велики,
А чиновники рыщут, как голодные волки.
Приблизись к дороге, когда следует император, –
Тебя оштрафуют на три тысячи лян;
Вблизи дороги, по которой едет император,
Уничтожены жилища и разрушены могилы.
О люди, в чем же наша вина?
Ты, народ Китая,
Страшишься чиновников пуше тигров,
Притаился, точномышь.
Ты заботился о монархе, когда он пребывал в печали;
Теперь он возвратился. Воспрянешь ли ты?

(«Лиши яньцзю», 1955, № 2, с. 76).

СИНЬХАЙСКИЕ СОБЫТИЯ И НИЗЛОЖЕНИЕ ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ (1911–1912)

1. Причины и предпосылки синьхайских событий.
2. Ход Синьхайского восстания. Падение династии Цин.
3. Сунь Ятсен и его политические взгляды.
4. Политические воззрения Юань Шикая. Характер его внутренней и внешней политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Е. А. Революция 1911–1913 гг. в Китае. – М., 1958.
2. Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин. XVIII – начало XX века. – М., 2005.
3. Сидихменов В. Я. Манчжурские правители Китая. – М., 1985.
4. Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время: сб. ст. – М., 1991.
5. Тихвинский С. Л. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. – М., 1964.

Политические, социально-экономические причины антицинского движения нашли свое отражение в документах № 1, 2. При их рассмотрении следует обратить внимание на мировоззренческую и идеологическую подоплеку народного возмущения. Международную позицию новых китайских лидеров, их нацеленность на диалог с европейскими державами помогают осветить материалы № 4, 5, 8. Обучаемым необходимо проанализировать текст «21 требования» (документ № 8) и сделать вывод о потере Китаем стратегических позиций, об экономическом и финансовом ущербе. При этом следует обратить внимание на различия в терминологии, содержащиеся в китайском и японском варианте документа, на этом основании – о восприятии документа дипломатами и общественностью соперничающих держав. Новые контуры политической системы страны намечены во «Временной конституции Китайской Республики» (документ № 7). Для более полного уяснения характера политических изменений возможно составление схемы (таблицы), содержащей основные характеристики цинского и республиканского Китая.

ДОКУМЕНТ № 1

Декларация о провозглашении независимости г. Нинбо

Вчера вечером Комитет охраны порядка¹² г. Нинбо провел специальное внеочередное заседание, на котором было решено следующее.

Комитет охраны порядка как таковой распускается и заменяется Военным правительством. Генерал Лю Сюнь был избран на пост дуду, а генерал Чан Жуй-цин его заместителем. Затем была составлена декларация¹³, в которой от имени дуду Лю [Сюня] объявлялось о создании Военного правительства. Сегодня утром над резиденцией дуду военного правительства был поднят новый флаг – белая звезда на красном полотнище. Местный судья и судейские чиновники скрылись в неизвестном направлении.

Декларация дуду Лю [Сюня] о создании военного правительства Нинбо:

«16-е число 9-й луны 4609 года эры Хуанди (6 ноября 1911 г.) является днем основания военного правительства Нинбо. Комитет охраны порядка г. Нинбо избрал меня на пост дуду, и я, повинувшись велению долга, счел невозможным уклониться от этого поста. Позвольте изложить вам основные принципы [нашей программы].

Наш прародитель Хуанди положил основание обширному китайскому государству. История нашей страны знает бесчисленные образцы великой мудрости и высокого благородства. Дикие и невежественные племена маньчжуров, воспользовавшись смутами, которые переживала наша страна, воссели на нашем престоле. С тех пор прошло более 260 лет. Наши древние обычаи и наша одежда были вытеснены варварскими обычаями и диким обличем маньчжуров. Наши герои уже давно охвачены справедливым гневом, и я уверен, что каждый из вас разделяет их чувства, не мне говорить вам об этом. В настоящее время, к счастью, в провинции Хубэй войска подняли восстание, и не прошло и месяца, как вся долина Янцзы была освобождена. Куда бы ни приходила наша ре-

---

¹² Комитеты охраны порядка создавались обычно членами провинциальных и уездных совещательных комитетов, которые, стремясь не допустить выступления народных масс, спешили взять власть на местах в свои руки и провозглашали нейтралитет данной провинции или данного уезда в революции.

¹³ Кем составлен этот документ, неизвестно. В тексте дословно: кто-то, некто, какой-то.

волюционная армия, повсюду народ встречал ее хлебом-солью. Не свидетельствует ли это о том, что дела людей [совпали] с волей неба? Наш город, стоящий на морском побережье, в труднодоступной местности, издавна славится памятниками культуры и своей многовековой славной историей, поэтому он должен быть освобожден одним из первых, чтобы души предков обрели покой. Возрождение великой ханьской нации – первая важнейшая цель, осуществления которой решительно будет добиваться Военное правительство.

Разве можно рассказать о тех долгих годах, когда наши соотечественники страдали от жестоких законов подлого племени маньчжуров? Несколько лет назад цинская династия объявила о подготовке к введению конституции¹⁴, но разве уменьшились от этого страдания нашего народа? На словах [Цины] заявляли, что обложение народа никогда не будет увеличиваться, а на деле налоги и поборы возросли в сотни раз. Изо дня в день они твердили о планах разделения власти на исполнительную, законодательную и судебную, а в действительности можно было ежечасно наблюдать усиление абсолютизма власти. О притеснениях ханьцев* императорским двором и знатю, о произволе властей прекрасно известно вам самим, соотечественники, и нет нужды об этом напоминать. В довершение всего к северу и югу от великой реки вот уже несколько лет свирепствуют наводнения и голод, и об этих бедствиях тоже говорилось не раз. А тем временем правящая династия была занята постройкой летнего дворца, при дворе царили беспробудное веселье и пьянство. Нельзя беспредельно выжимать из народа все соки, однако жадность двора не знает границ. Так разве можно медлить в избавлении соотечественников от невыносимых мук? Освобож-

---

¹⁴ В сентябре 1908 г. цинское правительство под давлением конституционно-монархического лагеря накануне надвигающихся революционных событий объявило о начале девятилетнего периода подготовки к установлению конституционного правления и утвердило проект так называемых конституционных законов, в основе которых лежало сохранение императора великой династии Цин. Оживление в последующие годы либерально-реформаторского движения и развернувшиеся петиционные кампании за скорейший созыв парламента вынудили маньчжурское правительство сделать небольшую «уступку»; в ноябре 1910 г. был издан императорский указ, содержащий обещание открыть парламента не в 1916, как намечалось ранее, а в 1913 г.

дение соотечественников – вторая важнейшая цель, к осуществлению которой неизменно будет стремиться Военное правительство.

Мы изложили эту великую программу для сведения народа, и я глубоко верю, что каждый, уяснив ее, приложит все силы, чтобы стать достойным гражданином великой республики!

В обращении Военного правительства города Нинбо Китайской Республики говорится, что на общем собрании Комитета охраны порядка я был избран на пост дуду.

Приступая к исполнению своих обязанностей, я считаю необходимым заявить, что наши важнейшие цели заключаются в возрождении великой ханьской нации и преобразовании политического строя. [Наше правительство], разумеется, гарантирует защиту местным войскам и населению, которые должны строго соблюдать специально публикуемые ниже военные приказы.

1. Разрушение церквей и жилищ иностранцев карается смертной казнью.

2. Покушение на жизнь иностранцев и китайцев карается смертной казнью.

3. Разрушение общественных зданий и школ карается смертной казнью.

4. Поджоги и попытки ограбления караются смертной казнью.

5. Изнасилование карается смертной казнью.

16-го дня 9-й луны 4609 года, эра Хуанди

(6 ноября 1911 г.)

(«Синьхайская революция», т. 7, Шанхай, 1957, с. 161–162 («Гофэн жибао», 7 ноября 1911 г.) (кит. яз.).

ДОКУМЕНТ № 2

Декларация Военного правительства провинции Юньнань об объявлении войны маньчжурам

4609 год эры Хуанди

Военное правительство провинции Юньнань Китайской Республики обращается к вам, отцы, братья и сестры, к вам, ханьцы, населяющие провинцию Юньнань.

Прошло уже более 260 лет с тех пор, как презренные маньчжуры ворвались в пределы нашей страны. Они принесли нам, потомкам Хуанди, неисчислимые бедствия и страдания, они разрушили нашу древнюю культуру, осквернили наши святыни. Они обруши-

ли на нас произвол и тиранию, попрали нас, мы стали их рабами, их домашним скотом и не смели поднять головы. И вот ныне, наконец, настал час расплаты. Народ горит таким желанием возродить свое независимое государство, что волна революции за один день распространилась на тысячи ли. Мы, рядовые офицеры, повинаясь чувству долга, в 9-й день 9-й луны (30 октября 1911 г.) подняли знамя борьбы за справедливость. К нам присоединились все войска, которые поставили своей целью изгнание цинских чиновников и защиту простого народа. Самым дорогим, самым ценным в мировой цивилизации являются права человека, и люди, в течение длительного времени находившиеся под игом чужеземцев, не могут не помышлять, не стремиться к независимости. Знамя борьбы за справедливость, поднятое нами, уже само говорит о наших целях. И все же, чтобы вы получили лучшее представление о том, почему мы выступили против маньчжуров, мы хотим шаг за шагом раскрыть перед вами, ханьцы, жители провинции Юньнань, все преступления маньчжуров.

В древности род по имени Тоба¹⁵, возглавлявший северные племена, обитал в бассейне реки Ло, однако в то время нападать на ханьцев эти племена не решались. После вторжения в Китай маньчжуры все время боялись стремления ханьцев к освобождению и потому на все важные посты назначали только маньчжуров, которые благодаря этому могли неотступно следить [за нами] и делать все, чтобы мы, ханьцы, навсегда остались их рабами.

Сердце маньчжуров как у змеи, нрав как у хищных зверей. Это их первое преступление.

В свое время маньчжурский император Сюань Е (Канси) ввел единый налог, объявив, что этот налог никогда не будет увеличиваться. Однако вскоре стало известно о введении лицзиня¹⁶, а сле-

---

¹⁵ Род Тоба – правящий род племени сяньби, вторгшегося в Северный Китай и основавшего там в III в. н. э. династию Вэй (220–264 гг.).

¹⁶ Лицзинь – таможенный сбор, взимавшийся внутренними заставами, которые учреждались на границах провинций и уездов, на местах переправ через реки и т. п. Был введен цинским правительством в 1853 г. в разгар тайпинского восстания как временная мера для покрытия военных расходов помещичьей армии Цзэн Го-фаня. Однако продолжал взиматься и после подавления восстания и превратился в одну из основных статей дохода местных властей, которые произвольно увеличивали число

дом и других. В последние годы налоги еще больше возросли, с народа сдирают последнюю шкуру, из него выжимают все соки. Сколько тысяч умирает в тюрьмах, гибнет от голода! Маньчжуры на словах гуманны, но в душе нечеловечески жестоки. Это их второе преступление.

Когда маньчжуры вторглись в Китай, в стране царил хаос, народ бедствовал. Провинция Юньнань, расположенная на окраине страны, оставалась более или менее спокойной. Тем не менее маньчжуры заявили, что, пока не перебьют ханьцев, они не останутся, и послали в Юньнань большое войско во главе с предателем У Сань-гуйем, и на своем пути У Сань-гуй оставлял горы убитых и тысячи ли опустошенных земель без следа человеческого жилья. Мы, ханьцы, вспоминая об этом, и теперь не можем сдержать слез. В чем наша вина, почему нам выпали такие испытания? Это третье преступление маньчжуров.

Известны случаи сожжения исторических трудов при прежних династиях. Причиной тому обычно служило правдивое описание историками жестокого правления современной им династии, однако к [запрещенным] никогда не относили те книги, в которых освещались события, касавшиеся прежних династий. А маньчжуры, боясь, что у ханьцев появится стремление к восстановлению своего государства, сожгли более восьми тысяч книг, в том числе и такие, как докладные записки чиновников конца Минской династии и даже книги периода Сун¹⁷ и Юань. Маньчжуры пытались заставить ханьцев забыть свое прошлое, свою историю и навечно превратить их в рабов. В этом их четвертое преступление.

Нигде в мире не было подобной системы вечного рабства. Маньчжуры, захватившие Китай, смотрят на ханьцев как на домашний скот, за малейший проступок ханьца отдают в распоряжение восьмизнаменных, превращая навечно в маньчжурского раба.

застав и размеры сбора с провозимых товаров, а также устанавливали всевозможные надбавки к лицензиям. Официально был отменен лишь в 1931 г.

¹⁷ Сун – китайская династия, правившая с 960 по 1279 г. При ней происходит объединение страны, распавшейся в начале X в. на отдельные царства и самостоятельные феодальные владения. В годы правления Сунской династии Китай непрерывно подвергался нападению со стороны киданей, тангутского царства Си-ся, чжурчжэней и монголов, и в результате монгольского завоевания на китайском престоле утвердилась монгольская династия Юань.

А если кто-нибудь убежит, наказание несут родственники, вплоть до девятого колена. Маньчжуры ведут себя нечестно, жестоко притесняют простой народ. В этом их пятое преступление.

Маньчжуры, стремясь истребить род ханьцев, установили такой жестокий закон: если кто-либо из ханьцев преступит закон, даже незначительно, его неминуемо ждет смерть. Оглядываясь лишь на последние несколько лет, мы видим, что ни один приговор даже по самому незначительному преступлению не пересматривался. Утром из области шлют телеграмму, а вечером узник уже казнен. Все в руках уездных начальников, по своему произволу эти чернильные чиновничьи души могут казнить или миловать. Министр юстиции об этом и слышать не желает, а инспектору нет дела до этого. Таким образом, в судопроизводстве царят беззаконие и произвол, а взывать к небу бесполезно. Это шестое преступление маньчжуров.

Маньчжуры ввели для чиновников такое облачение: шапка с собачьим хвостом, рукава, напоминающие форму лошадиных копыт. Такой наряд делает нас похожими на диких зверей и унижает в глазах иностранцев. Мы утратили свой культурный облик, уподобились животным. В этом седьмое преступление маньчжуров.

Преступления маньчжурских варваров говорят сами за себя, однако в довершение всего цинское правительство в последнее время делало все, чтобы окончательно истребить наш народ. Вот почему мы не можем откладывать революцию, вот почему мы вновь и вновь повторяем соотечественникам, что новое правительство создано для защиты интересов народа. Маньчжурское правительство своим безразличием и беспомощностью ввергло наш народ в пучину бедствий. Великие державы были готовы в любой момент наброситься на нас из-за угла и разорвать Китай на части.

Сознавая, какая страшная опасность нависла над страной и что гибель угрожает государству и нации, соотечественники стали организовывать во всех уездах и провинциях народные отряды и школы физического воспитания. Их создавали для отпора иностранцам, а не для борьбы против маньчжурского правительства. Но когда маньчжуры стали действовать по методу «лучше пусть все отойдет державам, чем попадет в руки домашних рабов» и стали говорить об ограничениях и роспуске, когда мы увидели, что все, созданное с великим трудом, вот-вот рухнет и вряд ли можно будет все начать вновь, когда убедились, что все наши попытки отстоять нашу страну всегда будут наталкиваться на противодейст-

вие маньчжуров, нам стало ясно, что маньчжуры, а не иностранцы погубят нашу страну. Следовательно, пока не уничтожено маньчжурское правительство, не изгнаны маньчжурские чиновники, до тех пор невозможно возрождение нашей родины. Это первое, почему нельзя откладывать начало революции.

Европейцы называют нашу страну «золотым краем». Если бы мы развивали промышленность, провели железные дороги, разрабатывали полезные ископаемые, мы были бы сказочно богатой страной. Но маньчжуры не стремились преумножать наши богатства, они способны лишь обирать народ. Поскольку они довели парод до нищеты, они обращаются за иностранными займами, говорят о реформе денежной системы, а на деле деньги от займов уходят на увеселения и забавы маньчжурских правителей и их родни. С тех пор как был взят заем у четырех держав¹⁸, маньчжурское правительство поставило жизнь и имущество нашего народа под контроль иностранных государств. Известно ли это нашему народу? Так как средства, получаемые от займов, расходуются не на нужды страны, платить нам будет нечем, и тогда державы введут войска, чтобы установить контроль. Будет ли у нас место, чтобы умереть? Это второе, почему нельзя откладывать осуществление революции.

Миллионы людей в стране голодают, повсюду можно видеть трупы умерших от голода. Даже европейцы, чуждые нам по духу и крови, принимали какие-то меры для организации сбора средств в помощь голодающим. Что касается маньчжурского правительства и провинциальных властей, то никто не слышал, чтобы они пожертвовали хотя бы горсть зерна или какую-либо одежду для голодающих. Зато на строительство новых резиденций князей да загородных дворцов тратятся миллионы. Как же не возмущаться тем, что маньчжуры живут за счет народа и притом еще издеваются над ним и истребляют его! Недаром в «Цзочжуане»¹⁹ сказано: «Сердца

---

¹⁸ Заем у четырех держав предоставлялся цинскому правительству международным банковским консорциумом Англии, Франции, Германии и США на основе соглашения от мая 1911 г. Заем, заключенный на сумму 4 миллиона фунтов стерлингов из расчета 5 % годовых, предназначался на строительство железных дорог в Центральном и Южном Китае и являлся орудием дальнейшего усиления позиций европейских держав в Китае.

¹⁹ «Цзочжуань» – летопись древнекитайского княжества Лу (VIII–V вв. до н. э.). В хронологическом порядке описывает факты политической истории, события придворной жизни, военные походы, стихийные бедствия.

чужеземцев враждебны нам». Это третье, почему нельзя откладывать осуществление революции.

Когда же в народе созрела решимость поднять революцию и господству Цинов стала угрожать опасность, маньчжуры попытались одурманить ханьцев, отвлечь их от борьбы введением конституции. Внешне это выглядело как проявление гуманности, но если присмотреться поближе, сразу обнаружатся их нечестные намерения. Так, на всех важных постах по-прежнему сидят маньчжуры, глубоко враждебные нам, ханьцам. Маньчжурам больше никого не удастся обмануть, нам слишком хорошо известно их коварство. Сейчас, когда маньчжуры попали в затруднительное положение, мы должны во имя китайской нации подняться на борьбу за справедливость, прогнать маньчжурских чиновников и уничтожить их главарей, взять судьбу нации в свои руки.

Военное правительство провинции Юньнань установило свою власть и сплотило вокруг себя всех соотечественников. Однако есть опасность, что в глухих уголках [провинции] найдутся герои, которые будут стоять за монархию, а это вызовет и внутреннюю междоусобную войну, что будет на руку маньчжурам. Военное правительство опасается также, что некоторые, нахватавшись новых знаний и находясь под впечатлением достижений западной цивилизации, начнут ратовать за неограниченное развитие промышленности и торговли, а это приведет к тому, что богатые и сильные завладеют всеми богатствами, а народу нечего будет есть, и мы окажемся перед лицом социальной революции. Поэтому наш 400-миллионный народ должен поставить перед собой цель: смести маньчжуров с нашей земли, возродить Китай, создать республику, установить равные права на землю. Кто против, того ждет всенародная кара!

О соотечественники! Отцы, братья, сестры! Разве мы с вами не одна семья? Разве мы без роду-племени? С тех пор как дикие маньчжуры вторглись к нам с востока и захватили наши земли, мы не можем приносить жертвоприношения нашим предкам, сами же мы превратились в рабов и принуждены сносить зверское обращение. Разве можем мы считать себя потомками Хуанди, если не будем

Автор и время написания окончательно не установлены. Традиция приписывает ее создание ученику Конфуция и относит к V в. до н. э.

думать о мести и не будем готовы выступить против врагов с оружием в руках?

Сейчас, когда начались военные действия против маньчжуров, мы повторяем вновь и вновь: нельзя допускать каких-либо демагогических речей, проявления враждебности к иностранцам, а также религиозных гонений. Ведь именно эти три момента обусловили в свое время поражение хуйданов на юге и ихэтуаней в Пекине и Шаньдуне. Глава тайпинов Хун Сю-цюань признавал лишь христианскую религию, сжигал буддийские храмы, чернил конфуцианство. Это оттолкнуло от него просвещенных людей и простой народ, чем и воспользовались маньчжуры. Мы ни в коем случае не должны повторить эти ошибки. Каждый, в ком есть хоть капля здравого смысла, обязан помнить об этом и стараться избежать подобной опасности; кто этого не понимает, тому необходимо растолковать и направить его по нужному пути. Нельзя свою веру считать истинной, а чужую религию – еретической; между нами и европейцами следует наладить торговлю. Все, что на пользу нам, нашему делу, мы принимаем, а что идет во вред, будет караться по законам военного времени.

Несколько слов еще о тех ханьцах, которые состоят на службе у маньчжуров. По своему происхождению они являются ханьцами, разве могут они забыть расправу над нашими отцами, надругательства над нашими женщинами, которые маньчжуры учинили при вторжении в Китай? Почести и награды делали этих ханьцев послушными и покорными. Однако, если при приближении революционных войск эти чиновники откажутся служить цинскому правительству, поспешат перестроиться и выразят готовность смиренно подчиниться нашим приказам и сдать город или уезд, им будет сохранена должность. Те же, кто забыл свое происхождение и помогает маньчжурам в борьбе против нас, как только попадут в наши руки, будут казнены без пощады.

Что касается самих маньчжуров, то вот уже скоро 300 лет они живут за счет Китая, кто, как не мы, кормит и одевает их. Им бы следовало быть благодарными земле, которая кормила их, а они оказывают сопротивление нашим войскам; и они погибнут от нашего меча, и никто не будет виноват в этом, кроме них! Если же маньчжуры, осознав свою вину, захотят вернуться на земли своих

предков, чтобы, охраняя свой Цзяньчжоу²⁰, служить заслоном для нашего Китая, то они, не откладывая, могут перебраться в район Хэйлуңцзяна и Цзилина. Маньчжуры, которые предпочтут остаться в собственном Китае, должны будут заняться земледелием или скотоводством, и они будут приравнены ко всему народу и по своему положению. Военное правительство, руководствуясь великодушием и гуманностью, намерено предоставить им равные со всеми права на выборах, так же как и в обложении налогами.

Если же маньчжуры, обосновавшиеся на землях ханьцев, забудут, что сделали для них ханьцы, и не будут заботиться об искуплении своей вины, а, [напротив], вступят в сговор и выступят заодно с маньчжурами, проживающими за пределами Китая, тогда Военное правительство пошлет против них свои войска и их логово будет сметено с лица земли, а весь их подлый род до единого человека истреблен. Таков закон!

Настоящая декларация распространяется на территории Монголии, Синьцзяна, Цинхая и Тибета.

1 ноября 1911 г.

(«Синьхайская революция», т. 6, Шанхай, 1957, с. 259–262 («История господства маньчжурских варваров в Китае», [б. м.], 1912, с. 43–45) (кит. яз.).

ДОКУМЕНТ № 3

Очерк военных бунтов в Китае в период между 1-й и 2-й революциями²¹

В ночь на 16 мая была сделана неудачная попытка овладеть Шанхайским арсеналом. Небольшая группа лиц во главе с неким

---

²⁰ Цзяньчжоу – город в современной провинции Гири́н, один из первых маньчжурских городов. Упоминается уже в танских источниках, с XVII в. становится центром консолидации маньчжурских племен.

²¹ Из донесений русских военных агентов в Китае, хранящихся в Центральном государственном военно-историческом архиве. Главное управление генерального штаба в августе 1913 г. готовило эти донесения для напечатания в секретном сборнике, которому предполагалось дать название «Очерки военных бунтов в Китае в период между 1-й и 2-й революциями». Донесения печатаются в том же порядке, как они были подобраны редакцией сборника Главного управления генерального штаба и под теми же названиями (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4155, лл. 19–24).

Сюй Ци-вэном, главарем партии «Гун-дан» (рабочая партия)²², явившись ночью к арсеналу, потребовала открытия его ворот и пропуска внутрь. Требование это было исполнено, но, лишь только прибывшие вошли в арсенал, как его ворота были заперты, а вошедшие арестованы.

Спустя некоторое время, около 1 ч. 30 м. по полуночи к главным воротам арсенала подошла партия, около 150 человек, состоявшая преимущественно из людей в военной одежде, вооруженных частью ружьями, частью револьверами. Партия эта, подойдя к арсеналу, потребовала от стоявшей у ворот охраны пропуска внутрь, но получила отказ. В завязавшейся затем перестрелке приняла также участие, по сделанному ранее распоряжению местных властей, которым было заблаговременно известно о готовящемся нападении на арсенал, и находившаяся поблизости от арсенала часть 61-го пех. полка. Стрельба продолжалась около получаса, после чего подошедшая к арсеналу партия разбежалась, пользуясь темнотой. Во время стрельбы убито 2 солдата охраны. О потерях у нападавших неизвестно.

Готовясь к нападению, участники его пытались склонить на свою сторону войска, а именно людей 61-го и стоявшего поблизости арсенала 1-го ина 1-го пех. полка 3-й Шанхайской смеш. бригады, и рассчитывали на сочувствие войск, чем и объясняются их смелые и уверенные действия.

Как впоследствии оказалось, 1-й ин 1-го пехот. полка, кроме 4-й роты, принимал участие в нападении на арсенал, так как 29 мая последовало распоряжение дуду о расформировании этого ина. Люди 4-й роты за доблестное поведение во время беспорядков оставлены на службе и вошли в состав Чжабэйской полиции.

У-чан (пров. Хубэй) – июнь месяц [1913 г.]

Новый заговор в Учане, направленный против правительства, в частности же против Ли-юань-хуна, был раскрыт в июне месяце. По обыкновению главные виновники заговора не были обнаружены. Подробности открытого заговора сохранялись в тайне. В официальном объявлении Ли-юань-хуна кратко сообщалось о том, что злоумышленники пытались склонить войска к действиям против

---

²² «Гундан», полное название «Чжунхуа миньго гундан» («Китайская национальная рабочая партия»), – создана Сюй Ци-вэнем в январе 1912 г. в Шанхае, разогнана по приказу Юань Ши-кая в мае 1913 г.

правительства и что доказательства заговора были найдены в редакции гоминьданской газеты «Минь-го-эр-бао», помещавшейся на концессии в Ханькоу. Существование заговора стало общеизвестным лишь после того, как 13 июня в Учане было казнено 46 человек, арестованных накануне, и на концессиях в Ханькоу были произведены обыски.

Одновременно с массовой казнью 13 июня обнаружилось следующее: в Учане существовало несколько помещений революционного общества «Те-сюэ-дао-цзе-дан», тождественного, по видимому, с обществом «Гай-цзин-ту-ань»²³, устроившим заговор в Учане в марте месяце 1913 г. При обыске найдены списки участников, а также заготовленные прокламации. В одних прокламациях, обращенных к войскам, обещаются последним награды за содействие восстанию, в других – объявляется о цели восстания.

Участниками заговора были, главным образом, уволенные от службы офицеры и нижние чины, большей частью хунаньцы, а также составляющие тайное общество учащиеся-девицы. Для участия в восстании были набраны люди, взятые из деревень и не знавшие, для какой цели они набраны. Эти люди при расспросах отвечали, что они набраны по приказанию дуду Цзи, что указывало на участие и в этом заговоре бывшего начальника 8-й Хубэйской дивизии Цзи-юй-лина.

По окончании 1-й революции и признании 30 января 1912 года республики в Китае водворилась анархия, как результат неустановившегося еще в стране прочного правления. Деморализованные революцией части войск представляли собой удобный материал для агитации. Беспорядки, бунты, восстания составляли в Китае всегда довольно обычное явление. При недостаточном развитии прав народ, выведенный из себя беззаконностью власти, подымался и вознаграждал себя своеволием там, где притеснения переходили границы того, что он готов был терпеть. Непосредственной причиной беспорядков в войсках за последнее время, почти во всех пунктах их возникновения, были или недовольство вследствие неудовлетворения жалованием и предстоящего роспуска или желание

---

²³ «Гайцзиньтуань» («Общество реорганизации») – создано в начале 1913 г. в Учане бывшими членами «Литературного общества» Цзи Юй-линем, Цзэн Шан-у и др., в марте 1913 г. пыталось вооруженным путем свергнуть контрреволюционную клику Ли Юань-хуна.

достижения личных выгод в связи с отсутствием дисциплины. Лишь в Шанхае, Янчжоу, Аньдуне – провинция Цзянси – и Учане беспорядки имели политическую подкладку.

В Учане со времени объявления республики и до настоящего времени беспорядки вспыхивали несколько раз, причем в отличие от большинства беспорядков в других пунктах Китая, возникали исключительно на политической почве. Главным руководителем агитационной деятельности был Хуан-син, недовольный правительством со времени увольнения своего от должности заместителя. Окруженный многочисленными преданными ему людьми, между которыми числился и бывший шанхайский дуду Чэн-ци-мэй, Хуан-син выбрал первоначально местом действия для начала 2-й революции Учан. Позднее, вследствие нескольких неудачных заговоров в этом пункте, подготовка революции перенесена была в провинцию Цзянсу. Заслуживает внимания то, что за несколькими исключениями беспорядки происходили в Южном Китае, где народ более к этому склонен и где оппозиция к северному правительству всегда подготовлена для ее использования в политических целях.

Военные бунты в Китае за 1912 и 1913 годы являются звеном, связывающим конец 1-й революции с началом 2-й, еще не прекратившейся. Наиболее характерными бунтами являются нижеследующие.

Нань-чан-фу (провинция Цзянси) декабрь 1912 г. – январь 1913 года

Вводившееся Правительством разделение гражданской власти и военной в провинциях встретило большую оппозицию в провинции Цзянси, к участию в которой были привлечены войска.

Дуду провинции Цзянси Ли-ле-цзюнь, считавший себя полным хозяином в провинции, выступил решительным противником разделения власти. Он соглашался на это лишь при условии назначения на пост гражданского губернатора Ван-Жуй-кая, бывшего до революции начальником военной школы в Наньчанфу, как лицо, влияние которого он считал для себя не опасным.

Однако, когда Ван, назначенный на эту должность центральным правительством, прибыл 7 декабря в Наньчанфу, ему под угрозой быть убитым предложено было вернуться обратно. Он уехал в Шанхай, ссылаясь на болезнь. В своих объяснениях, напечатанных 13 января 1913 года во всеобщее сведение, Ли-ле-цзюнь во всем обвиняет своего помощника – главного начальника полиции –

и вместе с тем заявляет о несочувствии населения вновь устанавливаемому правительством порядку.

Как видно из дальнейшего, назначение центральным правительством гражданского губернатора вызвало сильное возбуждение в Наньчанфу, продолжавшееся после отъезда Вана, под влиянием ожидавшейся присылки в провинцию карательного отряда. С целью противодействия этому части 2-й Цзянсиской дивизии (по одним сведениям – пехотный полк и несколько инов 2-й дивизии, по другим – по одному пехотному полку от 3-й и 4-й бригад) были вызваны Ли-ле-цзюнем в январе к берегам Янцзы и расположены в Ху-коу, Цзю-цзяне и других местах. В свою очередь по распоряжению Правительства из Шанхая для стационарирования в Цзюцзяне было отправлено 6 канонерок и миноносцев. Прибывший около того же времени в Цзю-цзян на пароходе из Шанхая транспорт с оружием и боевыми припасами приказано было задержать впредь до улаживания возникшего инцидента, из боязни, чтобы все это не досталось цзянсиским войскам.

Задержание оружия вызвало 19 января протест со стороны Ли-ле-цзюня. Из этого протеста выяснилось, что транспорт состоял из 7 тысяч винтовок 7,9 мм и 3 миллионов патронов к ним и что оружие приобретено было еще в прошлом году для нужд цзянсиских войск через немецкую фирму Шульц и К°.

Улаживание вопроса было возложено на генерала Ван-чжи-сяна, который прибыл в Нань-чан-фу в феврале месяце. По-видимому, Ван-чжи-сян не удалось достичь умиротворения, так как 27 мая последовал приказ Президента о смещении Ли-ле-цзюня с должности цзянсиского дуду. Главным поводом к смещению Ли-ле-цзюня послужило его нежелание подчиняться требованию правительства об обратном отзывании сосредоточенных около Цзю-цзяна многочисленных войск.

У-чан [пров. Хубэй] – 17 марта 1913 года

С последнего восстания осенью 1912 года все время в Учане существовало опасение новых смут. В городе принимались строгие меры охраны, усиливаемые на ночь, время от времени производились казни лиц, заподозренных в противоправительственной агитации.

Такое напряженное состояние объяснялось тем, что Ли-юань-хун был предупрежден Президентом и гуандунским губернатором о подготовке в Учане революционного движения. 17 марта про-

изошло побоище, будто бы на почве зависти между нижними чинами 3-го полка и 1-й Хубэйской дивизии и конвоем Ли-юань-хуна. Обе стороны пошли друг на друга с оружием в руках, в результате чего оказалось несколько десятков раненых и несколько разгромленных домов. В действительности подкладка беспорядков была более серьезная, так как по требованию Ли-юань-хуна из Синь-ян-чжоу был вызван пехотный полк 6-й дивизии и продвинуты к Учану части Цзяннанской дивизии Ли-тянь-цзя. На Ханькоуский рейд было вызвано несколько судов эскадры Ян-цзы. Согласно китайской прессе вызов войск объяснялся необходимостью поддержания порядка при предстоящем осуществлении военных мероприятий, но иностранные газеты указывали на открытие в Учане заговора против Ли-юань-хуна, составленного образовавшимся в провинции обществом «Гай-цзин-туань». Общество это, несмотря на недавнее возникновение, получило большое развитие: к составу его принадлежало много офицеров хубэйских войск, в числе которых были занимавшие высокие должности и приближенные к Ли-юань-хуну; большинство членов было уволенные от службы офицеры и солдаты.

Общество это ставило своей целью совершение насильственного переворота в провинции, свержение Ли-юань-хуна и замену его начальником 8-й Хубэйской дивизии Цзи-юй-лином. Принятые Ли-юань-хуном меры расстроили планы заговорщиков. При произведенных обысках захвачены были списки членов общества, оружие, значки и проч., после чего были произведены аресты. В числе арестованных оказались командир 3-й бригады и 3 штаб-офицера из управления дуду. Генерал Цзи-юй-линь, узнав о раскрытии заговора, бежал. С этого, собственно, времени и начинается постепенное передвижение северных войск к югу и южных – к северу, закончившееся взрывом 2-й революции.

ДОКУМЕНТ № 4

Обращение Военного правительства провинции Сычуань к иностранцам

С ликвидацией национальными вооруженными силами Китая цинского самодержавного правительства и с созданием республики дружеские отношения Китая со всеми странами упрочатся, что, несомненно, будет способствовать поддержанию мира во всем ми-

ре и счастьем человечества. В своих отношениях с иностранцами национальная армия руководствуется следующим:

1. Все договоры, ранее заключенные Китаем с иностранными державами и соответственно ратифицированные, остаются в силе.

2. Обязательства по [старым] иностранным займам и платежи в счет контрибуции признаются нами, и мы обязуемся выплачивать их в установленные сроки за счет таможенных поступлений от всех провинций Китая.

3. Существующие права и интересы иностранцев в Китае полностью им гарантируются.

4. Жизнь и имущество иностранцев, проживающих на территории, контролируемой нашим Военным правительством, соответственно находятся под защитой Военного правительства.

5. Договоры, заключенные маньчжурским правительством с иностранными державами, предоставленные этим державам права и привилегии, а также иностранные займы, если они имели место уже после первого обращения Хубэйской армии, не признаются военным правительством действительными.

6. Иностранцы, которые оказывают маньчжурскому правительству помощь, наносящую вред Военному правительству, будут рассматриваться как наши враги.

7. Товары, числящиеся в военное время как запрещенные и переданные иностранцами маньчжурскому правительству, подлежат проверке и конфискации.

(«Синьхайская революция», т. 6, Шанхай, 1957, с. 19–20 (Го Сяо-чэн, История китайской революции, Шанхай, 1912) (кит. яз.)).

ДОКУМЕНТ № 5

Декларация при вступлении на пост Временного Президента Республики // Сунь Ят-сен. Избранные произведения. – М., 1964. – С. 134–136.

В самом начале строительства Китайской Республики я с величайшим трепетом принимаю пост Временного Президента, денно и ночью терзаясь мыслью, что не сумею оправдать чаяний сограждан. В короткое время силами народа ниспровергнуто, наконец, иго самодержавия, чье тлетворное дыхание отравляло воздух отчизны свыше двух столетий. Со дня восстания не прошло и нескольких

недель, а наша китайская власть вновь утверждена уже более чем в десяти провинциях. История еще не знала случая, чтобы успех был достигнут так быстро. Имея в виду, что на какой-то срок перестали существовать органы, обеспечивающие единство в стране и представительство в сношениях с иностранцами, а дело строительства Республики не терпит ни малейшего отлагательства, граждане возложили на меня обязанности по формированию Временного правительства. Отдавая себе отчет в ничтожности личных заслуг и желая, чтобы высокий пост занял достойнейший, я, Вэнь, не осмеливаюсь принять назначение. Но, сознавая необходимость исполнить до конца свой долг и послужить Родине, я, Вэнь, не смею от него отказаться. Высокие цели революции и воля сограждан обязывают меня отныне отдать все силы и способности осуществлению предначертаний народа, полному уничтожению остатков отвратительного самодержавия, утверждению Республики и обеспечению народного благосостояния. Об этом с открытым сердцем и полной решимостью я объявляю гражданам Республики.

Корни государства – в народе. Слить в одно государство земли ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэйцзу и тибетцев так, чтобы ханьцы, маньчжуры, монголы, хуэйцзу и тибетцы сплотились в одну семью, – значит добиться того, что мы называем национальным единством.

После того как Ухань первым поднял восстание за справедливость, более десяти провинций одна за другой провозгласили независимость. Иными словами, каждая из них перестала признавать власть маньчжурской династии Цин и вступила в союз с другими провинциями. Таковы же намерения Монголии и Тибета. Действовать единообразно, исключить всякую возможность раскола, создать сильный центральный орган, способный осуществлять управление в масштабах всей страны – значит добиться того, что мы называем территориальным единством.

Когда прозвучал кровавый набат и повсюду поднялись знамена восстания, наши храбрые воины овладели территорией более десяти провинций. И хотя войска наши не имели тогда единой структуры, а в управлении отдельными частями царил разнбой, цели всех наших воинов были одинаковыми. Так неужели трудно теперь от единства целей прийти к единству действий, к единству организации войск? Выполнить эту задачу – значит добиться того, что мы называем военно-административным единством.

Территория нашей страны огромна, и каждая провинция, естественно, имеет свои, присущие только ей обычаи и нравы. И если раньше, управляя страной, цинский двор осуществлял политику насильственной централизации власти, используя в качестве пранника псевдоконституцию, то теперь каждая провинция, вступив в союз, получит возможность осуществлять самоуправление. Отныне гражданское управление в стране должно строиться на правильном урегулировании отношений между центральным правительством и провинциями. Когда будет достигнута договоренность об основных принципах этих отношений, их детальная разработка не составит труда. Таким образом, мы установим то, что мы называем гражданско-административным единством страны.

В период правления маньчжурской династии Цин под маркой покрытия расходов на подготовку конституции проводилась политика финансового ограбления страны; жестокие налоги и произвольные поборы делали жизнь народа невыносимой. Отныне сбор средств для государственных расходов должен исходить из научных и рациональных основ финансовой системы и, что особенно важно, способствовать улучшению организации общества, дабы народ смог почувствовать радость жизни. Выполнить эту задачу — значит добиться того, что мы называем финансово-административным единством.

Таковы основные направления нашей политической и административной деятельности, таков курс, придерживаясь которого, мы надеемся избежать крупных ошибок.

Провозглашенные нами революционные принципы близки и понятны всем странам. Смысл нашей борьбы был понятен каждому иностранцу и раньше, когда наши выступления раз за разом терпели неудачу. С восьмой луны (октябрь) над страной реют знамена справедливости, и это находит одобрение всех дружественных государств. И если они, стремясь к миру, заняли позицию нейтралитета, то их пресса и общественность горячо сочувствуют нам. Постоянство дружелюбия наших соседей заслуживает самой глубокой благодарности. После учреждения Временного правительства мы возьмем на себя выполнение всех функций цивилизованного государства, дабы воспользоваться всеми данными ему привилегиями. С позорными для нашей страны действиями периода правления маньчжурской династии Цин и духом антииностранщины должно быть покончено навсегда. Мы будем придерживаться принципа

сохранения мира и укреплять узы дружбы с доброжелательными к нам государствами. Следуя этим путем, мы сможем добиться уважения к Китаю на международной арене и способствовать продвижению всего мира к великому единению. Наш внешнеполитический курс в том именно и состоит, чтобы последовательно добиваться осуществления этих целей, не полагаясь на счастливую случайность.

Республика наша только что создана, перед ней стоят сотни вопросов как во внутренней, так и во внешней политике, и я, Вэнь, думаю о людях, которые смогли бы преодолеть трудности. Как бы то ни было, наше Временное правительство – правительство эпохи революции. Каждому, кто более десяти лет, вплоть до сегодняшнего дня, служил революции, честность и искренность неизменно помогали побеждать невзгоды, встречавшиеся на его пути. И пусть невзгоды, которые мы встретим в будущем, превзойдут трудности прежних дней, – сохранив революционный дух, мы сможем, не останавливаясь, идти вперед и утвердить основы Китайской Республики на территории всей страны. Только тогда задачи Временного правительства будут выполнены до конца и совесть наша будет чиста перед согражданами. Сегодня, когда я впервые встречаюсь с гражданами Республики, с открытым сердцем я выношу свои душевные помыслы на суд нашего 400-миллионного народа.

1 января 1912 г.

ДОКУМЕНТ № 6

Указ Президента о запрещении курения опиума // Материалы о Синьхайской революции. – Пекин, 1961. – С. 214–215.

Опиум отравляет Китай своим ядом вот уже скоро 100 лет. Он не щадит ни богатых, ни бедных, распространяя свое губительное действие по всей стране. Из-за него дела приходят в упадок, жизнь растрачивается впустую, рушатся состояния и гибнут люди. Если не положить этому конец, погибнет весь наш народ. Никакое вражеское нашествие не сравнится по своим последствиям с этим злом. Но люди, пристрастившиеся к опиуму, не отдают себе в этом отчета, и это повергает меня в крайнее беспокойство.

В последние годы правления цинской династии понемногу начали понимать, какое зло несет с собой курение опиума. Был вве-

ден запрет на выращивание опиумного мака, а при продаже казенной опиумной пасты взимались налоги; с одной стороны, как будто стремились искоренить старые пороки, а с другой – поощряли распространение все той же отравы. Различные благотворительные общества в стране в свою очередь вели разъяснительную работу и помогали властям там, где те не успевали, поэтому со временем удалось добиться заметных успехов и черные списки [опиумокурильщиков] сократились.

Ныне, когда родилась Республика, которая ярким светом озарила весь мир, как раз и пришло время горячо взяться за это важное дело. Ведь если мы не сумеем избавиться от этого застарелого недуга, не сумеем очиститься от этой скверны, то какие бы хорошие законы и прекрасные установления мы ни вводили, разве мы можем быть уверенными, что не минуем гибели?

Поэтому мы обращаемся к Поднебесной: долг каждого человека – спасти государство и сберечь семью; народ может сдерживать себя и стать лучше. Те же, кто предается порокам, пьянствует, не могут быть гражданами республики, и следует поставить перед парламентом вопрос, чтобы при принятии конституции они были лишены права избирать и быть избранными. Тем самым мы покажем, что они находятся в положении, отличном от остального народа. Наряду с этим Министерству внутренних дел предписывается издать приказ дуду всех провинций, чтобы они в свою очередь отдали распоряжения местным властям вновь объявить о запрещении выращивать и курить опиум и о недопущении действий, предпринимаемых в обход запретам, или ослаблении их. В случае если принимаемые меры недостаточны, они обязаны безотлагательно наметить новые мероприятия. Особые надежды мы возлагаем на различные организации, которые должны со всей энергией повсеместно развернуть разъяснительную работу, чтобы народ осознал, в чем вред и в чем польза, и знал, по какому пути идти. Эти организации должны содействовать искоренению дурной привычки и обновлению народа. Я надеюсь, что мы сможем навсегда смыть позор «азиатской болезни» и возродим чистые и прекрасные нравы Китая.

*2 марта 1912 г.
(дата опубл.).*

ДОКУМЕНТ № 7

Временная конституция Китайской Республики // Вестник Азии.
– 1912. – № 11–12. – С. 358–364.

Глава 1. Общие принципы

Статья 1. Китайская Республика создается народом Китая.

Статья 2. Верховная власть Китайской Республики принадлежит всем гражданам страны.

Статья 3. Территорию Китайской Республики составляют 22 провинции, Внутренняя и Внешняя Монголия, Тибет и Цинхай.

Статья 4. Управление Китайской Республикой будет осуществляться через Национальное собрание, Временного президента, Кабинет министров и Судебную палату.

Глава 2. Народ

Статья 5. Народ Китайской Республики пользуется одинаковыми правами независимо от расы, класса и религии.

Статья 6. Народ пользуется следующими свободами:

1. Никто из граждан не может быть арестован, взят под стражу, отдан под суд или наказан в нарушение законов.

2. Проникнуть в жилище граждан или произвести в нем обыск можно лишь в соответствии с законом.

3. Народ свободен во владении собственностью и занятии предпринимательской деятельностью.

4. Народу предоставляется свобода слова, дискуссий, печати, а также собраний и организации обществ.

5. Народу гарантируется тайна переписки.

6. Народу предоставляется свобода в выборе местожительства и перемещении.

7. Народу предоставляется свобода вероисповедания.

Статья 7. Народ имеет право подачи петиции в [Национальное] собрание.

Статья 8. Народ имеет право обращаться с жалобами в административные органы.

Статья 9. Народ имеет право предъявить иск в суд и [требовать] судебного разбирательства.

Статья 10. Народ имеет право жаловаться в административный суд на любые действия чиновников, превышающие их полномочия и нарушающие закон.

Статья 11. Народ имеет право сдавать экзамены для замещения чиновничьей должности.

Статья 12. Народ имеет право избирать и быть избранным.

Статья 13. Народ обязан вносить налоги в соответствии с законом.

Статья 14. Народ обязан нести воинскую повинность в соответствии с законом.

Статья 15. Все права народа, перечисленные в настоящей главе, могут быть в соответствии с законом и в интересах всего общества, поддержания порядка или ввиду чрезвычайных обстоятельств ограничены.

Глава 3. Национальное собрание

Статья 16. Законодательные функции Китайской Республики осуществляет Национальное собрание.

Статья 17. Национальное собрание, как это определяется статьей 18, образуется из членов Национального собрания, избираемых повсеместно.

Статья 18. От каждой провинции, Внутренней Монголии, Внешней Монголии и Тибета избирается по пять членов Национального собрания, Цинхай избирает одного члена. Порядок избрания членов Национального собрания определяется на месте.

Во время сессии Национального собрания каждый член Национального собрания имеет один голос.

Статья 19. Национальное собрание правомочно:

1. Обсуждать и принимать все законопроекты.
2. Обсуждать и принимать решения по бюджету и выполнению бюджета Временного правительства.
3. Обсуждать и принимать решения по налогообложению, денежному обращению, а также по унификации мер и весов государства.
4. Обсуждать и принимать решения по выпуску и распределению государственных займов, а также относительно обязательств по ним казначейства.
5. Утверждать дела, перечисляемые в статьях 34, 35 и 40.
6. Давать ответы по вопросам, относительно которых Временный президент испросит совета.
7. Принимать петиции от народа.
8. Представлять свои соображения правительству относительно законов и других вопросов.

9. Направлять письменные запросы в Кабинет министров, а также требовать от членов Кабинета министров ответных разъяснений на сессии.

10. Ходатайствовать перед Временным правительством о расследовании случаев взяточничества и других нарушений законов чиновниками.

11. Национальное собрание может предъявить Временному президенту обвинение в государственном преступлении, если большинством голосов, но не менее $\frac{3}{5}$ присутствующих членов Национального собрания при кворуме не менее $\frac{4}{5}$ общего числа членов Национального собрания, будет признано, что им совершена измена.

12. Национальное собрание может предъявить министрам обвинение в совершении государственного преступления, если большинством в $\frac{2}{3}$ присутствующих при кворуме в $\frac{3}{4}$ общего числа членов Национального собрания будет признано, что они нарушили служебный долг и преступили закон.

Статья 20. Национальное собрание само [решает] о проведении заседаний, об их открытии и закрытии.

Статья 21. Заседания Национального собрания должны быть открытыми, однако по требованию министров или по решению половины присутствующих на заседании членов они могут проводиться закрыто.

Статья 22. Дела, по которым Национальное собрание приняло решения, обнародуются и исполняются Временным президентом.

Статья 23. Если Временный президент не согласен с каким-либо решением Национального собрания, он должен представить в течение десяти дней свои разъяснения и доводы по этому вопросу, который ставится на повторное обсуждение. Однако, если Национальное собрание при вторичном обсуждении этого вопроса поддержит его большинством в $\frac{2}{3}$ находящихся на заседании членов Национального собрания, то с этим делом надлежит поступать согласно статье 22.

Статья 24. Председатель Национального собрания избирается путем поименного голосования всеми членами Национального собрания, и если за него будет подана половина общего числа бюллетеней, он считается избранным.

Статья 25. Члены Национального собрания не несут за пределами Национального собрания ответственности за выступление и голосование на заседаниях Национального собрания.

Статья 26. Члены Национального собрания не могут быть подвергнуты в период сессии собрания аресту без согласия на то членов Национального собрания, за исключением случаев совершения ими вопиющих нарушений или преступлений, имеющих отношение к внутренним беспорядкам или иностранному вторжению.

Статья 27. Устав Национального собрания вырабатывается самим Национальным собранием.

Статья 28. Национальное собрание будет распущено в тот день, когда будет создан парламент и все его функции перейдут к парламенту.

Глава 4. Временный президент и вице-президент

Статья 29. Временный президент и вице-президент избираются Национальным собранием при наличии не менее $\frac{3}{4}$ всех членов Национального собрания и считаются избранными, если за них будет подано не менее $\frac{2}{3}$ голосов всех присутствующих.

Статья 30. Временный президент представляет Временное правительство, ведает делами управления государством, обнарудует законы.

Статья 31. Временный президент приводит в исполнение законы и имеет право на основании законов издавать приказы о назначении на должности, а также может давать указания об их публикации.

Статья 32. Временный президент осуществляет верховное командование всей армией и флотом страны.

Статья 33. Временный президент вырабатывает систему управления [провинциями], после чего она должна быть представлена на утверждение Национальным собранием.

Статья 34. Временный президент назначает и смещает гражданских и военных чиновников, однако приказы о назначении государственных министров, а также послов и посланников в иностранные государства должны получить одобрение Национального собрания.

Статья 35. Временный президент с согласия Национального собрания может объявлять войну, подписывать мир, а также заключать договоры.

Статья 36. Временный президент может в соответствии с законом объявить военное положение.

Статья 37. Временный президент представляет государство перед послами и посланниками иностранных держав.

Статья 38. Временный президент имеет право представить законопроекты [на рассмотрение] Национального собрания.

Статья 39. Временный президент может награждать орденами, а также другими отличиями.

Статья 40. Временный президент может объявить общую амнистию, специальную [частичную] амнистию, смягчение наказания, восстановление в правах, однако общая амнистия должна быть одобрена Национальным собранием.

Статья 41. В случае, если Временный президент будет обвинен Национальным собранием в совершении государственного преступления, члены Верховной судебной палаты выбирают из своего числа девять человек, которые образуют специальный судебный орган для разбора данного дела.

Статья 42. Временный вице-президент в случае, если Временный президент по какой-либо причине покинет свой пост или не сможет заниматься делами, получает все полномочия Временного президента.

Глава 5. Члены Кабинета министров

Статья 43. Премьер-министр и министры именуется членами Кабинета министров.

Статья 44. Члены Кабинета министров оказывают свое содействие Временному президенту и разделяют с ним ответственность.

Статья 45. Члены Кабинета министров должны скрепить своими подписями вслед за Временным президентом все законопроекты, обнародуемые законы, а также издаваемые приказы.

Статья 46. Члены Кабинета министров и их помощники могут присутствовать на заседаниях Национального собрания и выступать с речами.

Статья 47. Если члену Кабинета министров будет Национальным собранием предъявлено обвинение в совершении государственного преступления, Временный президент должен сместить его с занимаемой должности, однако [Временный президент] может передать это дело на вторичное обсуждение в Национальное собрание.

Глава 6. Судебная палата

Статья 48. Судебная палата создается из судей, каждый из которых назначается Временным президентом и министром юстиции.

Организация судебной палаты, а также квалификация судей определяются законом.

Статья 49. Судебная палата вершит суд и выносит решения по гражданским и уголовным делам в соответствии с законом.

Однако разбор дел, касающихся административного управления, а также других специальных дел, определяется особыми законами.

Статья 50. Разбор дела и вынесение приговора судебной палатой являются гласными, но в тех случаях, когда будет признано, что это может нанести вред общественному спокойствию и порядку, они должны быть закрытыми.

Статья 51. Судья в своей деятельности ни от кого не зависит, давление вышестоящих инстанций недопустимо.

Статья 52. Судье, находящемуся при исполнении своих обязанностей, не может быть снижено жалование, он не может быть переведен в другое место, если ему не будет в соответствии с законом предъявлено обвинение в нарушении уголовного кодекса, точно так же он не может быть снят с должности, если не определено, что в качестве наказания он должен покинуть свой пост. Положение о дисциплинарных взысканиях вырабатывается в соответствии с законом.

Глава 7. Дополнения

Статья 53. В течение десяти месяцев после принятия данной Конституции Временным президентом созывается парламент, закон об организации и о выборах которого вырабатывается Национальным собранием.

Статья 54. Конституция Китайской Республики разрабатывается и принимается парламентом; до того момента, пока Конституция не вступила в действие, имеет силу данная Временная конституция, равнозначная Конституции.

Статья 55. Данная [Временная] конституция может быть дополнена или пересмотрена, если за это выскажется более $\frac{2}{3}$ членов Национального собрания или если предложение будет исходить от Временного президента при поддержке свыше $\frac{4}{5}$ присутствующих при кворуме не менее $\frac{3}{4}$ всех членов Национального собрания.

Статья 56. Данная Временная конституция вступает в силу со дня ее опубликования.

С вступлением в силу настоящей Временной конституции аннулируются Основные положения организации Временного правительства.

11 марта 1912 г.

ДОКУМЕНТ № 8

Двадцать одно требование, предъявленное японским правительством президенту Юань-Шикаю 18 января 1915 г.

I (о Шаньдуне)

Японское правительство и китайское правительство, желая поддержания общего мира в Восточной Азии и дальнейшего укрепления дружеских отношений и доброго соседства между двумя нациями, согласились о нижеследующих статьях.

Ст. 1. Китайское правительство обязуется дать полное согласие на все условия, о которых японское правительство может в будущем договориться с германским правительством, относящиеся ко всем правам, интересам и концессиям, которыми Германия, в силу договоров или иначе, обладает в отношении провинции Шаньдун.

Ст. 2. Китайское правительство обязуется не уступать или сдавать в аренду никакой части территории или островов в пределах провинции Шаньдун или вдоль ее берега никакой третьей державе под каким бы то ни было предлогом.

Ст. 3. Китайское правительство соглашается, чтобы Япония построила железную дорогу от Чифу или Лунчжоу для соединения с Цзяочжоу-Цинаньфуской железной дороги.

Ст. 4. Китайское правительство обязуется, в интересах торговли и для проживания иностранцев, открыть по собственной инициативе так скоро, как только возможно, некоторые из важных городов и портов провинции Шаньдун как коммерческие порты. Какие места должны быть открыты, будет дополнительно определено в отдельном соглашении.

II (о Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии)

Японское правительство и Китайское правительство ввиду того, что китайское правительство всегда признавало специальное (*яп. вариант: «преобладающее»*) положение, занимаемое Японией

в Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии, соглашаются о нижеследующих статьях:

Ст. 1. Обе договаривающиеся державы взаимно соглашаются, что срок аренды Порт-Артура и Дальнего и срок аренды Южно-Манчжурской и Аньдун-Мукденской железной дороги будет увеличен до периода в 99 лет.

Ст. 2. Японские подданные в Ю. Манчжурии и В. В. Монголии будут иметь право арендовать или приобретать в собственность земли, необходимые им для возведения соответствующих зданий как для торговли и промышленного производства, так и для земледелия.

Ст. 3. Японские подданные будут вольны селиться (*яп. вариант содержит вместо слова «селиться» слово «въезжать»*) и путешествовать по Ю. Манчжурии и В. В. Монголии и заниматься делами или промышленностью всякого рода.

Ст. 4. Китайское правительство соглашается предоставить японским подданным право горных промыслов в Южной Манчжурии и В. В. Монголии. Вопрос, какие горные промыслы должны быть открыты, будет решен совместно.

Ст. 5. Китайское правительство соглашается, что в двух нижеупомянутых случаях (им) должно быть получено предварительное согласие японского правительства, прежде чем (им) будут приняты соответствующие действия:

а) всякий раз, когда будет даваться согласие подданным третьей державы на постройку железной дороги или на заключение займа в целях постройки железной дороги в Ю. Манчжурии и В. В. Монголии;

б) всякий раз, когда будет заключаться заем у третьей державы под залог местных налогов Ю. Манчжурии и В. В. Монголии.

Ст. 6. Китайское правительство соглашается (*яп. вариант: «обязуется»*), что если им будут приглашаться политические, финансовые или военные советники, то это будет прежде обсуждено с японским правительством.

Ст. 7. Китайское правительство соглашается, что контроль и управление Гиринь-Чанчуньской железной дорогой будет вручен японскому правительству на срок в 99 лет от даты подписания сего соглашения.

III (о Ханьепинской компании)

Японское правительство и китайское правительство, усматривая, что японские финансисты и Ханьепинская компания имеют в настоящее время тесные сношения друг с другом, и желая, чтобы общие интересы обеих наций развивались, согласились о следующих статьях:

Ст. 1. Обе договаривающиеся стороны взаимно соглашаются, что, когда наступит удобный момент, Ханьепинская компания станет соединенным концерном обеих наций, и сверх того они соглашаются, что, без предварительного согласия Японии, Китай не будет ни распоряжаться по собственному усмотрению всякого рода правами и собственностью упомянутой компании, ни побуждать ее (*яп. вариант: «разрешать ей»*) распоряжаться ими по (собственному) ее усмотрению.

Ст. 2. Китайское правительство соглашается (*яп. вариант: «обязуется»*), что (*яп. вариант: «как на меру, необходимую для процветания фундированным интересам яп. капиталистов, что»*) все горные промыслы по соседству с таковыми же, принадлежащими Ханьепинской компании, не должны разрабатываться без разрешения упомянутой компании никем, кроме этой компании. Оба правительства соглашаются, что если будет желательно осуществить какое-либо предприятие, о котором предполагается, что оно могло бы прямо или косвенно повредить интересам упомянутой компании, то предварительно должно быть получено согласие компании.

IV (о неотчуждении какого-либо пункта на побережье Китая)

Японское правительство и китайское правительство, в целях действительного охранения территориальной неприкосновенности Китая, соглашаются в следующей специальной статье: китайское правительство обязуется не уступать и не сдавать в аренду третьей державе какой-либо гавани, бухты или острова вдоль берега Китая.

V (общеполитические постановления)

Ст. 1. Китайское центральное правительство будет приглашать влиятельных японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным делам.

Ст. 2. Японским госпиталям, храмам и школам внутри Китая будет предоставлено право владеть землей на началах собственности.

Ст. 3. Так как японское правительство и китайское правительство имели много случаев пререканий между японской и китайской полицией при урегулировании (возникавших) дел, что причиняло немало недоразумений, то поэтому необходимо, чтобы полицейские учреждения в важных местах Китая управлялись совместно японцами и китайцами или чтобы полицейские учреждения этих мест принимали на службу многочисленных японцев, дабы они могли в то же время помочь в работе по усовершенствованию китайской полицейской службы.

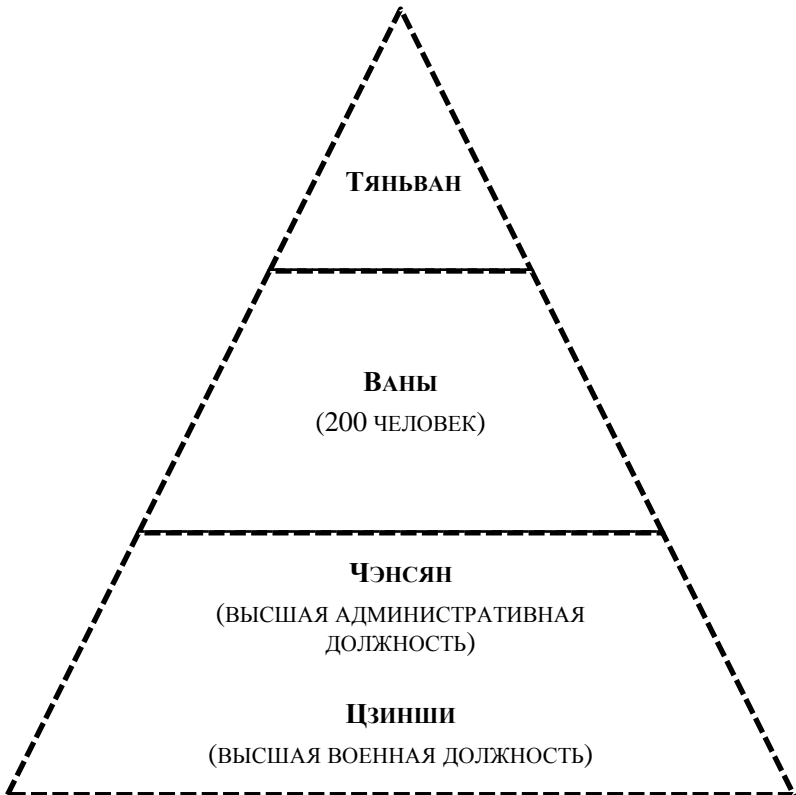
Ст. 4. Китай будет приобретать в Японии определенное количество военного вооружения (примерно 50 % или более того), в котором нуждается китайское правительство, или же в Китае будет создан, на началах совместной работы, китайско-японский арсенал. Имеют быть приглашены японские технические эксперты и приобретены японские материалы.

Ст. 5. Китайское правительство соглашается предоставить Японии право сооружения железной дороги, соединяющей Учан с Цзюцзяном и Наньчаном, другой дороги от Наньчана до Ханчжоу и третьей от Наньчана до Чаочжоу.

Ст. 6. Если Китай нуждается в капиталах для разработки горных промыслов, постройки железной дороги и для портовых работ (включая доки) в провинции Фуцзянь, то (ему) надлежит предварительно посоветоваться с Японией.

Ст. 7. Китай соглашается, что японские подданные будут иметь право миссионерской пропаганды в Китае.

Система титулов и должностных рангов у тайпинов

Тяньван = Небесный князь

**Синхронистическая таблица природных, социоестественных,
социально-экономических, политических и культурных процессов и событий в Китае
(Э. С. Кульпин)**

ПРИРОДНЫЕ		СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЕ		СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ	
<i>процессы</i>	<i>события и явления</i>	<i>процессы</i>	<i>события и явления</i>	<i>процессы</i>	<i>события и явления</i>
		Беспрецедентный демографический рост и аграрная перенаселенность. Обнищание подавляющего большинства населения, включая часть господствующую-	Нарушение «трех неизменных» социально-экологического равновесия. Утрата государством способности регулировать социально-экологические процессы с XVIII в.	Консервация традиционных социально-политических отношений. Консервативные тенденции в идеологии и иерархии ценностей, а также в искусстве. Политика изоля-	Империя Цин (1644–1911) и Китайская Республика (1911–1949). Антиманьчжурские выступления тайных общества. Преследования прогрессивных ученых и писателей.

		<p>щих слоев общества, рост ростовщичества. Невозможность развития капитализма на собственной основе, т. е. осуществления первоначального накопления капитала, из-за дефицита средств, природных ресурсов, системы ценностей, ориентированных не на развитие, а стабильность</p>	<p>Второй социально-экологический кризис. Производство зерновых на душу населения на уровне, близком к физиологическому минимуму. Неудачная попытка традиционным способом перейти от упадка к подъему, начать новый цикл с передела земли (восстание тайпинов)</p>	<p>ции страны от внешнего мира. Оборонительные войны против колониальных держав. Народные восстания. Политическое и экономическое проникновение в Китай империалистических держав, навязанное Китаю извне развитие капитализма. Кризис традиционных ценностей, идеологии, науки, искусства. Поиск нетрадиционных путей развития</p>	<p>Восстановление дворцов и императорских парков Пекина. Загородный ансамбль Ихэюань. Ландшафтные сады в Сучжоу и Ханьчжоу. «Опиумные» войны с колониальными державами (1839–1842, 1856–1860). Мощное крестьянское восстание тайпинов, подавленное с помощью колониальных держав (1850–1864). Франко-китайская война (1884–1888).</p>
--	--	--	--	---	---

					Попытка решения проблем без коренной ломки представлений о мире и о себе (политика «самоусиления»)
	Первые явления локальных нарушений экологического равновесия за счет сельской промышленной деятельности. Локальные нарушения экологического равновесия за счет возрастания демографического давления на землю и раз-	Значительное временное повышение производительности труда и земли, с последующим резким падением до уровня ниже минимума физического выживания. Спровоцированный государством демографический рост населения	Установление прямой зависимости между числом едоков в крестьянской семье и размером собственной и арендуемой пахотной земли. Аграрная реформа – первый передел земли. Ликвидация института ростовщичества. Коллективизация – второй передел земли.	Знакомство с достижениями мировой науки, литературы, искусства. Напряженный поиск китайского общества путей выхода из кризисного состояния, борьба между двумя основными типами модернизации – гоминьдана с его акцентом на традиционные	Деятельность Сунь Ятсена с 1893 г. по созданию партии коренных преобразований в стране. Японо-китайская война (1894–1895) и крах политики самоусиления. Создание Гоминьдана. Синьхайская революция 1911 г. Образование КПК (1921 г.).

	<p>вития экологически грязной сельской промышленности, постепенно переходящие в общекитайский экологический кризис</p>		<p>«Большой скачок». «Культурная революция». Уравнительное распределение продовольствия</p>	<p>ценности и КПК – на западные в марксистском варианте. Насильственное внедрение начала опыта социально-экономического развития СССР, затем утопического социализма с «китайским лицом». Внедрение деспотизма без компенсаторных механизмов в духе конфуцианских традиций</p>	<p>Революция 1925–1927 гг. Гражданская война 1927–1949 гг. Победа НОАК и КПК, образование КНР в 1949 г. Китайская Народная Республика (1949–1999)</p>
--	--	--	---	--	--

Императоры династии Цин

Название девиза правления	Личное имя	Годы правления	Годы жизни
Шуньчжи Благоприятное правление	Фу Линь	1644–1661	1638–1661
Канси Процветающее и лучезарное	Сюань-е	1662–1722	1654–1722
Юнчжэн Гармоничное и справедливое	Цяньлун	1723–1735	1678–1735
Цяньлун Непоколебимое и славное	Хун-ли	1736–1795	1711–1799
Изяцин Прекрасное и радостное	Юн-янь	1796–1820	1760–1820
Даогуан Целенаправленное и блестящее	Мянь-нин	1821–1850	1782–1850
Сяньфэн Всеобщее изобилие	И Чжу	1851–1861	1831–1861
Тунчжи Совместное правление	Цзай Чунь	1862–1874	1856–1875
Гуансюй Блестящее наследие	Цзай Тянь	1875–1908	1871–1908
Сюаньтуй Всеобщее единение	Пу И	1908–1911	1906–1967

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-КОММЕНТАРИЙ

Богдыхан (от монг. «величество, небесный, святой, император») – титул китайского императора, встречающийся в русских источниках XVI–XVII вв.

Баоцзя – система организации крестьянских дворов в Китае в особые единицы (бао). «Закон о баоцзя» (1070 г.) был введен в период правления династии Сун. Согласно ему, из каждого сельского двора, имевшего в своем составе двух взрослых мужчин, одного зачисляли в бойцы Б. 10 дворов составляли 1 бао, 50 дворов – 1 большой бао (дабао), 10 больших бао – 1 дубао. Должности начальников бао, большого бао и дубао занимались помещиками. Бао в обычное время несли службу патрулирования и охраны, причем все входившие в бао в случае недонесения о совершенном преступлении подлежали наказанию, как за соучастие. В периоды, свободные от сельскохозяйственных работ, бойцы Б. обучались военному делу. Существовала до 1949 г.

Вэнь – самая мелкая денежная единица, аналог европейского гроша.

«Гунхан» – китайская купеческая корпорация, учрежденная цинским правительством в 1720 г. в Гуанчжоу как средство монополизации торговли с западноевропейскими купцами на юге Китая. Купцы, не входившие в эту гильдию, не могли напрямую торговать с европейцами. Им приходилось продавать свои товары членам «Гунхан», платя тяжелые внутренние пошлины, подвергаясь вымогательству и произволу со стороны «казенных торговцев» и чиновников. Только члены «Гунхан» имели право общаться с «заморскими варварами» и изучать их языки. Корпорация осуществляла сбор таможенных пошлин и контроль за европейскими предпринимателями. Сама «Г.» находилась под строгим надзором наместника провинций Гуандун и Гуанси, военного губернатора и таможенного начальника. Просуществовала до момента заключения Нанкинского договора (1842).

Дан – мера веса, равная 103,54 литра.

Доу – мера объема, равная 10,35 литра.

Ихэтуани – «отряды справедливости и согласия» – выступили под лозунгом изгнания иностранцев из Китая. Восстание было поднято в 1899 г. в северных и северо-восточных районах Китая и

вначале в основном носило антиправительственный характер, но затем Цины предпринимают шаги, чтобы отвести удар от себя и направить его в русло антииностранный борьбы. В июне 1900 г. ихэтуани начали осаду посольского квартала в Пекине, а также блокировали иностранные концессии в Тяньцзине. В ответ на это державы направили в Китай свои войска, и восстание было жестоко подавлено. Интервенция восьми держав привела к полной капитуляции маньчжурского правительства и подписанию тяжелого и унижительного для Китая «Заключительного протокола» (1901 г.).

Ихэцуань («кулак, поднятый во имя справедливости и мира») – название отрядов, участвовавших в восстании ихэтуаней. Отсюда произошло некорректное европейское название движения – «боксерское».

Коутоу (каутоу) (с кит. «битье головой») – церемония (обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья), признающая превосходство «сына Неба» (китайского императора) или какого-либо чиновника. Согласно китайскому дипломатическому этикету этот обряд было необходимо совершать при приближении к императорской особе. Долгое время был одним из существенных факторов, препятствовавших налаживанию дипломатических контактов между европейскими христианскими державами и цинским Китаем, так как западные представители находили его крайне унижительным и отказывались выполнять.

Кули («горькая сила») – исполнители наиболее тяжелых и унижительных работ. Пополнялись за счет разорившихся крестьян и городских низов. Самая дешевая рабочая сила.

Ли – мера длины, равная 576 м.

Мандарин (от португ. «мандар» – начальник) – термин, использовавшийся в Европе для обозначения китайских чиновников.

Манчжуры – народ, коренное население Северо-Восточного Китая. В конце XX века проживали в основном в Южной Маньчжурии, численность составляла около 3 млн человек. М. – в основном потомки древнего населения Северо-Восточного Китая – упоминаемых в китайских летописях тунгусских племён. В разное время в этногенезе М. участвовали также соседние тюркские, монгольские и другие племена. Верующие М. исповедуют буддизм и даосизм, у части М. бытуют шаманство и культ предков. М. сложились в единый народ в начале XVII века, когда с объединением мелких владений и созданием военно-феодального государства

появилось общее для всего края и народа наименование Манчжу. Тогда же сложились общенародный язык М. и общность материальной и духовной культуры.

Манчжурия – историческое название области на северо-востоке Китая (регион Дунбэй и восточная часть Внутренней Монголии; равнинная часть китайской М. – провинции Хэйлуунцзян, Цзилинь и Ляонин). Название произошло от наименования народности манчжуры. До 1858–1860 гг. в понятие «Манчжурия» включались территории, отошедшие к России по Айгунскому договору (1858) и Пекинскому трактату (1860), то есть современные Приамурье и Приморье.

В XVII–XVIII веках европейцы часто собирательно называли маньчжуров и монголов «татарами», поэтому входившие в состав Цинской империи Манчжурия и Монголия были известны в Западной Европе как «Китайская Тартария». Лишь в течение XIX в. слово «Манчжурия» стало общеупотребительным.

С 1 марта 1932 г. по 19 августа 1945 г. на территории Маньчжурии существовало марионеточное государство Манчжоу-го.

Му – мера площади, равная 6,144 аров или $\frac{1}{16}$ га.

Пикуль – единица массы в ряде стран Юго-Восточной Азии, равная приблизительно 60 кг. В Китае составлял 60,5 кг.

Таэль (лянь) – условная денежная единица, средство высокого платежа в традиционном Китае. Настоящих серебряных монет в стране долгое время не существовало. В условиях постоянной нехватки металла в XVIII в. его активно завозили из Японии, Мексики, Европы. Ухудшение финансового положения Китая в середине XIX в., связанное с оттоком серебра после «опиумных» войн и с контрабандной торговлей опиумом, заставило цинское правительство начать выпуск собственных монет. С 1856 г. лян весил 37 гр. К началу XX в. один серебряный таэль равнялся 1,55 российского рубля.

Туаньянь – отряды самообороны, создававшиеся помещиками для того, чтобы держать в повиновении население и подавлять выступления крестьян. Использовались помещиками в борьбе против тайпинов.

Чжунго («Срединное государство») – самоназвание Китая, являющееся выражением культурного превосходства ханьцев. Китай воспринимал себя как центр земли с находящимися за его пределами варварами, которые платили ему дань.

Ханьцы – самоназвание китайцев. Название происходит от притока Янцзы – реки Хань.

Шэньши (с кит. «учёные мужи, носящие широкий пояс») – лица, выдержавшие экзамены на учёную степень, которая давала право занимать государственные и общинные должности. Ш. поставляли кадры для всех звеньев государственного аппарата и местного помещичье-общинного самоуправления, выступали в качестве хранителей официальной конфуцианской идеологии и традиций, руководителей сельских школ и общинных судов. Ш. не платили подушного налога, освобождались от рекрутского набора, не подлежали телесным наказаниям, носили особое платье. Сословие Ш. сложилось между 2 в. до н. э. и 10 в. н. э., когда выработался порядок замещения посредством экзаменов большей части государственных должностей.

Юань – основная денежная единица Китая (так называемый китайский доллар).

Casus belli (с лат. «случай (для) войны», «военный инцидент») – повод для начала военных действий.

Учебное издание

КИТАЙ

В ЭПОХУ ДИНАСТИИ ЦИН
(1644–1912)

Учебно-методическое пособие

Составитель

ГУСЕВА ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА

Компьютерная верстка и корректура – *Н. В. Мильникова*
Обложка – *ООО «Абрис»*

Самарский филиал ГБОУ ВПО города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
443041, г. Самара, ул. Братьев Коростелевых, 76.

Подписано в печать 27.02.15. Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офисная.
Гарнитура Times New Roman. Печать оперативная. Усл. печ. л. 12,5.

Тираж 100 экз. Заказ 2702.

Отпечатано в типографии ООО «Абрис»,
443041, г. Самара, ул. Агибалова, 78.